

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Сборник научных трудов

Выпуск 21

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
И ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
(Материалы VI Международной студенческой конференции)

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2025

УДК 340.1
ББК 67.0
Т67

Научный редактор –
доктор юридических наук, профессор *О. С. Рогачева*

Трибуна молодых ученых : сборник научных трудов.
Т67 Вып. 21 : Современные тенденции развития гражданского права и цивилистического процесса (материалы VI Международной студенческой конференции) / под ред. О. С. Рогачевой ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2025. – 159 с.
ISBN 978-5-9273-4320-1

В сборник научных трудов вошли статьи студентов и аспирантов юридического факультета Воронежского государственного университета по материалам VI Международной студенческой конференции «Тенденции развития гражданского права и цивилистического процесса», состоявшейся на юридическом факультете Воронежского государственного университета 16–17 февраля 2024 г.

Для студентов, аспирантов, преподавателей, а также научных работников и практикующих юристов.

УДК 340.1
ББК 67.0

ISBN 978-5-9273-4320-1

© Воронежский государственный университет, 2025
© Оформление, оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

<i>Авдеева Е. Е.</i> Проблемы защиты наименования некоммерческих организаций	6
<i>Александрова П. С.</i> Фикции в гражданском судопроизводстве	12
<i>Беляева А. Э.</i> Изъятие из оборота контрафактных товаров – меры ответственности или защиты?	19
<i>Бобровницкая Э. Б.</i> Существенные условия договора возмездного оказания медицинских услуг в Республике Беларусь и Российской Федерации: сравнительно-правовой аспект	23
<i>Виноградов А. Д.</i> Об отличиях и отграничении договора поручительства от доверенности	30
<i>Вознюк С. В.</i> Влияние публичности на возможность охраны изображения гражданина	36
<i>Зуенко Д. М.</i> К вопросу о наследственных правах несовершеннолетних в Российской Федерации: основные аспекты и механизм реализации	41
<i>Карпович А. Ю.</i> К вопросу о сдаче и приемке выполненных работ по договору подряда на выполнение проектных и изыскательских работ	47
<i>Ковбель И. В.</i> Особенности развития примирительных процедур: сравнительно-правовой анализ	53
<i>Кривцов С. Д.</i> Гражданско-правовая ответственность за нарушение прав в цифровой среде	66
<i>Кубарева Л. В.</i> Преимущественное право покупки доли в долевой собственности и публичные торги при банкротстве одного из собственников: совместить несовместимое	70
<i>Купцов Н. С.</i> Голос исполнителя вокального произведения как охраняемый элемент права на исполнение.....	78

<i>Лубянская А. В.</i> Арендная плата за земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности: правовые проблемы	85
<i>Мешалкина И. В.</i> Концепции единства и множественности солидарных обязательств.....	89
<i>Шабаян В. С.</i> Проблемы применения гражданско-правовой ответственности при использовании систем искусственного интеллекта.....	95

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

<i>Зверев Д. Р.</i> Правовые основания и границы применения искусственного интеллекта в судопроизводстве	100
<i>Кирюшкина С. А.</i> Участие адвоката в досудебном урегулировании споров	111
<i>Кокулеков А. А.</i> Ограничение в использовании отдельных видов обеспечительных мер в административном судопроизводстве	116

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

<i>Васимова А. В.</i> Некоторые особенности взыскания алиментов с иностранным элементом	121
<i>Григорьева Н. В.</i> Особенности зарубежного опыта алиментных правоотношений родителей и детей и внедрение его в российское правовое поле	127
<i>Дикаева З. С.</i> Семейная медиация в Сингапуре и пути ее развития в России	133
<i>Ищенко Н. Е.</i> Участие несовершеннолетних в наследственных правоотношениях	141
<i>Панченко К. А.</i> Особенности изменения, расторжения и прекращения договора суррогатного материнства ...	148
<i>Ризова А. А.</i> Проблемы правового регулирования суррогатного материнства в Российской Федерации....	153

ПРЕДИСЛОВИЕ

16–17 февраля 2024 г. кафедрой гражданского права и процесса юридического факультета Воронежского государственного университета совместно со Студенческим научным обществом была проведена VI Международная студенческая конференция «Тенденции развития гражданского права и цивилистического процесса».

Данный сборник включает в себя статьи участников конференции, подготовленные на основе их выступлений. Исследования студентов и аспирантов затрагивают актуальные проблемы гражданского права и процесса, а также основ семейного законодательства. Отдельное внимание уделяется новеллам авторского права, перспективам использования искусственного интеллекта в юриспруденции, тенденциям развития примирительных процедур.

Авторами статей выдвинуты идеи развития действующего законодательства и судебной практики по затронутой ими проблематике. В свою очередь, высказанные предложения могут стать поводом для дальнейших дискуссий и новых идей. Надеемся, что интерес студентов, проявленный к наукам гражданского права и цивилистического процесса, в дальнейшем не угаснет, а проведенные исследования станут хорошим стартом для участия в научной жизни. Выражаем отдельную признательность научным руководителям, оказавшим помощь в подготовке статей и поддержавшим интерес студентов к исследовательской деятельности.

*Преподаватели кафедры гражданского права
и процесса ВГУ и члены Студенческого научного
общества юридического факультета ВГУ*

Авдеева Екатерина Евгеньевна

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ НАИМЕНОВАНИЯ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Avdeeva Ekaterina Evgenievna

Voronezh State University, Voronezh

PROBLEMS OF PROTECTING THE NAMES OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Аннотация: *в настоящей статье охарактеризованы некоторые из проблем правового режима наименования некоммерческих организаций юридического лица в Российской Федерации. Наименование имеет важное значение для индивидуализации некоммерческих организаций, в связи с чем его должное правовое регулирование является актуальной задачей.*

Abstract: *this article describes some of the problems of the legal regime for naming non-profit organizations of a legal entity in the Russian Federation. The name is important for the individualization of non-profit organizations, and therefore its proper legal regulation is an urgent task.*

Ключевые слова: *наименование некоммерческой организации, исключительное право, охрана.*

Key words: *name of non-profit organization, exclusive right, protection.*

При изучении средств индивидуализации юридических лиц, как правило, затрагивается положение лишь коммерческих организаций и фирменного наименования, их индивидуализирующего, однако на мой взгляд стоит уделить больше внимания и другой группе юридических лиц – некоммерческих, ведь несмотря на наличие в России большого количества некоммерческих

организаций и разнообразия их организационно – правовых форм, регулирование средств индивидуализации в данной области не совершенно.

Положение некоммерческих организаций в Российской Федерации в основном регулируется Федеральным законом «О некоммерческих организациях»¹. Так, в статье 4 данного Федерального закона указывается, что некоммерческая организация имеет наименование, содержащее указание на ее организационно-правовую форму и характер деятельности. Далее этой же статьей установлено, что некоммерческая организация, наименование которой зарегистрировано в установленном порядке, имеет исключительное право его использования, это наименование указывается в ее учредительных документах, и, кроме того, закреплены правила использования официальных наименований и производных от них слов.

Таким образом, положения закона, регулирующие наименование некоммерческих организаций, по своей сущности очень схожи с нормами о фирменном наименовании, однако в пункте 147 Постановления Пленума Верховного Суда №10 напрямую указано, что право на фирменное наименование возникает только у юридического лица, являющегося коммерческой организацией². Указанные же в статье 4 Федерального закона «О некоммерческих организациях» наименования некоммерческих организаций не являются средством индивидуализации юридических лиц в смысле положений части четвертой ГК РФ, на них не распространяется правовая охрана, установленная параграфом 1 главы 76 ГК РФ. Ввиду этого правила, предусмотренные статьей 1473 ГК РФ, в том числе запреты, содержащиеся в пункте 4 этой статьи, на некоммерческие организации не распространяются³.

Возникает вопрос, каким образом тогда осуществляется правовая охрана таких наименований? Ответ на данный вопрос содержится в том же пункте Постановления Пленума Верховного Суда, согласно которому право на наименование некоммерческой организации может быть защищено от действий третьих лиц, являющихся актом недобросовестной конкуренции или злоупотреблением правом, на основании положений статьи 10 ГК РФ, Федерального закона «О защите конкуренции»⁴, статьи 10.bis Парижской конвенции⁵.

Кроме того, наименованию некоммерческой организации может быть предоставлена правовая охрана как коммерческому обозначению в случаях, предусмотренных параграфом 4 главы 76 ГК РФ.

Кроме того, в настоящее время Министерство Юстиции России отказывает в регистрации некоммерческой организации при наличии в реестре организации с таким же наименованием, поскольку запрет на регистрацию некоммерческих организаций с одинаковыми наименованиями в законодательстве содержится в п. 1 ст. 23.1 Федерального закона «О некоммерческих организациях». Вместе с тем специальных положений о способах защиты наименования организации ни в Законе о некоммерческих организациях, ни в Гражданском кодексе РФ не имеется.

В связи с этим анализ судебной практики показывает, что некоммерческим организациям невозможно защитить свое право на наименование и пресечь его недобросовестное использование. Пути решения вопроса в данном случае предлагаются различные – посредством признания наименований НКО средством индивидуализации по части 4 ГК, либо же введение для НКО отдельного механизма защиты наименования.

Также стоит отметить, что широко известен первый прецедент признания судом права НКО на защиту своего имени. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации рассмотрела дело Благотворительного фонда помощи детям с онкогематологическими и иными тяжелыми заболеваниями «Подари жизнь», зарегистрированного в качестве некоммерческой организации в 2006 г., к некоммерческой организации «Благотворительный фонд «Подари жизнь», зарегистрированной в 2015 г., о запрете использования словосочетания «подари жизнь» в наименовании некоммерческой организацией⁶. И в 2017 г. Красноярский краевой суд обязал фонд «Подари жизнь» сменить название в течение 10 дней и компенсировать судебные расходы⁷. Однако и в этом случае суд признал право на защиту наименования со ссылками на ст. 10 и 12 ГК РФ, то есть исходя из общих положений о защите гражданских прав. Стоит также упомянуть, что в Определении Верховного суда по данному делу содержится указание на правовую позицию, изложенную в определении Конституционного Суда Российской Федерации от

10 февраля 2009 г. № 244-О-О, согласно которой вред, причиненный истцу, не подлежит доказыванию, защита допускается при наличии и выявлении фактов нарушения прав некоммерческой организации использованием другой некоммерческой организацией такого же наименования, а также при наличии фактов, которые подтверждали бы намерение ответчика использовать наименование истца с целью введения кого-либо в заблуждение.

Таким образом, на данный момент защита наименования некоммерческих организаций возможно лишь посредством использования положений общих положений Гражданского кодекса, устанавливающих запрет на злоупотребление правом при его осуществлении.

Говоря о путях решения данной проблемы, мне хотелось бы высказать точку зрения о том, что распространение режима фирменного наименования на наименование НКО в данном случае не будет способствовать эффективному урегулированию⁸. На мой взгляд, если законодатель уже пошел по пути разграничения юридических лиц на коммерческие и некоммерческие и как следствие, и их наименований тоже, оптимальным вариантом было бы включение специального механизма защиты наименования НКО, пускай и аналогичного защите фирменного наименования, но в закон, регулирующий положение именно некоммерческих организаций.

Так, мне хотелось бы предложить включить в закон «О некоммерческих организациях» следующие положения:

1. Перечень требований к наименованию некоммерческих организаций; на данный момент в ст. 54 ГК РФ и ст. 4 Закона об НКО содержится указание на особый режим использования в наименовании некоммерческой организации официального наименования Российская Федерация или Россия, а также слов, производных от этого наименования, однако на мой взгляд было бы целесообразно отдельно добавить запрет на включение в наименование:

– обозначений, противоречащих общественным интересам, а также принципам гуманности и морали

– полных или сокращенных официальные наименования иностранных государств, а также слов, производных от таких наименований;

– полных или сокращенных официальных наименований федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления; (то есть по аналогии с требованиями к фирменному наименованию)

2. Механизм защиты наименования НКО, который позволял бы защитить свое наименование организации непосредственно после выявления факта нарушения со стороны другой НКО. То есть, закрепить возможность НКО обращаться в суд с требованиями о прекращении использования наименования, тождественного наименованию правообладателя или сходного с ним до степени смешения, в отношении видов деятельности, аналогичных видам деятельности, осуществляемым правообладателем, или изменить свое наименование (и также право требовать возмещения правообладателю причиненных убытков). Разумеется, ввиду того что некоммерческие организации не указывают конкретные коды деятельности, может быть усложнен процесс доказывания аналогичности деятельности, однако я не думаю, что это может стать существенным затруднением для реализации права на защиту наименования.

3. Следующее, что мне хотелось бы предложить, это установление безусловного запрета на наличие тождественных наименований. Ввиду того, что некоммерческие организации имеют благотворительную, культурную, образовательную и т.д. направленность своей деятельности, проблема тождественности их наименований носит, как мне кажется, еще более публичный характер. Ведь как для самой организации, так и для граждан действительно важна четкая идентификация организации – люди жертвуют свои средства именно той организации, которая занимается именно тем, что для них важно. Кто-то готов оказывать помощь организациям, занимающимся проблемами бездомных кошек и собак, кто-то организациям, деятельность которых связана с научными разработками и т.д.

Таким образом, на мой взгляд, указанные положения будут способствовать наиболее эффективной деятельности и развитию некоммерческих организаций.

¹ См. Федеральный закон от 12.01.1996 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»: принят Государственной Думой 8 декабря 1995 г. [в ред. от 31 июля 2023 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. ст. 145. С. 2–3.

² См. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт информ.-правовой правовой компании компании]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 12.02.2024).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : Федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 05.12.2022) // Собр. законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

⁴ См. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»: принят Государственной Думой 8 июля 2006 г. [в ред. от 10 июля 2023 г.] // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть 1). Ст. 3434.

⁵ См. Конвенция по охране промышленной собственности. Заключена в Париже 20.03.1883 г.: [ред. от 02.10.1979] // Закон. 1999. № 7.

⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. № 1. 2018. Утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28.03.2018.

⁷ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Красноярского краевого суда от 27 сентября 2017 г. по делу № 33-11545/2017.

⁸ См. Свириденко О. М. Концепция правовой защиты фирменных наименований некоммерческих организаций / О. М. Свириденко // Мониторинг правоприменения. 2023. № 3(48). С. 2–6.

*Воронежский государственный
университет*

*Авдеева Екатерина Евгеньевна
E-mail: aee.avdeeva@yandex.ru*

Voronezh State University

*Avdeeva Ekaterina Evgenievna
E-mail: aee.avdeeva@yandex.ru*

Александрова Полина Сергеевна

Воронежский государственный университет, Воронеж

ФИКЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Aleksandrova Polina Sergeevna

Voronezh State University, Voronezh

FICTIONS IN CIVIL PROCEEDINGS

Аннотация: *статья посвящена проблеме существования фикций в гражданском судопроизводстве. На основе анализа ряда примеров автор доказывает целесообразность их существования. Делается вывод о том, что применение гражданско-процессуальных фикций способствует своевременности и справедливости рассмотрения и разрешения гражданского дела.*

Abstract: *the article is dedicated to the problem of existence of fictions in civil proceedings. Based on analysis of a number of examples the author proves the expediency of their existence. It is concluded that the use of civil procedural fictions contributes to the timeliness and fairness of consideration and resolution of a civil case.*

Ключевые слова: *фикция в гражданском судопроизводстве, процессуальная фикция, доказательственная фикция, функции фикции гражданского процессуального права.*

Key words: *fiction in civil proceedings, procedural fiction, evidentiary fiction, functions of the fiction of civil procedural law.*

Толковый словарь русского языка определяет понятие «фикция» в распространенном обыденном понимании как «положение, построение, которому ничто не соответствует в действительности, но которым пользуются как допущением с какой-нибудь определенной целью»¹.

Известны и юридические фикции, которые применяются для правового регулирования тех или иных правоотношений.

Рудольф Фон Иеринг (немецкий правовед) «говорил о фикции, как о кажущемся акте, с помощью которого достигается известный результат, одобренный данной системой права. Он характеризовал юридическую фикцию как юридическую ложь, освященную необходимостью; она позволяет избегать трудностей, вместо того, чтобы преодолевать их, и представляет собой своего рода технический обман»². Фикция, как средство юридической техники, применялась еще римскими юристами. Так, «одним из видов исков в римском праве были фиктивные иски (*actio ficticia*), то есть, иски с использованием фикции. Такой вид иска нужен был, чтобы распространить предусмотренную законом защиту на какое-либо новое, не предусмотренное в законе отношение»³.

Применительно к гражданскому судопроизводству основное значение фикции, как отмечается в учебной литературе, – побудить участника процесса совершить определенное процессуальное действие и преодолеть последствия недобросовестного поведения недисциплинированных лиц, участвующих в деле⁴.

Вместе с тем единого понимания понятия фикции не сложилось ни в правовой науке в целом, ни в доктрине гражданского процессуального права, ни на практике. Можно выделить несколько основных подходов к её определению. Так, под фикцией понимается:

1) правоприменительный прием, посредством которого субъект судопроизводства привлекается к юридической ответственности⁵.

2) технико-юридический прием, который основывается на признании свойств, присущих определенному объекту.

3) факт, который признается юридически доказанным, пока не приведено его опровержение, если соблюдены определенные процессуальные нормы⁶.

Как видно из последнего подхода, фикция по своему значению близка к презумпции.

Поэтому одной из теоретических проблем является необходимость разграничения этих категорий.

Несмотря на то, что фикции и презумпции имеют некоторую общность: они применяются там, где нет достоверного знания,⁷ между ними имеется несколько различий:

Во-первых, по целям и функциям. Как отмечает И.В. Решетникова, «правовая презумпция освобождает одну из сторон от доказывания презюмируемого факта, но позволяет другой стороне ее опровергнуть, вернув бремя доказывания в привычное русло: каждый доказывает то, на что ссылается»⁸. Согласно части 1 ст.56 ГПК РФ при опровержении презумпции, сторона ссылается на факт, опровергающий презумпцию, исключительно как на основание своих требований и возражений. В то время как процессуальная фикция не перераспределяет обязанность по доказыванию.

Во-вторых, по критерию истинности. Презумпции связаны с вероятностными категориями, которым придается значение действительных, а фикция же признает истинным то, что на самом деле может быть ложным.

В-третьих, по процессу доказывания. Презюмируемые факты в предмет доказывания не входят, но исключением является, если одна из сторон опровергнет их. Так, с учетом положений ч. 5 ст. 61 ГПК РФ, пока не будет доказана фальсификация нотариального акта или он не будет отменен действует презумпция его достоверности. В свою очередь фикции неопровержимы и формируют предмет доказывания⁹.

Таким образом, несмотря на то, что фикции и презумпции схожи по природе, поскольку имеют отношение к доказыванию, однако их отождествлять нельзя.

Необходимо обратить внимание на то, что Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ) выделяет процессуальные и доказательственные фикции.

Процессуальные фикции существуют для того, чтобы обеспечить условия для оперативного и справедливого рассмотрения и разрешения гражданских дел.

Например, «судебная повестка направляется по последнему известному суду месту жительства или месту нахождения адресата и считается доставленной, хотя адресат по этому адресу более не проживает или не находится» (ст. 118 ГПК РФ). С учетом указанных положений суд имеет право рассматривать дело по существу без присутствия лица, участвующего в деле, поскольку предполагается, что суд исполнил свои процессуальные обязательства.

В статье 119 ГПК РФ также закрепляется, что «при неизвестности места пребывания ответчика суд вправе приступить к рассмотрению дела после поступления в суд сведений об этом с последнего места жительства ответчика».

Указанные статьи ГПК РФ содержат процессуальные фикции: «суд исходит от того, что сторона извещена надлежащим образом, хотя в действительности гражданин мог не получить судебное извещение»¹⁰.

Еще один пример, в соответствии со ст. 136 ГПК РФ «судья, установив, что исковое заявление подано в суд без соблюдения соответствующих требований, выносит определение об оставлении заявления без движения, о чем извещает лицо, подавшее заявление, и предоставляет ему разумный срок для исправления недостатков».

Если заявитель в установленный срок выполнит указания судьи, перечисленные в определении, заявление считается поданным в день первоначального представления его в суд. В противном случае заявление считается не поданным и возвращается заявителю.

Действие фикции нормы заключается в отрицании объективного факта: «при надлежащем устранении недостатков искового заявления – факта оставления иска без движения, так как он считается поданным в день первоначального обращения лица в суд». Вторым видом фикций являются доказательственные фикции, которые касаются обстоятельств, подлежащих доказыванию, и именно благодаря им устанавливается, в чью пользу они будут признаны судом¹¹.

Так, ч. 3 ст. 79 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает доказательственную фикцию для результатов судебной экспертизы, если она не была проведена по вине одной из сторон процесса: «при уклонении стороны от участия в экспертизе, непредоставлении экспертам необходимых материалов и документов для исследования и в иных случаях, если по обстоятельствам дела без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд, в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также от того, какое экспертиза имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установ-

ленным или опровергнутым». Таким образом, в рассматриваемом случае, суду не требуется подтверждать истинность своего вывода¹².

Указанное находит свое отражение и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 08.11.2022 № 31 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», в соответствии с которым «если владелец транспортного средства отказался от медицинского освидетельствования – значит, причинил вред в состоянии опьянения. И это не презумпция, а фикция, ибо другими доказательствами фикцию не устранить из процесса доказывания»¹³.

Делая вывод о значении фикции, Нахова Е. А. отмечает следующее: «существование фикции в законодательстве необходимо для освобождения участников процесса от доказывания обстоятельства, признаваемого фикцией существующим. В этом отношении можно сравнить фикцию с неопровержимой презумпцией»,¹⁴ являющейся вероятным утверждением при любых обстоятельствах.

В гражданском судопроизводстве используются доказательственные фикции других отраслей права: например, фикции гражданского права; фикции семейного права.

В соответствии со статьей 45 Гражданского кодекса Российской Федерации «по делам о признании гражданина умершим днем смерти гражданина, объявленного умершим, считается день вступления в законную силу решения суда об объявлении его умершим».

Статья 137 Семейного кодекса Российской Федерации устанавливает, что усыновленные дети по отношению к усыновителям и их родственникам приравниваются в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях к родственникам по происхождению.

Усыновленные дети утрачивают личные неимущественные и имущественные права и освобождаются от обязанностей по отношению к своим родителям (своим родственникам).

Данные положения, являясь материально-правовой фикцией, приравнивают к родственникам тех, кто таковыми не является.

В своей работе «Фикции в семейном праве как юридико-технические приемы» Курумшиева Э.И., отмечая «фактические и законодательные удобства» этой фикции, подчеркивает, что «в тексте нормативных актов, упоминая родных детей, не нужно специально оговаривать права и обязанности усыновленных (удочеренных), в любых правоотношениях с участием усыновленных (удочеренных) достаточно доказательства факта усыновления (удочерения), чтобы определить статус ребенка»¹⁵.

Проанализировав правовые фикции, можно отметить функции, характерные исключительно для фикций гражданского судопроизводства:

1) предотвращение злоупотреблений и затягивания судебного процесса. Например, признание ответчика уведомленным в случае его отказа принять судебную повестку (ст. 117 ГПК РФ) или при отсутствии уведомления о смене места жительства (ст. 118 ГПК РФ); признание факта установленным или опровергнутым без необходимости проведения экспертизы (ч. 3 ст. 79 ГПК РФ);

2) стимулирование активности сторон процесса, что проявляется в признании факта установленным или опровергнутым без экспертизы (ч. 3 ст. 79 ГПК РФ) и возможности подачи исправленного иска с учетом его даты первоначальной подачи (ч. 2 ст. 136 ГПК РФ);

3) процессуальная экономия, выражающаяся в освобождении от необходимости доказывания в случае признания обстоятельств.

Таким образом, несмотря на то, что применение правовых фикций не способствует установлению судом объективной истины, они – целесообразны, разумны и нужны именно в тех случаях, когда необходимо устранить существующую неопределенность в сфере регулирования правовых отношений.

¹ Буданова М. А. Процессуальные льготы в доказывании в гражданском судопроизводстве. 2011.

² Черниловский З. М. Презумпции и фикции в истории права // Советское государство и право. 1984. № 1. С. 104.

³ Марохин Е. Ю. Юридическая фикция в современном российском законодательстве: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.01.

⁴ Гражданский процесс : Учебник / Под ред. А. Г. Коваленко, А. А. Мохова, П. М. Филиппова. М. : Юридическая фирма «КОНТРАКТ», ИНФРА-М, 2008.

⁵ Власов А. А. Гражданский процесс: учебник и практикум для среднего профессионального образования. 11-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2025. 485 с.

⁶ Докучаев И. И., Мерецкий Н. Е. Аксиологические и гносеологические аспекты категории доказательства в системе права. Владивосток : Дальнаука, 2015. 359 с.

⁷ Фокина М. А. Юридические предположения в гражданском и арбитражном процессах // Современное право. 2009. № 6. С. 71–80.

⁸ Решетникова И. В. Презумпции и фикции в арбитражном процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9, № 1. С. 16–28.

⁹ Нахова, Е. А. К вопросу о систематизации института доказывания и доказательств в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2021. № 1. С. 135–152.

¹⁰ Власов А. А. Гражданский процесс: учебник и практикум для среднего профессионального образования / А. А. Власов; 11-е изд., перераб., доп. М. : Издательство Юрайт, 2025.

¹¹ Никиташина Н. А. Фикции в гражданском процессуальном праве // Правосудие в Хакасии. 2008. № 2.

¹² Решетникова И. В. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. д-ра юр. наук, проф. И. В. Решетниковой. 7-е изд., доп., перераб. М. : Норма: ИНФРА-М, 2022.

¹³ Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе : учебно-практическое пособие для вузов / И. В. Решетникова. 8-е изд., перераб., доп. М. : Издательство Юрайт, 2025.

¹⁴ Нахова Е. А. Роль презумпций и фикций в распределении обязанностей по доказыванию : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.15. Саратов, 2004. 176 с.

¹⁵ Курумшиева Э. И., Фикции в семейном праве как юридико-технические приемы // Таврический научный обозреватель. 2016. № 2 (7). С. 86–90.

*Воронежский государственный
университет*

Voronezh State University

Александрова Полина Сергеевна

Aleksandrova Polina Sergeevna

Беляева Александра Эдуардовна

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

**ИЗЪЯТИЕ ИЗ ОБОРОТА КОНТРАФАКТНЫХ
ТОВАРОВ – МЕРЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ИЛИ ЗАЩИТЫ?**

Belyaeva Aleksandra Eduardovna

Voronezh State University, Voronezh

**WITHDRAWAL OF COUNTERFEIT GOODS FROM
CIRCULATION – RESPONSIBILITY OR PROTECTION
MEASURES?**

Аннотация: *в настоящей статье охарактеризован такой способ защиты как исключительного права на товарный знак, как изъятие контрафактного товара. Автор рассуждает над критерием разграничения мер ответственности и мер защиты для отнесения данного способа к одному из них.*

Abstract: *this article describes such a method of protecting the exclusive right to a trademark as the seizure of counterfeit goods. The author discusses the criterion for distinguishing between measures of liability and measures of protection in order to classify this method as one of them.*

Ключевые слова: *товарный знак, нарушение исключительного права, мера ответственности, мера защиты.*

Key words: *trademark, violation of an exclusive right, measure of liability, measure of protection.*

Для того чтобы разобраться с существом такой мерой, как «изъятие из оборота контрафактных товаров» необходимо сначала разобраться с такими понятиями как гражданско-правовые меры ответственности и гражданско-правовые меры защиты. В ст. 12 Гражданского кодекса закреплен открытый перечень способов, с помощью которых возможна защита нарушенных

гражданских прав. Понятие «способы защиты» в гражданском законодательстве не раскрывается, не имеет оно и общепризнанной дефиниции в науке¹. Многие авторы научных исследований формируют понятия мер защиты и мер ответственности исходя из определения критерия различия между ними. Некоторые указывают, что критерием для разграничения мер защиты и мер ответственности является наличие неэквивалентных имущественных лишений, характерных для гражданско-правовой ответственности. Используя этот критерий, можно разграничивать меры защиты и меры ответственности по формам. Формами защиты являются: восстановление положения, существовавшего до нарушения; пресечение действий, нарушающих право и признание права. А формами ответственности – внеэквивалентное лишение имущества и лишение субъективного права. Суханов Е. А. указывал, что меры ответственности реализуют компенсаторно-восстановительную функцию гражданского права. Ответственность может возлагаться только за совершенное гражданское правонарушение.

Применение мер гражданско-правовой ответственности либо восстанавливает имущественную сферу потерпевшего, либо является имущественной компенсацией за моральный вред². Меры защиты же реализуют помимо восстановительной, превентивные и пресекающие функции. Меры защиты применяются в связи с оспариваемым или нарушаемым субъективным гражданским правом. Обобщая, можно сделать вывод, что гражданско-правовые меры защиты – это предусмотренные законом санкции, которые применяются в принудительном порядке или осуществляются добровольно в форме восстановления положения, существовавшего до нарушения, либо пресечения действий, нарушающих право, либо признания субъективного права. А мерами гражданско-правовой ответственности являются предусмотренные законом санкции, применяемые судом (или реализуемые добровольно) в рамках охранительного правоотношения в форме возложения определенного объема вне эквивалентных имущественных лишений с целью обеспечения осуществления и защиты гражданских прав, а также наказания правонарушения. Далее необходимо конкретнее ознакомиться с таким способом, как «изъятие из оборота контрафактных товаров». Является ли по

существо это конфискационной мерой? Конфискационные меры направлены на возложение имущественных лишений в пользу государства в форме лишения субъективного гражданского права. Специфика данных мер состоит в том, что через поражение субъективных прав лицо лишается принадлежащего ему имущества или это происходит вследствие отказа в возможности защищать свое право. Однако следует разграничить изъятие и конфискацию. Конфискация применяется только при привлечении лица к административной ответственности. Но контрафакт должен быть изъят и уничтожен даже при невозможности привлечения лица к административной ответственности. В гражданском кодексе содержится норма, которая имеет общий характер по отношению к защите исключительного права. В соответствии с п. 4 ст. 1252 ГК в случае, если объект считается контрафактным и по решению суда подлежат изъятию из оборота и уничтожению³. Однако в ст. 1515 говорится конкретно о защите товарного знака. А именно данная норма раскрывает, что изъятие из оборота контрафактных товаров является ответственностью за незаконное использование товарного знака. Таким образом, законодатель смешивает два понятия: мера защиты и мера ответственности по отношению к такому способу, как изъятие. Изъятие из оборота и уничтожение контрафактных материальных носителей объясняется тем, что данные объекты были изготовлены с нарушением закона, и, поскольку на них у изготовителя не возникло права собственности, они находятся вне отношений собственности. Также конфискация, как мера не носит компенсационный характер по отношению к лицу, обладающим исключительным правом. При рассмотрении соответствующих дел потерпевшая сторона помимо требования об изъятии объектов из оборота, заявляет и требование о компенсации или возмещении убытков. Стоит отметить, что КоАП (ст. 14.10) и УПК (ст. 180) содержат нормы, предусматривающую непосредственно административную и уголовную ответственности за незаконное использование чужого товарного знака. Ст. 14.10 КоАП также указывает именно про конфискацию предметов, содержащих незаконное воспроизведение товарного знака, а также материалов и оборудования, используемых для их производства. Таким образом, исходя из определения меры ответственности, изъятие из обо-

рота контрафакта нельзя признать мерой ответственности, так как это не является имущественным лишением для нарушителя в связи с тем, что на данные объекты право собственности у лица не возникало. Также компенсационная функция в данном случае отсутствует, а присутствует восстановительная. Ведь за счет изъятия лицу не возмещается компенсация или убытки, а именно восстанавливается положение, существовавшее до нарушения. Таким образом, по существу изъятие из оборота контрафактной продукции в данном случае для правообладателя является мерой защиты, а не мерой ответственности.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 4: Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. №230-ФЗ: принят Государственной Думой 24 ноября 2006 г. [в ред. от 1 июня 2021 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

² Маттеи У. Основные положения права собственности / У. Маттеи, Е. А. Суханов. М. : Статут, 1999. 376 с.

³ Сергеев А. П. Интеллектуальная собственность : монография / А. П. Сергеев, П. Б. Мэггс. М. : Юрист, 2002. 192 с.

*Воронежский государственный
университет*

*Беляева Александра Эдуардовна
E-mail: sasha.belyaeva.20002@
gmail.com*

Voronezh State University

*Belyaeva Aleksandra Eduardovna
E-mail: sasha.belyaeva.20002@
gmail.com*

Бобровницкая Эльнара Бахтияровна

Белорусский государственный университет, г. Минск

**СУЩЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ
ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ
МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Babraunitskaya Elnara Bakhtiyarovna

Belarusian State University, Minsk

**ESSENTIONAL TERMS OF THE MEDICAL
SERVICES CONTRACT IN THE REPUBLIC
OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION:
COMPARATIVE LEGAL ASPECT**

Аннотация: в статье исследуются понятие и содержание существенных условий договора возмездного оказания медицинских услуг по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации. С учетом анализа законодательства, доктрины гражданского права, мнений учёных сформулирован перечень существенных условий договора возмездного оказания медицинских услуг, который предложено закрепить в Законе Республики Беларусь «О здравоохранении».

Abstract: the article is devoted to the concept and content of the essential terms of the contract for the provision of medical services under the legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation. The focus is made on the comparative legal analysis of the essential terms of this contract in special legislation. Taking into account the analysis of legislation, the doctrine of civil law, and the opinions of scientists, a list of essential terms of the contract for the provision of medical services has been formulated, which is proposed to be enshrined in the Law of the Republic of Belarus «About the Healthcare».

Ключевые слова: договор возмездного оказания медицинских услуг, существенные условия договора, предмет договора, цена договора.

Key words: contract for the provision of medical services, essential terms of the contract for the provision of medical services, subject of the contract, price of the contract.

Для договора возмездного оказания медицинских услуг, как и для любого договора, обязательным является согласование между сторонами его существенных условий. Учитывая особую социальную важность оказания медицинской помощи гражданам, в том числе платной, остается актуальным вопрос определения существенных условий договора возмездного оказания медицинских услуг.

Факт заключения любого гражданско-правового договора Гражданский кодекс Республики Беларусь¹ (далее – ГК) (п. 1 ст. 402 ГК) и Гражданский кодекс Российской Федерации² (далее – ГК РФ) (п. 1 ст. 432 ГК РФ) связывают с согласованием сторонами всех существенных условий соответствующего договора. В ГК и ГК РФ выделяют три группы существенных условий договора. В соответствии с ч. 2 п. 1 ст. 432 ГК РФ это: условия о предмете договора; условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида; условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. ГК содержит аналогичные группы условий, только вторая группа включает не только условия, которые названы в законодательстве как существенные, необходимые, но также обязательные для договоров данного вида (ч. 2 п. 1 ст. 432 ГК).

В специальном законодательстве Республики Беларусь неоднозначно решен вопрос о существенных условиях договора возмездного оказания медицинских услуг. Так, п. 4 Положения о порядке оказания платных медицинских услуг гражданам Республики Беларусь государственными учреждениями здравоохранения, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 10.02.2009 № 182 «Об оказании платных медицинских услуг государственными учреждениями здравоохранения» (далее – Положение № 182) закрепляет следующие

обязательные условия такого договора: объем и стоимость платных медицинских услуг; сроки их оказания; порядок расчетов; права, обязанности и ответственность сторон по договору³. При этом Положение № 182 распространяет свое действие лишь на оказание возмездных медицинских услуг гражданам Республики Беларусь государственными организациями здравоохранения. Следовательно, существенные условия договора возмездного оказания медицинских услуг, при оказании медицинских услуг негосударственными организациями здравоохранения должны определяться исходя из норм ГК, регулирующих договор подряда в силу п. 2 ст. 733 ГК. К ним относятся условия о предмете договора, о начальном и конечном сроке оказания услуг (ст. 737 ГК). Из этого можно сделать вывод, что в законодательстве Республики Беларусь отсутствует единый подход к определению существенных условий договора возмездного оказания медицинских услуг.

В РФ перечень необходимых условий договора содержится в п. 23 Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, утвержденных постановлением Правительства РФ от 11.05.2023 № 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1006» (далее – Правила № 736). К таким условиям относятся:

- 1) сведения об исполнителе, потребителе, законном представителе потребителя или лице, заключающем договор от имени потребителя, заказчике;
- 2) перечень предоставляемых медицинских услуг;
- 3) стоимость медицинских услуг, сроки и порядок оплаты;
- 4) условия и сроки ожидания медицинских услуг;
- 5) ответственность сторон за невыполнение условий договора;
- 6) порядок изменения и расторжения договора;
- 7) порядок и условия выдачи потребителю (законному представителю потребителя) после исполнения договора исполнителем медицинских документов, отражающих состояние его

здоровья после получения медицинских услуг, без взимания дополнительной платы⁴.

Таким образом, перечень существенных условий договора, содержащийся в Правилах № 736, шире, чем в Положении № 182. Кроме того, требования к договору, содержащиеся в Правилах № 736, распространяются на договорные правоотношения вне зависимости от формы собственности медицинской организации, оказывающей платные медицинские услуги, и гражданства пациента.

Вместе с тем, в доктрине гражданского права нет единого мнения относительно вопроса о необходимом количестве существенных условий такого договора: одни исследователи к ним относят условия о предмете, сроке и цене⁵, другие, напротив, к ним также относят порядок оплаты, права и обязанности сторон, а также их ответственность за неисполнение (ненадлежащее исполнение) договора⁶. Видится более обоснованным первый подход на основании следующего.

По мнению Брагинского М. И., к существенным условиям договора можно отнести только такие условия, без которых договор не сможет породить права и обязанности его сторон⁷. Согласимся с Чигиром В. Ф., который отметил, что не все условия договора, перечисленные в том или ином нормативном правовом акте, следует относить к существенным, так как ими являются только те, «отсутствие которых не может быть восполнено императивными и диспозитивными нормами права»⁸.

В этой связи видится, что условия о правах и обязанностях сторон, их ответственности, порядок расторжения и изменения договора не могут быть отнесены к существенным. Так, права и обязанности учреждения здравоохранения, лечащего врача, пациента отражены соответственно в Законе Республики Беларусь от 18.06.1993 № 2435-ХІІ «О здравоохранении»⁹, Положении № 182 и Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹⁰, Правилах № 736. Ответственность исполнителя перед пациентом (как потребителем услуги) предусмотрена законодательством о защите прав потребителей. Порядок изменения и расторжения договора отражен в ГК и ГК РФ. Считаем, что отсутствие данных условий в договоре возмездного оказания

медицинских услуг не должно влечь признание такого договора незаключенным.

На наш взгляд, к существенным условиям рассматриваемого договора должны относиться условия о его предмете, сроки оказания медицинских услуг и цена.

Условие о предмете договора возмездного оказания медицинских услуг сформулирован в Положении № 182 и Правилах № 736 по-разному: в первом случае указывается на объем медицинских услуг, а во втором – на перечень медицинских услуг. В законодательстве Республики Беларусь отсутствует определение объема медицинских услуг. Шилко В.В. полагает, что это представляет собой «количественное выражение» предмета договора возмездного оказания услуг¹¹. По мнению Дерюги Н. Н. и Лавреновой Ю. И., объем услуг определяется исходя из перечня медицинских услуг, оказываемых исполнителем¹². Полагаем, что ввиду индивидуальных особенностей организма каждого человека, его состояния здоровья при заключении договора затруднительно определить точное количество медицинских манипуляций. Следовательно, более предпочтительным видится согласовывать предмет договора как существенное условие именно посредством закрепления перечня медицинских услуг.

Далеко не все исследователи включают сроки оказания медицинских услуг к существенным условиям. Так, Гурщенков П. В. не считает целесообразным относить сроки оказания медицинской услуги к существенным условиям в связи с наличием возможности наступления осложнений состояния здоровья пациента¹³. Это, в свою очередь, затрудняет определение точных сроков оказания медицинских услуг на момент заключения договора. В таких случаях представляется целесообразным допускать указание ориентировочных сроков оказания медицинских услуг. Также, учитывая специфику и особенности различных медицинских услуг, не всегда срок их оказания может определяться конкретной календарной датой. На наш взгляд, необходимо допускать определение сроков оказания медицинских услуг также в виде периода времени либо наступления определенных событий (или совершения определенных действий пациентом).

Немаловажным аспектом при заключении договора возмездного оказания медицинских услуг является определение его

цены. Ввиду того, что при оказании медицинских услуг сохраняется высокий риск возникновения необходимости совершения дополнительных медицинских вмешательств и для защиты пациента от «навязывания» дополнительных услуг с целью увеличения цены договора, считаем целесообразным предусматривать в договоре не только стоимость оказываемых медицинских услуг, но и предельную цену договора с учетом медицинских вмешательств, которые потребуется произвести в случае крайней необходимости.

Сравнив закрепленные в законодательстве РФ и Республики Беларусь существенные условия договора возмездного оказания медицинских услуг, можно сделать вывод, что в РФ, по сравнению с Республикой Беларусь, перечень существенных условий более широкий и распространяется на договорные правоотношения вне зависимости от формы собственности медицинской организации, оказывающей платные медицинские услуги, и гражданства пациента.

Полагаем, нормативно существенными условиями договора возмездного оказания медицинских услуг, должны быть названы предмет договора (перечень медицинских услуг), сроки оказания медицинских услуг, цена медицинских услуг. Представляется, что с целью единообразного правового регулирования договора возмездного оказания медицинских услуг единый перечень существенных условий рассматриваемого договора необходимо закрепить в Законе Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении».

¹ Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 2183 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

² Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023 № 351-ФЗ) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.coN°sultaN°t.ru> (дата обращения: 25.02.2024).

³ Положение о порядке оказания платных медицинских услуг гражданам Республики Беларусь государственными учреждениями здравоохранения: утв. Постановлением Совета Министров Респ. Беларусь от 14 февраля 2009 г. № 182 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

⁴ Правила предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, утв. Постановлением Правительства РФ от 11.05.2023 № 736 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.02.2024).

⁵ Васильева Е. Е. Договор возмездного оказания медицинских услуг по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.03. Томск, 2004. 28 с.

⁶ Жамкова О. Е. Правовое регулирование оказания медицинских услуг по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.03. М., 2007. 26 с.

⁷ Брагинский М. И. Договорное право: Общие положения. М. : Издательство «Статут», 1998. 682 с.

⁸ Чигир В. Ф. Гражданско-правовой договор [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

⁹ О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 19 июня 1993 г., № 2435-ХП в ред. Закона от 25 окт. 2023 г. № 308-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

¹⁰ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 1 нояб. 2011 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 9 нояб. 2011 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.02.2024).

¹¹ Шилко В. В. Существенные условия договора оказания медицинских услуг с применением вспомогательных репродуктивных технологий // Право.by. 2018. № 4(54). С. 28–33.

¹² Дерюга Н. Н., Лавренова Ю. И. Условия договора об оказании медицинских услуг // Молодой ученый. 2018. № 46 (232). С. 134–137.

¹³ Гурщенков П. В. Договор возмездного оказания платных медицинских услуг: проблемы правового регулирования // Право. Экономика. Психология. 2018. № 1. С. 3–7.

*Белорусский государственный
университет
Бобровницкая Эльнара
Бахтияровна
E-mail: elnabobrovn.28@gmail.com*

*Belarusian State University
Babraunitskaya Elnara
Bakhtiyarovna
E-mail: elnabobrovn.28@gmail.com*

Виноградов Александр Дмитриевич

*ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия», г. Москва*

ОБ ОТЛИЧИЯХ И ОТГРАНИЧЕНИИ ДОГОВОРА ПОРУЧИТЕЛЬСТВА ОТ ДОВЕРЕННОСТИ

Vinogradov Alexander Dmitrievich

*Russian State University of Justice, Judicial and prosecutorial activity,
Moscow*

THE MAIN DIFFERENCES AND PROBLEMS OF DISTINGUISHING A SURETY AGREEMENT FROM A POWER OF ATTORNEY

Аннотация: *в работе будут раскрыты договора поручительства и доверенности. Почему отграничение данных документов вызывает проблему и по сей день? По какой причине обычные люди путают эти сделки?*

Abstract: *the work will cover surety agreements and powers of attorney. Why is the delimitation of these documents still a problem to this day? For what reason do ordinary people confuse these transactions?*

Ключевые слова: *договор поручительства, доверенность, проблемы отграничения договора поручительства от доверенности.*

Key words: *surety agreement, power of attorney, problems of distinguishing the surety agreement from the power of attorney.*

Договор поручительства и доверенность являются разными гражданско-правовыми инструментами, имеющими свои особенности и отличия.

Договор поручительства – это соглашение, по которому поручитель обязуется перед кредитором отвечать за исполнение должником его обязательств полностью или в части.

Поручительство может быть использовано, например, при выдаче кредита, когда поручитель берет на себя обязательство выплатить долг заёмщика, если последний не сможет это сделать¹.

В настоящее время назрела потребность в чётком определении границ между делькредере и поручительством. Поскольку важным является аспект ответственности в рамках норм ГК РФ о поручительстве, комиссионер не может расцениваться ни как субсидиарный, ни как солидарный должник даже не только из-за того, что в указанном случае отсутствует основной должник².

А без основного должника отношения поручительства не могут существовать. Речь идёт о том, что лицо, совершающее сделку с комиссионером, не является основным должником уже в силу отсутствия у него юридической связи с комитентом³.

Договор поручительства обычно заключается без указания срока действия, и прекращает своё действие при исполнении должником своих основных обязательств или при переводе долга на другое лицо⁴.

Доверенность – это документ, который предоставляет право одному лицу (доверенному) действовать от имени другого лица (доверителя) в рамках определённых полномочий и в указанный срок.

Доверенность может быть выдана на совершение различных действий, таких как заключение сделок, получение денежных средств, представление интересов в суде и т.д. Срок действия доверенности определяется самим доверителем и указывается в документе.

Основные отличия договора поручительства и доверенности:

– Цель: Договор поручительства направлен на обеспечение исполнения обязательств, а доверенность – на делегирование полномочий.

– Обязательства: По договору поручительства поручитель становится обязанным по отношению к кредитору, тогда как по доверенности никаких обязательств между сторонами не возникает.

– Предмет: Договор поручительства касается обязательств основного заёмщика, а доверенность предоставляет поверен-

ному право представлять интересы доверителя перед третьими лицами.

– Сроки: Договор поручительства заключается на определённый срок или до исполнения обязательств основным заёмщиком, тогда как доверенность обычно выдаётся на определённый срок, но может быть и бессрочной.

– Расторжение: Договор поручительства может быть расторгнут по соглашению сторон или в случае исполнения обязательств заёмщиком. Доверенность может быть отменена доверителем в любое время⁵.

Таким образом, договор поручительства и доверенность имеют разные цели, стороны и сроки действия, что делает их отдельными гражданско-правовыми институтами.

Проблемы отграничения договора поручительства от доверенности могут возникать в связи с некоторыми схожими характеристиками их содержания. В обоих случаях имеется третья сторона, действующая от имени и в интересах другой стороны. Однако суть этих документов различается.

Договор поручительства представляет собой соглашение, по которому одна сторона (поручитель) обязуется перед кредитором (получателем кредита) возместить долг, если должник (заёмщик) не сможет выполнить свои обязательства. При этом поручитель действует самостоятельно и не нуждается в наличии какой-либо доверенности от должника⁶.

Доверенность, с другой стороны, представляет собой документ, в котором одна сторона (доверитель) предоставляет полномочия другой стороне (доверенному лицу) для совершения юридических действий от своего имени. Доверенность может быть ограничена по своему содержанию и сфере применения, и доверенное лицо действует исключительно на основании имеющихся полномочий.

Следует обратить внимание на то, что несмотря на схожесть некоторых аспектов, договор поручительства и доверенность имеют разное юридическое значение и регулируются различными нормативными актами. Перед заключением любого из этих документов рекомендуется проконсультироваться со специалистом в области права, чтобы убедиться в правильности их оформления и понимания⁷.

Договор поручительства и доверенность – это два разных юридических документа, которые имеют свои особенности и применяются в различных ситуациях. Однако, иногда возникают проблемы с их отграничением друг от друга.

Проблемы отграничения:

– Сходство в терминологии:

Оба документа могут содержать термины, которые могут быть похожи или даже совпадать. Например, в обоих документах может быть упоминание о «правах и обязанностях», «обязательствах» и т.д. Это может вызвать путаницу и затруднить правильное понимание сути каждого документа.

– Различные сферы применения:

Договор поручительства и доверенность имеют разные сферы применения. Договор поручительства связан с выполнением обязательств, а доверенность – с представлением интересов. Однако, иногда эти сферы могут пересекаться, что может вызвать путаницу.

– Неправильное использование терминов:

Некоторые люди могут неправильно использовать термины «договор поручительства» и «доверенность», что может привести к недопониманию и ошибкам в юридической практике.

Эти два различных вида договоров имеют свои уникальные особенности, но иногда их грани туманятся, что может привести к недоразумениям и правовым спорам. Поручительство – это договор, согласно которому одна сторона (поручитель) обязуется отвечать перед кредитором за исполнение обязательства другой стороны (заёмщика).

В то время как доверенность представляет собой документ, устанавливающий право одного лица (доверителя) доверить другому лицу (доверенному лицу) осуществление определённых действий от своего имени. Проблемы могут возникнуть, когда содержание договоров недостаточно чётко определено, и разграничение их предметов не является очевидным. В результате этого стороны могут неправильно интерпретировать свои обязанности и права, что ведёт к конфликтам⁸.

Одним из ключевых вопросов в таких ситуациях является определение границ полномочий доверенного лица в случае, когда договор также предполагает поручительство. Какие имен-

но обязательства может принять на себя доверенное лицо в отношении долгов поручителя, и насколько эти обязательства являются законными⁹.

Чтобы избежать подобных недоразумений, важно тщательно формулировать условия каждого документов, а также чётко указывать их предмет и цель. Кроме того, стороны должны внимательно изучать свои права и обязанности перед подписанием данных соглашений¹⁰.

В заключение, проблемы отграничения договора поручительства от доверенности требуют внимания и особого подхода. Чёткость и ясность формулировок важны для предотвращения возможных юридических споров и обеспечения справедливости в отношениях между сторонами договоров.

Таким образом, проблемы отграничения договора поручительства от доверенности связаны со сходством терминологии, различными сферами применения и неправильным использованием терминов. Для избежания этих проблем важно чётко понимать различия между этими двумя документами и правильно использовать их в соответствующих ситуациях.

Срок действия и прекращение договоров также имеют свои особенности. Поручительство обычно имеет определённый срок действия и прекращается после исполнения обязательств или истечения срока действия. Доверенность же может быть выдана на любой срок и может быть отменена в любое время. Однако, несмотря на все эти различия, могут возникать проблемы при отграничении этих двух документов. Например, некоторые доверенности могут содержать полномочия, которые могут быть перепутаны с обязательствами поручителя. В таких случаях важно провести тщательный анализ документов и определить, какие именно права и обязанности возникают у сторон.

Таким образом, для правильного применения норм законодательства и защиты прав и интересов сторон важно уметь отличать договор поручительства от доверенности и учитывать их особенности и различия.

¹ Максимюк Ю. А. Поручительство и схожие правовые институты // Молодой ученый. 2020. № 16 (306). С. 105.

² Штырфунов Д. Ю. К вопросу о безвозмездности договора поручительства // Российская государственность : история и современность. 2023. С. 134.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023)

⁴ Максимюк Ю. А. Существенные и иные условия по договору поручительства // Молодой ученый. 2020. № 25 (315). С. 279.

⁵ Майнагашева Я. А. Форма и содержание договора поручительства // Юридическая наука в XXI веке : актуальные проблемы и перспективы их решений. 2020. С. 85.

⁶ Шульженко А. А., Гринь Е. А. Актуальные вопросы правового развития института доверенности // Modern Science. 2021. №. 5–3. С. 268.

⁷ Васильков В. С. Актуальные проблемы института представительства в гражданском праве // Трибуна ученого. 2020. №. 12. С. 494.

⁸ Украинский Д. В. К вопросу об исполнении договора поручения // ГОУ ВПО «Донну». 2023. С. 307.

⁹ Бакшеева Е. Б. Особенности текстов гражданско-правовых договоров // Современные проблемы экономического развития предприятий, отраслей, комплексов, территорий. 2021. С. 137.

¹⁰ Гольшев В. Г., Гольшева А. В. Глава 2. виды гражданско-правовых сделок // Сделки в гражданском праве Российской Федерации. 2022. С. 11.

*ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет
правосудия»*

*Виноградов Александр
Дмитриевич*

E-mail: tyamari22@yandex.ru

*Russian State University of Justice,
Judicial and prosecutorial activity*

*Vinogradov Alexander Dmitrievich
E-mail: tyamari22@yandex.ru*

Вознюк Светлана Владимировна

Алтайский государственный университет, Барнаул

ВЛИЯНИЕ ПУБЛИЧНОСТИ НА ВОЗМОЖНОСТЬ ОХРАНЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГРАЖДАНИНА

Voznyuk Svetlana Vladimirovna

Altay State University, Barnaul

THE IMPACT OF PUBLICITY ON THE POSSIBILITY OF PROTECTING A CITIZEN'S IMAGE

Аннотация: в статье акцентируется внимание на проблемах реализации права на охрану изображения граждан, предлагаются меры по совершенствованию российского законодательства. Исследуется гражданско-правовая норма, закрепляющая право на охрану изображения гражданина: отсутствие легального понятия изображения гражданина; оформление согласие на обнародование и распространение изображения; разграничение публичного, общественного и государственного интересов и другие.

Abstract: the article focuses on the problems of realizing the right to protect the image of citizens, and suggests measures to improve Russian legislation. The article examines the civil law norm that enshrines the right to protect a citizen's image: the absence of a legal concept of a citizen's image; registration of consent to the publication and dissemination of an image; differentiation of public, public and state interests, and others.

Ключевые слова: изображение гражданина, несовершеннолетние, охрана, защита, согласие.

Key words: image of a citizen, minors, protection, protection, consent.

В настоящее время происходит активное развитие информационных технологий, каждый человек имеет широкий спектр возможностей использования изображений в различных обла-

стях жизнедеятельности. Однако это может приводить к правонарушениям в области охраны изображения гражданина, а отсутствие должного нормативного регулирования порождает распространенную ситуацию, в которой граждане при использовании сети «Интернет» не осознают факт того, что опубликование ими материалов, содержащих изображение других лиц, может нарушить права последних. В свою очередь, граждане, чье изображение неправомерно используется, зачастую не знают способов защиты своих прав¹. Необходимо повышать уровень правовых знаний населения путём проведения мероприятий по правовому просвещению, а законодателю необходимо усовершенствовать механизм защиты изображения.

Право гражданина на изображение как личное неимущественное право подлежит абсолютной защите в соответствии со статьей 152.1 Гражданского Кодекса Российской Федерации. В доктрине и юридической практике нет единства мнений по вопросам охраны права на изображение граждан. Среди юристов и людей неюридических специальностей различного возраста наблюдается неподдельный интерес к данной теме: сделать изображение способен каждый, а вопросы правильности его использования для многих остаются загадкой.

В указанной норме, по отношению к изображению физического лица употреблен термин – «изображение гражданина». Действующее российское законодательство не содержит определения понятия «изображение гражданина», при этом его можно встретить в судебной практике и в литературе. В словаре И. В. Даля «изображение» определяется как описание чего-либо или картина, в то время как С.И. Ожегов считает, что это «рисунок, предмет кого-либо». Некоторые правоведы, например, А. М. Эрделевский, утверждают, что изображение любого объекта – это результат создания образа этого объекта. Мы предлагаем авторское определение «изображения гражданина» как совокупность информации, которая позволяет выделить индивидуальные признаки, присущие данному субъекту, и закрепляется на материальном носителе.

Ст. 152.1 ГК РФ перечисляет случаи, при которых согласие на использование изображения не требуется, именно они и вызывают вопросы. Одним из таких является использование в го-

сударственных, общественных или иных публичных интересах. У понятий «государственный, общественный и публичный» довольно схожие определения, однако в законодательстве не зафиксированы их различия.

Использование изображения без согласия допускается в случаях, когда имеется публичный интерес, например, если гражданин является публичной фигурой и занимает государственную или муниципальную должность, играет важную роль в общественной жизни в сфере политики, экономики, искусства, спорта или других областях. В таких случаях обнародование и использование изображения осуществляются в связи с политической или общественной дискуссией и являются общественно значимыми, за исключением ситуаций, когда основной целью является удовлетворение публичного интереса к частной жизни или извлечение прибыли².

Не нужно одобрение на обнародование и использование изображения гражданина, если оно необходимо в целях защиты правопорядка и государственной безопасности (например, в связи с розыском граждан, в том числе пропавших без вести либо являющихся участниками или очевидцами правонарушения). Однако в современных реалиях в связи с проведением специальной военной операции на Украине вышеназванная позиция, касающаяся дачи согласия, не так однозначна. Лица мобилизованных не рекомендуется показывать в сети Интернет – это объясняется тем, что известны неоднократные случаи неконтролируемого сбора биометрических данных россиян: программы распознавания лиц находят аккаунты военнослужащих и их родственников в социальных сетях, в результате сведения о призванных и их близких могут быть использованы против них. Поэтому если есть необходимость опубликовать изображение, то следует ретушировать лица или не выкладывать снимки, видеозаписи, где на военных нет балаклав. Эта позиция еще не нашла отклик в законодательстве.

Согласно п. 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» «согласие на обнародование и использование изображения гражданина представляет собой сделку». Исходя из

правил о сделкоспособности несовершеннолетних, гражданам, не достигшим 14-летнего возраста, запрещается самостоятельно давать согласие на опубликование и использование их изображения третьим лицам – в таких случаях это должны делать законные представители от имени несовершеннолетних. Граждане в возрасте от 14 до 18 лет имеют право давать согласие на использование их изображения самостоятельно, но с условием получения предварительного одобрения от их законных представителей³. Однако возникает вопрос о применении исключений из общих правил, указанных в статье 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, к несовершеннолетним гражданам. Ребенок может быть публичной фигурой, например, в сфере спорта. Общественный интерес в опубликовании и использовании его изображения может быть обусловлен необходимостью розыска, например, в случае его пропажи или совершения им правонарушения. При публикации изображения несовершеннолетнего гражданина, законные представители должны учитывать следующие аспекты. Они, будучи дееспособными гражданами, должны понимать, как опубликованное изображение ребенка может повлиять на его репутацию, достоинство, карьеру и другие аспекты его жизни, как в настоящем, так и в будущем. Это означает, что меры защиты необходимы в случаях использования изображения несовершеннолетних третьими лицами, при самостоятельном размещении и опубликовании изображения законными представителями.

Абз. 2 п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда № 25 разъясняет, что размещение своего изображения самим гражданином, и его общедоступность, сами по себе не дают иным лицам права на свободное использование такого изображения без получения согласия изображенного лица. Основным способом нарушения данного права является распространение изображений в сети Интернет. В современное время по запросам граждан нейросетью применяются специальные эффекты, которые позволяют исказить реальное изображение (изменение формы носа, замена одежды). От требований заказчика зависит, как изменится изображение и принесёт ли результат нравственные страдания изображённому лицу. В свою очередь, правоприменители не обладают возможностью разграничить интернет-ре-

сурсы и приравнивают все сайты сети «Интернет» к средствам массовой информации, соответственно и наказание не персонализировано.

В свете вышеизложенного можно сказать, что норма об охране права на изображение гражданина требует доработки в части терминологии, в том числе разработки дефиниций изображения, внешнего облика человека, основного объекта использования, мест, открытых для свободного посещения, формы выражения согласия на публикацию своего изображения, и устранения иных пробелов, требующих внимания законодателя. Недостаточное и не всегда надлежаще сформулированное правовое регулирование вопросов, связанных с изображением гражданина, отнесение определения размера компенсации морального вреда к «усмотрению суда» затрудняет защиту личного неимущественного права и способствует неоднородной судебной практике

¹ Коваленко Ю. А. Актуальные проблемы охраны изображения гражданина в сети «Интернет». Том 15. Санкт-Петербург, 2021. С. 36–37.

² Постановление Пленума Верховного Суда от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского Кодекса России».

³ Подрабинок Е. М. Особенности гражданско-правовой охраны и защиты прав несовершеннолетнего при публикации и использовании его изображения, 2019. С. 14–18.

*Алтайский государственный
университет
Вознюк Светлана
Владимировна
E-mail: voznyuk.lana.04@mail.ru*

*Altay State University
Voznyuk Svetlana Vladimirovna
E-mail: voznyuk.lana.04@mail.ru*

Зуенко Дарья Михайловна

*Крымский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Симферополь*

**К ВОПРОСУ О НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВАХ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСНОВНЫЕ
АСПЕКТЫ И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ**

Zuenko Daria Mikhailovna

*Crimean Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Simferopol*

**TO THE ISSUE OF INHERITANCE RIGHTS
OF MINORS IN THE RUSSIAN FEDERATION:
MAIN ASPECTS AND MECHANISM OF REALIZATION**

Аннотация: статья посвящена наследственным правам несовершеннолетних в Российской Федерации. Приводятся отличительные особенности наследственных прав несовершеннолетних. Особое внимание уделено обширному правовому регулированию наследственных прав несовершеннолетних. Раскрываются основные положения возникновения, особенности, механизмы реализации, а также приводится ряд проблем в сфере принятия наследства несовершеннолетними лицами. Автором предложены меры, направленные на защиту наследственных прав детей и сделан вывод о необходимости дальнейшего регулирования данного вопроса.

Abstract: the article is devoted to the inheritance rights of minors in the Russian Federation. Distinctive features of inheritance rights of minors are given. Special attention is paid to the extensive legal regulation of inheritance rights of minors. The main provisions of the emergence, features, mechanisms of realization are disclosed, and also a number of problems in the sphere of acceptance of inheritance by minors are given. The author proposes measures aimed at

protecting the inheritance rights of children and concludes that it is necessary to further regulate this issue.

Ключевые слова: *Российская Федерация, наследственные права, несовершеннолетние, гражданское право, правоспособность несовершеннолетних.*

Key words: *Russian Federation, inheritance rights, minors, civil law, legal capacity of minors.*

Наследство – это имущество и (или) совокупность имущественных прав и обязанностей, которые принадлежали наследодателю и переходящие по наследству к наследникам, в соответствии с действующим российским законодательством или завещанием.

Несомненно, субъектами обладания наследственным правом могут быть как лица, достигшие возраста 18 лет, так и несовершеннолетние граждане, способные наследовать¹. Основное отличие состоит лишь в том, что дети в возрасте до 14 лет не вправе самостоятельно распоряжаться приобретенным наследственным имуществом. По мнению Афанасьевой А. Р., необходимо расширить гражданское законодательство и закрепить наследственную самостоятельность детей, что, в свою очередь, привело бы к уменьшению количества злоупотреблений со стороны органов опеки и попечительства².

Институт наследования регулируется Конституцией Российской Федерации, статьей 35, закрепляющей гарантированность и признание государством наследственных прав, а также Гражданским Кодексом, Семейным кодексом Российской Федерации, Указами Президента, Постановлениями Правительства и др. В свою очередь, субъектами, обеспечивающими защиту прав несовершеннолетних в области принятия наследства, являются органы опеки и попечительства, судебные органы, нотариус и др. В зависимости от обстоятельств, несовершеннолетний может наследовать по завещанию, вступить в наследство по закону, а также отказаться от наследства³.

Сам по себе правовой статус несовершеннолетнего состоит из возникновения наследственных прав и дееспособности ребенка. Начиная с момента возникновения наследственной правоспособности несовершеннолетнего, необходимо обратиться к

п. 1 ст. 1116 ГК РФ, где отмечается, что непосредственно приобрести наследство могут все находящиеся в живых граждане. Из этого следует, что ребенок также может стать субъектом на этапе открытия наследства еще в момент своего рождения.

Более того, приобретение наследства несовершеннолетними наследниками осуществляется и на основе положений ст. 26 и 28 ГК РФ. Переходя к дееспособности несовершеннолетнего необходимо обратить внимание, что, согласно статье 21 ГК РФ, дееспособным гражданином считается лицо, достигшее восемнадцатилетнего возраста. Однако, есть и иные случаи приобретения дееспособности в более раннем возрасте, предусмотренные в законодательстве. Так, в ч.2 вышеуказанной статьи отмечается, что в случае, если лицо, не достигшее возраста 18 лет, вступает в брак, то такое лицо приобретает дееспособность в полном объеме. Более того, в статье 27 ГК РФ закреплена эмансипация, что означает приобретение в полном объеме дееспособности несовершеннолетним лицом, не достигшим возраста восемнадцати лет по решению суда или органа опеки и попечительства в случае, если это лицо осуществляет трудовую деятельность на основе трудового договора или же на контрактной основе, а также в случае, если лицо занимается предпринимательской деятельностью с согласия его законных представителей⁴.

Важной особенностью правового регулирования наследственных прав несовершеннолетних является то, что с 14 лет они уже могут принимать наследство и распоряжаться приобретенными наследственными правами, а дети, наделенные обязательной долей в наследстве, не вправе от нее отказаться.

Необходимо учитывать, что несовершеннолетний не может вступать в ряд правовых отношений из-за своего возраста, главная цель государства в таком случае заключается в предотвращении нарушения и защите прав несовершеннолетнего. Кроме того, законом и полномочиями нотариусов специально предусмотрена защита прав не рождённого ребенка наследодателя. В случае обнаружения такой информации нотариус обязан приостановить производство по делу о наследовании до рождения ребенка наследодателя.⁵

Принимая во внимание фактическое принятие наследства несовершеннолетним лицом, важно осознавать, что это возмож-

но путем реализации действий, указанных в п. 2 ст. 1153 ГК РФ, в числе которых отнесены: непосредственное владение или контроль наследственного имущества, принятие мер по сохранению этого наследственного имущества и защите его от посягательств или претензий третьих лиц, собственных затрат на содержание наследственного имущества, оплата долгов наследодателя⁶.

Важнейшим механизмом реализации прав детей в наследовании является участие законных представителей и иных лиц в принятии наследства, что позволяет принимать различные меры по определению судьбы имущества, входящего в состав наследства. Принятие наследства означает, что законный представитель или иное лицо участвует в принятии наследства, а ребенок в возрасте 14 лет не может подать нотариусу заявление о принятии наследства без согласия своего законного представителя⁷. Стоит отметить и иные механизмы, такие как установление факта наследования за несовершеннолетним лицом, защита интересов несовершеннолетнего, обеспечение законными представителями управления и использования, полученного несовершеннолетним имущества в его интересах.

На основе изученных источников можно отметить, что в числе проблемных аспектов наследования несовершеннолетними детьми является: ущемление прав детей на этапе принятия наследства, злоупотребления полномочиями опекунами и попечителями, дискриминации детей, зачатых с помощью современных репродуктивных технологий после смерти своих родителей, случаи, когда родители не хотят передавать своё имущество собственным детям и хотят передать его третьему лицу, либо лишит одного ребёнка наследства и отдать его другому, защита наследственных прав несовершеннолетнего, отбывающего наказание в исправительной колонии, что, в свою очередь, требует принятия определенных мер от государства⁸.

В целях разрешения подобных проблем полагаем выделить меры, всецело направленные на защиту прав несовершеннолетних, вступивших в наследственные отношения. Разумеется, необходимо изменение и расширение гражданского законодательства для закрепления четких процедур и критериев для распределения наследства, а также обязательную регистрацию завещаний, предусмотреть защиту права детей, зачатых с ис-

пользованием современных репродуктивных технологий, и предотвратить дискриминацию по данному основанию при наследовании данными лицами. Также важно разработать четкий и слаженный механизм надзора и контроля за опекунами и попечителями несовершеннолетних, установить обязательные доли наследства для несовершеннолетних, чтобы законные представители не могли злоупотреблять своими правами и необоснованно лишать детей наследства.

Таким образом, данная тема является актуальным шагом в контексте современного правового обеспечения защиты интересов наследственных прав несовершеннолетних в Российской Федерации, что представляет собой сложную проблему, требующую особого внимания на всех уровнях организации общества.

¹ Козуляева А. А., Макаров Т. Г. Некоторые проблемы, связанные с правами несовершеннолетних // Вестник науки. 2023. № 12 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-svyazannye-s-nasledstvennymi-pravami-nesovershennoletnih>

² Афанасьева А. Р. Проблемы наследственных прав несовершеннолетних // E-Scio. 2021. № 6 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-nasledstvennyh-prav-nesovershennoletnih>

³ Егорчев М. Г. Реализация наследственных прав несовершеннолетних детей // Лучшая научно-исследовательская работа 2019: сборник статей XXII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 20 октября 2019 года. Пенза : «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2019. С. 88–90.

⁴ «Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая третья)» от 30.11.1994 n 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023).

⁵ Попова Л. И. Наследственные права несовершеннолетних в России // Эпомен. 2022. № 70. С. 118–124.

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая третья)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023).

⁷ Курилова А. Ю. Механизмы реализации наследственных прав несовершеннолетнего // Детство – территория безопасности: Сборник материалов конференции, Москва, 09 октября 2020 года / Отв. редакторы В. Г. Голышев, Н. М. Ладнушкина. М. : Издательство «Саратовский источник», 2021. С. 184–188.

⁸ Купцова О. В. Наследственные права несовершеннолетних детей и отдельные проблемы их реализации / О. В. Купцова, В. С. Осипова // Тенден-

*Крымский юридический
институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации
Зуенко Дарья Михайловна
E-mail: teckerey@gmail.com*

*Crimean Law Institute (branch)
of the University of Prosecutor's
Office of the Russian Federation
Zuenko Daria Mikhailovna
E-mail: teckerey@gmail.com*

Карпович Александра Юрьевна

Белорусский государственный университет, Минск

К ВОПРОСУ О СДАЧЕ И ПРИЕМКЕ ВЫПОЛНЕННЫХ РАБОТ ПО ДОГОВОРУ ПОДРЯДА НА ВЫПОЛНЕНИЕ ПРОЕКТНЫХ И ИЗЫСКАТЕЛЬСКИХ РАБОТ

Karpovich Alexandra Yurievna

Belarusian State University, Minsk

ON THE ISSUE OF DELIVERY AND ACCEPTANCE OF WORKS COMPLETED UNDER THE CONTRACT FOR DESIGN AND SURVEY WORK

Аннотация: *в настоящей статье анализируются особенности правового регулирования сдачи и приемки работ по договору подряда на выполнение проектных и изыскательских работ. Дано краткое описание надлежащих действий сторон при сдаче и приемке выполненных работ, а также обозначен перечень необходимых документов. Вносятся предложения о совершенствовании правового регулирования сдачи и приемки выполненных работ по договору подряда на выполнение проектных и изыскательских работ.*

Abstract: *the peculiarities of legal regulation of delivery and acceptance of works under the contract for performance of design and exploration works is analyzed in this article. A brief description of the proper actions of the parties in the delivery and acceptance of the work performed, as well as the list of necessary documents is given. Proposals are made to improve the legal regulation of the delivery and acceptance of work performed under the contract for the performance of design and exploration work.*

Ключевые слова: *строительный подряд, проектирование, изыскательские работы, сдача и приемка работ.*

Key words: *construction contract, design, survey works, delivery and acceptance of works.*

Согласно ст. 713 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК)¹, а также положениям п. 3 Правил заключения и исполнения договоров подряда на выполнение проектных и изыскательских работ и (или) ведение авторского надзора за строительством, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 01.04.2014 № 297 (далее – Правила ПИР)², по договору подряда на выполнение проектных и изыскательских работ (далее – договор ПИР) подрядчик (проектировщик, изыскатель) обязуется по заданию заказчика разработать предпроектную, проектную документацию и (или) выполнить изыскательские работы, а заказчик обязуется принять и оплатить их результат.

Так, предметом договора признается выполнение проектировщиком (изыскателем) проектных и (или) изыскательских работ, которые должны завершаться составлением технической документации или предоставлением заказчику данных о проведенных изысканиях³. В наиболее общем подходе результатом договора ПИР являются в целом или по отдельности: 1) предпроектная (прединвестиционная) документация; 2) изыскательская документация; 3) проектная документация.

Сдача и приемка работ, их видов (этапов) (далее – работ), выполненных по договору ПИР, является логическим окончанием жизненного цикла указанного договора. Она непосредственно влияет на своевременную оплату выполненных работ, а также гарантирует защиту прав и законных интересов сторон в случае возникновения спорной ситуации.

Нормы договора, описывающие алгоритм сдачи и приемки выполненных работ, признаются существенными, что указывает на их высокую значимость – если порядок и сроки сдачи и приемки работ не предусмотрены договором, он может быть признан незаключенным (абз. 10 п. 10 Правил ПИР, п. 1 ст. 402 ГК).

ГК содержит общие положения при разъяснении должного поведения сторон при сдаче и приемке выполненных работ, к примеру, «заказчик обязуется принять результат» (ст. 713 ГК), «подрядчик обязан передать заказчику готовую проектно-сметную документацию и результаты изыскательских работ» (ст. 715 ГК), которые, конечно же, не обеспечивают исчерпывающего регулирования.

Более подробному регулированию рассматриваемого вопроса посвящены положения главы 6 Правил ПИР.

На основании п. 48–49 Правил ПИР представляется возможным выделить следующие неразрывно связанные элементы порядка сдачи и приемки выполненных работ, которые определены взаимными правами и обязанностями сторон.

1. Обязанность подрядчика передать заказчику результаты работ в надлежащей форме. Такая надлежащая форма определяется предоставлением накладной на передачу результатов работ по форме, утвержденной в Правилах ПИР, акта сдачи-приемки выполненных проектных и изыскательских работ и (или) акта оказанных услуг. Данные документы должны быть переданы в количестве экземпляров, предусмотренным договором.

Таким образом, срок сдачи работ – день, следующий за днем завершения подрядчиком работ согласно календарному плану.

За нарушение сроков сдачи и приемки выполненных работ Правилами ПИР установлена ответственность подрядчика в размере не менее 0,2 процента от общей цены работ по договору ПИР за каждый день просрочки, но не более 10 процентов от их цены.

2. Обязанность заказчика в пятидневный срок после получения результатов работ и документов указанных выше, направить подрядчику подписанный экземпляр накладной на передачу результатов работ, соответствующего акта. В случае несогласия с результатом работ заказчик обязан направить мотивированный отказ от приемки результатов работ в письменной форме с указанием недостатков, подлежащих доработке.

Как отмечает Л. Н. Лисица исходя из изученной претензионно-судебной практики, зачастую заказчику не представляется возможным самостоятельно подписать акт сдачи-приемки выполненных работ, т.е. подтвердить, что принимаемая работа соответствует условиям заключенного договора ПИР и положениям нормативных правовых актов, в том числе технических нормативных правовых актов. Заказчику требуется время для более глубокого изучения переданного результата работ либо привлечения для этих целей третье лицо в лице инженерной организации. Правила ПИР фактически такую возможность заказчику не предоставляют⁴.

На наш взгляд, данную проблему представляется возможным решить путем изменения в большую сторону срока для подписания накладной на передачу результатов работ, акта оказанных услуг или акта сдачи–приемки, выполненных проектных и изыскательских работ в п. 49 Правил ПИР либо путем трансформации нормы из императивной в диспозитивную для самостоятельного регулирования указанного срока сторонами в договоре.

Также Правила ПИР предусматривают порядок действий сторон, в случае отказа в подписании заказчиком документов на передачу результатов работ с отсутствием предоставления мотивированного отказа от приемки результатов работ в пятидневный срок. В таком случае работы считаются автоматически принятыми и подлежат полной оплате заказчиком.

Отметим, что судебная практика^{5, 6} акцентирует внимание то, что мотивированный отказ от приёмки результата работ должен быть заявлен в надлежащей форме: если заказчик не сможет доказать факт того, что такой отказ был заявлен одновременно в письменной форме и в установленные законодательством сроки, то, как было указано выше, такие работы считаются принятыми и подлежат оплате заказчиком.

Данные выводы суда необходимо учитывать, ввиду того, что в п. 57 Правил ПИР установлена ответственность за необоснованное уклонение от приемки выполненных работ заказчиком в размере не менее 0,2 процента от непринятых работ за каждый день просрочки, но не более стоимости этих работ, если иное не предусмотрено сторонами в договоре.

Отметим, что большинство норм главы 6 Правил ПИР носит императивный характер и не подлежат изменению по согласованию сторон. Исключением является количество экземпляров документов, передающихся подрядчиком заказчику. Вместе с тем, стороны договора ПИР имеют право предусмотреть иные условия, не противоречащие Правилам ПИР (ст. 391 ГК).

На наш взгляд, такое жесткое регулирование сдачи и приемки выполненных работ по договору ПИР имеет как свои неоспоримые достоинства, так и явные недостатки.

Рассматривая императивность регулирования с позитивной точки зрения, можно отметить, что процесс строительства объектов, в который входит также и процесс разработки предпро-

ектной, проектной документации и выполнения изыскательских работ, является дорогостоящим и зачастую связан с экономическими рисками для заказчика. Как следствие, цена ошибки, обусловленной отсутствием специальных знаний и умений также возрастает. Для защиты более слабой стороны по договору ПИР, которой и является заказчик, необходимо жесткое регулирование по основополагающим вопросам, не допускающее возможности для маневра недобросовестного подрядчика. Одновременно с этим, защищены и права подрядчика – регулирование сроков приемки заказчиком работ гарантирует своевременное получение оплаты за выполненные работы.

Вместе с тем, принимая во внимание основополагающие принципы гражданского права, а именно: свободы договора, добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений, автономии воли в установлении своих прав и обязанностей, не противоречащих законодательству, считаем необходимым либерализовать действующее регулирование правоотношений, складывающихся при сдаче и приемке договора ПИР.

В настоящий момент отсутствует необходимость в отягощении гражданско-правовых отношений в сфере выполнения проектных и изыскательских работ дополнительными мерами государственного принуждения. Как верно отметила Чикишева Н.А., государству следует перестраивать отношение к профессиональным участникам рынка, а также нацеливаться на создание условий для развития профессиональных компетенций в области проектирования и изысканий в целях дальнейшего совершенствования производственных правоотношений субъектов хозяйствования^{7,8}.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что процесс сдачи и приемки выполненных работ по договору ПИР достаточно подробно и системно урегулирован в законодательстве Республики Беларусь. В то же время требуется дальнейшее совершенствование законодательства в части либерализации существующих норм, выражающееся в возможности сторон самостоятельно устанавливать условия и сроки сдачи и приемки проектных и изыскательских работ в заключенном договоре.

¹ Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года № 218-З ред. 18.07.2022 № 197-З) [Электронный ресурс] Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК9800218> (дата обращения: 23.02.2024).

² Об утверждении Правил заключения и исполнения договоров подряда на выполнение проектных и изыскательских работ и (или) ведение авторского надзора за строительством: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 01.04.2014 № 297 [Электронный ресурс] Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21400297&p1=1> (дата обращения: 23.02.2024).

³ Лякутина Ю. П. Подряд на выполнение проектных и изыскательных работ // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2014. № 7. С. 102–104.

⁴ Лисица Л. Н. Постатейный комментарий к Правилам заключения и исполнения договоров подряда на выполнение проектных и изыскательских работ и (или) ведение авторского надзора за строительством [Электронный ресурс] Консультант Плюс: Беларусь. ООО «ЮрСпектр». Минск, 2024.

⁵ Решение хозяйственного суда Гродненской области от 6 июля 2011 года по делу № 136-12/2011 [Электронный ресурс] ilex. URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BEARB/115791/136-122011%20?searchKey=fd0j&docSwitcherKey=r10s&searchPosition=1#M100001> (дата обращения: 23.02.2024).

⁶ Постановление апелляционной инстанции хозяйственного суда Гродненской области от 15 августа 2011 года по делу № 136-12/2011/70А [Электронный ресурс] ilex. URL: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BEARB/115933/136-22011%20?searchKey=fd0j&docSwitcherKey=r10s&searchPosition=2#M100001> (дата обращения: 23.02.2024).

⁷ Чикишева Н. А. Ответственность за несоблюдение требований к результату проектных и изыскательских работ // Власть. 2016. № 2. С. 78–84.

⁸ Гражданское право. В 3 т. Т. 1 [Электронный ресурс] : учебник / А. В. Каравай [и др.]; под ред. В. Ф. Чигира. Мн. : Амалфея, 2008. URL : <http://elib.bsu.by/handle/123456789/208618>

*Белорусский государственный
университет
Карпович Александра Юрьевна
E-mail: alya.karpovich.97@gmail.com*

*Belarusian State University
Karpovich Aliaksandra Yurievna
E-mail: alya.karpovich.97@gmail.com*

Ковбель Ирина Валерьевна

Воронежский Государственный Университет, Воронеж

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Kovbel Irina Valerievna

Voronezh State University, Voronezh

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF CONCILIATION PROCEDURES: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Аннотация: в статье раскрываются исторические аспекты примирительных процедур. Определение понятия института примирительных процедур. Первое упоминание средств примирения в законе XII таблиц. Развитие становления института примирительных процедур. Первое упоминание примирительных процедур в памятниках Русского права. Анализ древних источников права о применении примирительных средств. Проведение Судебных реформ в Российской империи. Виды примирительных процедур. Институт процедуры медиации в Германии. Статистические данные об актуальности применения процедуры медиации.

Abstract: the article reveals the historical aspects of conciliation procedures. Definition of the concept of the institution of conciliation procedures. The first mention of the means of reconciliation is in the law of the XII tables. The development of the institution of conciliation procedures. The first mention of conciliation procedures in the monuments of Russian law. Analysis of ancient sources of law on the use of conciliatory means. The implementation of judicial reforms in the Russian Empire. Types of conciliation procedures. Institute of Mediation Procedure in Germany. Statistical data on the relevance of the mediation procedure.

Ключевые слова: примирительные процедуры, история развития, значение института примирительных процедур.

Key words: *conciliation procedures, the history of development, the importance of the institution of conciliation procedures.*

Актуальность и важность примирительных процедур берет своё начала со времён Римского права.

Уже в законе XII таблиц прослеживалось мирное урегулирование споров, например, закон таблиц XII гласит «2. Если причинит членовредительство и не помирится с [потерпевшим], то пусть и ему самому будет причинено то же самое». В римском праве институт примирительных процедур был впервые доктринально разработан и законодательно оформлен.

Для подтверждения своей мысли приведу цитату «По силе потока в реке узнается о дожде, прошедшем в её истоках» – индийский философ. Таким образом, при ознакомлении с институт примирительных процедур необходимо, изучить его исторический аспект, для того чтобы правильно понять его значение и необходимость применения.

Благодаря, наследию, которое было оставлено римским правом, институт примирительных процедур также получил своё развитие в российском законодательстве.

Стоит отметить, что примирительные процедуры широко применимы и имеется достаточно широкая законодательная база, само определение примирительные процедуры, в том же ГПК РФ нигде нет, конечно имеется целая глава 14.1¹. Примирительные процедуры. Мировое соглашение. Но как можно заметить сам термин примирительные процедуры не раскрыты, что на мой взгляд является существенной ошибкой, так как данная процедура широко распространена, появляется необходимость придать данному термину четко выраженную формулировку.

Под примирением сторон следует понимать соглашение между сторонами спора (конфликта), систему взаимных уступок, на основании которых регулируются взаимоотношения этих сторон путем установления их прав и обязанностей.

Хоть и в ГПК РФ отсутствует раскрытие формулировки примирительные процедуры, однако в Трудовом кодексе имеется своё раскрытие данного термина: статья 398 Трудового Кодекса² примирительные процедуры-рассмотрение коллективного трудового спора в целях его разрешения примирительной ко-

миссией, с участием посредника и (или) в трудовом арбитраже. Конечно, данное определение является узким направленным и применимо конкретно к трудовым спорам.

Как упоминалось ранее примирительные процедуры широко распространены, возьму за основу Трудовой Кодекс РФ статья 401:

Порядок разрешения коллективного трудового спора состоит из следующих этапов: рассмотрение коллективного трудового спора примирительной комиссией, рассмотрение коллективного трудового спора с участием посредника и (или) в трудовом арбитраже.

Рассмотрение коллективного трудового спора примирительной комиссией является обязательным этапом.

Необходимо так же отметить, что и в Арбитражном процессуальном кодексе нет явно выраженного определения. Статья 138 часть 1³. Арбитражный суд принимает меры для примирения сторон, содействует им в урегулировании спора, руководствуясь при этом интересами сторон и задачами судопроизводства в арбитражных судах.

В самом определении есть опорные слова, которые дают понять, что означают примирительные процедуры и в каком случае они применимы.

Таким образом, важной составляющей частью примирительных процедур является именно разрешение и урегулирование конфликтной и спорной ситуации.

Обратим своё внимание, на памятники древнерусского права. Возьмём за основу Новгородские берестяные грамоты (1281–1313 гг.) упоминают об институте мирового соглашения как о способе мирного разрешения разногласий⁴. Возможность примирения в результате конфликта на пиру предусматривала Двинская уставная грамота (1397–1398 гг.).

Как один из наглядных примеров статья 80 Псковской судной грамоты (1397 г.) регулировала мирное разрешение спора в случае драки.

«80. Когда случится драка в Пскове, пригороде, волости, на пиру или где бы то ни было и, не позвав пристава, рассорившиеся помирятся сами между собой, то они не подвергаются взысканию в пользу княжеской казны.»

Но Новгородские берестяные грамоты (1281–1313 гг.) являются не единственным источником, свидетельствующем о мирном разрешении конфликтов.

Вторым примером является то, что в Древней Руси наиболее часто использовалась такая форма урегулирования конфликта, как посредничество. «Посредничество – это один из видов примирительной процедуры, в которой участвуют субъекты спора на основе спора, а также нейтральное и независимое лицо (посредник, примиритель), оказывающее помощь в урегулировании конфликта, направленную на достижение субъектами спора взаимовыгодного соглашения»⁵.

Это обусловлено обычаями и традициями древних славян, и применением для разрешения споров именно обычных норм права.

Говоря о древне русских памятниках права, важно отметить третейские суды в древне русском государстве. Само понятие третейские означает compromise. Означает следующее, что третейские суды не сильно следуют букве закона, в основном они направлены мирное урегулирование конфликта, отсюда следуют формы третейского суда⁶:

- 1) Третейский суд с суперарбитр, чаще всего выступал митрополит либо князь;
- 2) Третейский суд без суперарбитра;
- 3) Мировой ряд-окончание спора по любовным соглашением.

Так как в Третейских судах присутствовала церковная власть, то это свидетельствовало о вере русского народа в божьего суда, а также доверие русского народа к представителям церкви. Таким образом, еще со времён Руси третейские суды имели образ как один из способов мирного урегулирования споров.

В-третьих, необходимо подчеркнуть период петровских преобразований, затрагивающий не только культурные, социальные, политические, а также экономические аспекты жизни общества, но и правовые.

Примирительные процедуры в во времена петровских реформ, привели к следующему: «Петр I в своих реформах укреплял следственные начала процесса, как по уголовным, так и по гражданским делам. Примирение в эту эпоху стало исключе-

нием, основанием для него были деяния, осуждение за которые возможно было лишь по частному обвинению»⁷.

Четвертым источником подтверждения примирительных процедур является губернская реформа 1775 года. В «Учреждение для управления губернией Всероссийской империи» впервые детально законодательно закреплялась процедура примирения. В главе XXVI «О совестном суде и его должности» в ст. 400 «О должности суда» достаточно подробно сформулирована процедура, установлено поэтапное примирение сторон. Согласно данной статье суть заключалась в следующем: граждане, которые обратились в суд по гражданским делам для примирения сторон Совестный Суд требует от истца и ответчика или в силу закона прибегнуть к примирению. Их согласие будет скреплено печатью и будет назначен один либо два посредника. На другой или на третий день посредник вместе с Совестным судом рассматривают дело.

В данном историческом источнике можем заметить кардинальные изменения института примирительных процедур.

От абстрактного и отчасти неизменного института примирительных процедур, который мы имеем со времен Римского права, происходит детальное и законодательное закрепление процедуры примирения, что в свою очередь является важным шагом к принятию и практичности данного института и самой процедуры.

Российское законодательство во времена Российской Империи не стоит на месте. 14 мая 1832 года «Общее положение об учреждении коммерческих судов в России» ознаменовало собой появление системы коммерческих судов – предшественницы нынешней системы арбитражных судов. Правовое закрепление коммерческие суды получили в виде Устава судопроизводства торгового. Основными принципа торгового судопроизводства явились примирительный характер и стремление к установлению полного доверия к суду.

Отсюда следует, что развитие примирительных процедур уже происходит не только в гражданских делах, но используются в предшественнице нынешней система арбитражных судов, что наводит на мысль о пользе применения примирительных процедур. И соответственно является пятым источником подтверждения.

Судебная реформа 1864 года представляет собой вектор направленности нового этапа в развитии института примирения. Она имела огромное значение для судебной системы Российской Империи, поскольку её главными чертами стали принципы гласности и состязательности судопроизводства, несменяемости и независимости судей.

20 ноября 1864 г., был подписан Устав гражданского судопроизводства. В него был включен раздел IV книги III, посвященный примирительному разбирательству. Сам раздел содержал две главы – «О мировых сделках» и «О третейском суде».

В связи сменой власти, взглядов общества, а также внутреннего уклада в советский период гражданское процессуальное право в значительной степени утратило дореволюционные традиции правового регулирования института примирения сторон⁸.

Однако Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964 Свод законов РСФСР более детально регулировал вопросы примирения сторон. Он устанавливал возможность заключения мирового соглашения на различных стадиях гражданского процесса – при подготовке дела к судебному разбирательству, непосредственно в судебном разбирательстве, а также в кассационной инстанции и при исполнении решения.

В современный период времени, который закрепляет институт примирительных процедур является Гражданский-процессуальный кодекс РФ. Возвращаясь, к ГПК РФ в главе 14.1⁹ перечислены виды примирительных процедур.

Споры могут быть урегулированы путем проведения переговоров, посредничества, в том числе медиации, судебного примирения, или использования других примирительных процедур, если это не противоречит федеральному закону.

Можно заметить, что перечень видов примирительных процедур открыт, что даёт повод подумать и раскрыть новые виды примирительных процедур.

Переговоры представляют собой примирительную процедуру, с помощью которой принимается совместное решение и урегулируется конфликт сторонами непосредственно или при содействии своих доверенных лиц без привлечения независимой третьей стороны.

Переговоры могут проводиться как до, так уже и после возбуждения производства по делу в суде. Но чем раньше стороны вступят в переговорный процесс, тем больше шансов, что конфликт будет урегулирован.

В научной литературе выделяется множество функций переговоров, основные из которых сводятся к следующим:

1) поиск конструктивного диалога и выхода из конфликтной ситуации с помощью представления различных вариантов решений;

2) информационная – получение информации от сторон;

3) коммуникативная;

4) обсуждения условий при выполнении принятых решений;

5) позиционирование одним из переговорщиков себя с наилучшей стороны в глазах общественности;

6) «маскировочная» (стороны переговоров не заинтересованы в достижении обоюдного решения, пытаются выиграть время, «усыпить» бдительность оппонента и т.д. и для достижения побочного результата).

Переговоры, которые проводятся непосредственно между самими участниками, называются прямыми. Если в процесс участвуют третьи лица, которые представляют интересы сторон (например, юристы, адвокаты), то такие переговоры являются непрямыми, поскольку имеются третьи лица.

Посредничество – один из видов примирительной процедуры, в которой участвуют равноправные субъекты спора на основе сотрудничества, а также нейтральное и независимое лицо (посредник, примиритель), оказывающее помощь в урегулировании конфликта, направленную на достижение субъектами спора взаимовыгодного соглашения.

Принципы, на которых строится посредничество:

1) добровольность, то есть никто из сторон не может заставить принимать участие в данной процедуре;

2) равноправие сторон, отсутствие у сторон преимущества перед друг другом;

3) нейтральность посредника, посредник-это самостоятельный субъект, который не должен в связи подчинения со стороной, следовательно, посредник важно чтобы посредник сохранял не только нейтралитет, но и спокойствие, также важ-

но, чтобы посредник не высказывал свою оценку по конкретной ситуации;

4) конфиденциальность информации – обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя.

Следующим видом примирительных процедур является процедура медиации. Данной процедуре посвящена статья 153.5 ГПК РФ, а также федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». В статье 2 пункт 2 данного федерального закона дается определение процедуры медиации.

Процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

Говоря о принципах проведения процедуры медиации, стоит подчеркнуть, что они схожи с процедурой посредничества. Статья 3 ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹⁰. Процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора.

Хочется также подчеркнуть статистические данные об актуальности применения процедуры медиации.

В 2015 году судами общей юрисдикции по первой инстанции было рассмотрено с вынесением решения (судебного приказа) 15 819 942 гражданских дел и дел, возникающих из публичных правоотношений (далее – дела).

Путем проведения медиации спор был урегулирован в 1 115 делах (0,007% от числа рассмотренных), из которых в 916 делах на основе медиативного соглашения было утверждено мировое соглашение.

В 2015 году посредник (медиатор) привлекался сторонами при рассмотрении 44 дел, из которых в 7 делах судом было утверждено мировое соглашение, а в 37 – истцом был заявлен отказ от иска либо иск признавался ответчиком¹¹.

Следовательно, каждый вид примирительных процедур имеет цель-урегулировать конфликт, найти выход из ситуации, а также прийти к решению, которое будет удовлетворять сторон. Именно это и является одним из важных критериев применения данных процедур. По скольку, в ходе примирительной процедуры происходит разбор не только правового вопроса, но и психологический разбор сторон, что позволит качество урегулировать конфликт.

Прочитав научную статью П. Н. Бирюкова о проведении примирительных процедур, а конкретно о процедуре медиации «Об институте медиации в Германии» хочется выделить некоторые интересные фрагменты:

1. Впервые идея о медиации в Германии была озвучена в 1977 году. При этом инициатива введения медиации в гражданский процесс появилась в юридической социологии. Идея практически сразу привлекла широкое внимание со стороны юридической общественности. Особый импульс росту интереса к медиации дало выступление президента Конституционного суда ФРГ на конгрессе судей в 1979 году. Результатом стала обширная научная дискуссия об альтернативных способах разрешения споров. В 2000 году было принято несколько федеральных законов, которые создавали рамки для создания землями своего законодательства о процедурах медиации.

2. В 2012 в законную силу вступил закон «О развитии медиации и других методах внесудебного разрешения споров». Хочу подчеркнуть, что схожий закон по смыслу и по предназначению в Российской Федерации Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» вступил в законную силу в 2010 году, что подчеркивает о признании такой примирительной процедуре как медиация гораздо раньше нежели чем в Германии.

3. Закон 2012 года различает три вида медиации: 1) стандартная внесудебная медиация; 2) внесудебная медиация по предложению суда; 3) медиация в ходе юридической консультации. Они отличаются друг от друга в зависимости от начала процедуры и лица, которое может выступать в качестве медиатора. Рассмотрим их более детально.

Стандартная внесудебная медиация основана исключительно на соглашении между сторонами о разрешении своего спора

Внесудебная медиация по предложению суда регулируется не только Законом 2012 года, но и рядом статей ГПК. В ФРГ суд не может принудить стороны к обязательной медиации; высказанное судом предложение о проведении медиации может быть отвергнуто сторонами. В случае достижения успешного разрешения спора посредством медиации суд прекращает рассмотрение дела.

Медиация в ходе юридической консультации осуществляется судьей-медиатором.

В нашем российском законе медиатором может быть судья в отставке в соответствии со статьёй 16 Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»

Что является существенным отличием между законом Германии и России о процедуре медиации.

Также хочется отметить, что особой популярностью примирительные процедуры пользуются в КНР.

Прочитав политические и правовые учения Древнего Китая, хочется отметить, что для народа КНР важно не достигнуть своей правоты в споре, а наоборот прийти к согласию и оставить свои интересы позади. Приведу цитату, которая передает само значение и важность примирительных процедур в КНР «на переднем плане должны находиться воспитание и убеждение, а не власть и принуждение».

В КНР до того, как закон «о браке» утратил силу в статье 32 примирение сторон являлось обязательной. То есть суд должен был провести данную процедуру.

Конечно, если обратиться к современной редакции ГПК КНР глава 8 статья 93 напрямую не сказано об обязательном проведении примирительной процедуры, это прослеживается косвенно, указывая на факт применения примирительной процедуры¹².

При изучении примирительных процедур также затронула институт примирения во Франции. Как упоминалось выше, в ГПК РФ 4 основных видов примирительных процедур, переговоры, посредничество, медиация, судебное примирение. Во Франции выделяют три основных вида¹³: 1) процедура примирение 2) процедуру медиации 3) партисипативную процедуру –

проведение переговоров при содействии адвокатов. Третий вид примирительных процедур является новым и необычным для примирительных процедур в понимании российского законодательства. Здесь можно провести параллели с нашей процедурой посредничества, но имеется существенное отличие посредник – это нейтральное и независимое лицо, которое не встает на защиту одной из сторон, в отличие от адвоката, которые по своей сути представляет интересы стороны.

Также одной из особенностью примирительных процедур во Франции является то, что в отличии от других стран России, КНР примирительные процедуры во Франции их появление характеризуется тем, что в начале они стали появляться на практике, а только затем на законодательном уровне.

Изучая зарубежный опыт применения примирительных процедур, хотелось бы выделить некоторые аспекты использования данных процедур в Англии. В Англии очень сильно развита процедура медиации, как один из видов примирительных процедур.

Изначально в 1989 году, по инициативе нескольких юристов медиация стала появляться в Англии, хотя данный вид примирительной процедуры был принят не сразу положительно, наоборот как-то скептически профессиональными юристами¹⁴.

В 1990 году в Лондоне был создан орган по медиации и альтернативному разрешению споров-Центр эффективного разрешения споров, с целью поощрения разработки и использования альтернативных методов разрешения споров и медиации в коммерческих судах. Данный орган был также с создан для того, чтобы популяризовать медиацию в жизнь простых граждан и профессиональных юристов. Так скажем первый практический пример применения данной процедуры. Однако в тот момент времени организация столкнулась с тем, что количество медиаторов было больше нежели граждан, которые хотели бы обратиться.

Следующим практическим примером применения является Совет гражданской медиации, которая включала в себя адвокатов, судей в отставке, общественных деятелей. Целью Совета гражданской медиации является развеять сомнения к критерию профессиональных качеств медиаторов, ведь медиатором как упоминалось ранее мог быть судья в отставке, что подразумевалось надежное и качественное оказание юридической помощи.

В 2011 году было принято решение о внесении изменений в Законе 1996 г. «О семье», в соответствии с которым, при расторжении брака процедура медиации была обязательной. То есть так как супруги находились в тяжелых отношениях не только в психологическом плане, но и были ряд вопросов касаясь имущественных отношений, выплат алиментов, супругам необходимо было обязательно урегулировать данный аспект мирным путем, с помощью примирительных процедур. Однако если супруги настаивали на проведение судебного разбирательства, то они обязаны предоставить необходимые доказательства, того что они предприняли попытку разрешить свой спор до обращения в суд, путем примирительных процедур. Конечно, что при проведении данной процедуры присутствовали медиатор, психолог, что приводило к эффективному результату.

В 2004 году Королевская судебная служба открыла «горячую телефонную линию», она предназначена для того, чтобы помочь гражданам, у которых отсутствовали денежные средства и не было права на юридическую помощь. Имеется один из важных положительных критериев данной «горячей телефонной линии» в том, что стороны могут не встречаться друг с другом, что существенно снижает расходы на проведение процедуры.

Для поддержания института медиации было проведено крупнейшее мероприятие «Неделя медиации», создано оно для того, чтобы повысить интерес к данной процедуре среди простых граждан, а также среди профессиональных юристов и представителей судебной системе.

Можно заметить, что в зарубежных странах имеют своё понимание и значение примирительных процедур. Кто-то отдаёт предпочтение только одному виду примирительных процедур, другие наоборот раскрывают новые виды примирительных процедур и признают их обязательными в части некоторых вопросов, к примеру, при расторжении брака.

Подводя итог выше сказанному, хочется отметить, что примирительные процедуры являются одним из качественных и универсальных способов решения конфликта. С помощью подробного анализа и детального изучения сути спора, мнения стороны, возможно решить конфликт без судебного разбирательства, что приведет к наилучшему результату.

¹ «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 25.01.2024).

² «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024).

³ «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024).

⁴ Институт мирового соглашения в древнерусском праве см.: Зипунникова Н. Н., Зипунникова Ю. Н. Идея примирения в истории российского гражданского процесса (законодательное закрепление и доктринальное обоснование) // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 9. С. 10.

⁵ Один из подходов к понимаю посредничество как вид примирительной процедуры см.: О. А. Дербишева Альтернативные способы разрешения арбитражных споров. вестник института экономических исследований. 2021. № 3 (23). С. 3.

⁶ Формы третейских судов в древнерусском государстве. См.: Никифоров В. А. Третейские суды на Руси // Российский внешнеэкономический вестник. 2007. № 10. С. 2.

⁷ См.: Зипунникова Н. Н., Зипунникова Ю. Н. Идея примирения в истории российского гражданского процесса (законодательное закрепление и доктринальное обоснование) // Арбитражный и гражданский процесс. № 9. С. 11–12. С. 14–15

⁸ См.: Ширяева Ю. В. История примирительных процедур в России // Исполнительное право. 2008. № 2. С. 36.

⁹ «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 25.01.2024).

¹⁰ Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ (последняя редакция).

¹¹ «Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 год» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016).

¹² См.: Гражданский процессуальный закон Китая (2017 г.).

¹³ См.: Дегтярева Виктория Сергеевна. Примирительные процедуры в ГПК России и в ГПК Франции. С. 51–55.

¹⁴ См.: Ивановская Н. В. Медиация в Англии и Уэльсе. М., 2013. С. 1–3, С. 5.

*Воронежский государственный
университет*

*Ковбель Ирина Валерьевна
E-mail: kovbeliv@yandex.ru*

Voronezh State University

*Kovbel Irina Valerievna
E-mail: kovbeliv@yandex.ru*

Кривцов Степан Денисович

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО МИД России, Одинцовский филиал, г. Одинцово)

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Krivtsov Stepan Denisovich

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO Ministry of Foreign Affairs of Russia, Odintsovo branch, Odintsovo)

CIVIL LIABILITY FOR VIOLATION OF RIGHTS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Аннотация: *цель исследования заключается в анализе гражданских правонарушений в цифровой среде для выявления и внедрения нового понятия в гражданский кодекс Российской Федерации. В данной статье особое внимание уделяется обязательствам из причинения вреда в сети, а также проводится анализ судебных дел иностранных и международных судов.*

Abstract: *the purpose of the study is to analyze civil offenses in the digital environment to identify and introduce a new concept into the civil code of the Russian Federation. This article pays special attention to obligations arising from causing harm online, and also analyzes court cases of foreign and international courts.*

Ключевые слова: *вред, ответственность, обязательство, киберделикт, правонарушение, цифровая среда.*

Key words: *Harm, liability, obligation, cyber tort, offense, digital environment.*

Понятие деликта схоже как в англосаксонском праве, так и в романо-германском.

Однако вследствие внедрения цифровых технологий в различные общественные отношения в англо-американском праве сформировался отдельный вид обязательств из причинения вреда. Концепция, согласно которой гражданским правонарушени-

ем в цифровой среде может называться правонарушение, совершенное в кибермире¹.

Признаками таких обязательств, помимо цифровой среды, является то, что вред, как одно из оснований возникновения гражданско-правовой ответственности, является материальным и влечет за собой ощутимые убытки.

Под «киберделиктом» в англо-американском праве предлагается понимать противоправное нарушение абсолютного гражданского права, совершенное в информационно-технологическом (виртуальном) пространстве и влекущее за собой причинение потерпевшему такого вреда, который отражается в реальном мире, в том числе в экономике и бизнесе².

Выделяют несколько видов деяний, которые относятся к правонарушениям в цифровом мире: киберпреследование (Cyber Stalking or Cyber Harassing), клевета в интернет пространстве (Cyber defamation), кибервандализм (Cyber-vandalism), мошенничество и обман (Fraud and Cheating.) и иные³.

Хотя все эти правонарушения и попадают под категорию киберделиктов, нет точного разделения, какие деяния считаются деликтами, а какие преступлениями. В англосаксонском праве отличие гражданского правонарушения в цифровой среде от преступления может заключаться в совокупности факторов, например: насколько данное деяние затрагивает общественные интересы, был ли причинен вред только одному субъекту или также пострадали другие субъекты отношений⁴. В англосаксонском праве немалую роль играет концепция должной заботы, как в деле *Warren v DSG Retail Ltd*⁵. Суть данного дела заключается в том, что юридическое лицо, которое предоставляло коммерческие услуги в результате Хакерской атаки потеряла конфиденциальные данные клиентов. Истец подал иск в суд с требованием признать компанию халатной в выполнении своих обязанностей и присудить компенсацию в том числе и за моральный вред. Однако суд отказал в удовлетворении двух требований, что иллюстрирует проблему отсутствия справедливости в разрешении данных дел на западе.

В Российской Федерации гражданско-правовая ответственность за нарушения прав в цифровой среде в цифровой среде подчиняется принципу генерального деликта. Однако, такие на-

рушения гражданских прав целесообразно выделить в специальный вид деликтов в рамках отдельной нормы. Выделение такого специального вида обязательств из причинения вреда поможет суду принимать единообразные решения по аналогичным делам и выносить справедливые решения подобные делу Шевилл⁶. В данном судебном разбирательстве печатное издание распространило ложные сведения об истце не только в стране издателя, но и в других странах европейского Союза, таких как Германия, Испания, Бельгия, Франция. В ходе разбирательства суд признал, что истец имеет право на получение компенсации за дезинформацию. Однако самое главное, что суд предоставил 2 способа взыскания компенсации. Либо истец может требовать компенсацию с каждой страны, где был издан тираж пропорционально его размеру, либо потребовать всю сумму сразу с иском в стране, где зарегистрировано данное печатное агентство.

Возмещение вреда в цифровой среде подпадает под действие главы 59 ГК РФ (Обязательства вследствие причинения вреда, т.е. Внедоговорные обязательства). Однако следует отметить, что нарушения в цифровом пространстве могут затрагивать не только абсолютные права граждан, но и относительные. Так, например, лицо рассекречивает сведения о конфиденциальности какого-либо контракта (например, спортивного клуба и игрока), в результате чего одна из сторон не имеет право требовать соответствующих бонусов за конфиденциальность. Также, можно привести пример, когда третье лицо путем мошеннических действий заполучает средства, которые должны были участвовать в сделке и в связи с этим, один из участников теряет свое относительное право на поставку товара или услуг.

Таким образом, гражданские правонарушения, совершаемые в цифровой среде, затрагивают не только абсолютные, но и относительные права, как было указано в примерах.

В связи с изложенными обстоятельствами, учитывая увеличение сфер, в которых происходит цифровизация, следует отметить, что обществу необходимо грамотное правовое регулирование подобных отношений.

¹ Rustad M. L. The Role of Cybertorts in Internet Governance // The Comparative Law Yearbook of International Business. Vol. 31 / D. Campbell.

Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2009. P. 395 et seq. (дата обращения: 11.11.2023).

² Бельх В. С., Пучков В. О. Концепция киберделикта (Cybertort) в англо-американском праве // Юрист. 2020. № 10. С. 2–11.

³ См. напр. дело Aditya Dubey: Torts in the Cyber World. [Электронный ресурс] // Aditya Dubey. 2019. 2 мая. – Режим доступа: <https://blog.ipleaders.in/cyber-torts/> (дата обращения: 11.11.2023).

⁴ Shreya: Cyber Torts. [Электронный ресурс] // Shreya. URL: <https://www.legalservicesindia.com/article/1134/Cyber-Torts.html> (дата обращения: 11.11.2023).

⁵ См. напр. дело Warren v DSG Retail Ltd [2021] EWHC 2168 (QB) (30 July 2021). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/QB/2021/2168.html>

⁶ Дело C-68/93 Shevill and Others v Press Alliance [1995] ECR I-415). [Электронный ресурс]. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?&num=C-68/93> (дата обращения: 11.11.2023).

*Московский государственный
институт международных
отношений*

*Кривцов Степан Денисович
E-mail: stepan.krivtsov@icloud.com*

*Moscow State Institute of
International Relations*

*Krivtsov Stepan Denisovich
E-mail: stepan.krivtsov@icloud.com*

Кубарева Людмила Владимировна

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

**ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО ПОКУПКИ ДОЛИ
В ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ПУБЛИЧНЫЕ
ТОРГИ ПРИ БАНКРОТСТВЕ ОДНОГО
ИЗ СОБСТВЕННИКОВ: СОВМЕСТИТЬ
НЕСОВМЕСТИМОЕ**

Kubareva Ludmila Vladimirovna

Voronezh State University, Voronezh

**PRE-EMPTIVE RIGHT TO PURCHASE A SHARE
IN SHARED OWNERSHIP AND PUBLIC AUCTIONS
IN CASE OF BANKRUPTCY OF ONE OF THE OWNERS:
COMBINE THE INCOMPATIBLE**

Аннотация: целью исследования является анализ проблемы применения преимущественного право покупки доли в праве собственности на публичных торгах при банкротстве собственника. В статье особое внимание уделяется анализу судебной практики, сформировавшей различные позиции по пункту 1 статьи 250 Гражданского кодекса Российской Федерации в части действия торгов. Были выявлены основные проблемы, возникающие при применении выявленных подходов судов, и предложен наиболее приемлемый вариант их решения.

Abstract: the purpose of the study is to analyze the problem of applying the pre-emptive right to purchase a share in the ownership right at public auction in the event of bankruptcy of the owner. Special attention is paid to the analysis of judicial practice, in which various positions have been formed on paragraph 1 of Article 250 of the Civil Code of the Russian Federation in terms of bidding. The main problems arising in the application of the identified approaches of the courts were identified and the most acceptable solution was proposed.

Ключевые слова: *общая долевая собственность, преимущественное право покупки, публичные торги, банкротство.*

Key words: *shared ownership, pre-emptive right of purchase, public auction, bankruptcy.*

Преимущественное право покупки представляет собой приоритетную возможность одного из собственников приобрести долю при ее продаже третьему лицу. Указанный механизм несовместим с механизмом торгов, который основан на состязательности и равной возможности всех его участников приобрести продаваемое имущество. Поэтому логично, что п. 1 ст. 250 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее по тексту – ГК РФ) закрепляет общее правило: преимущественное право покупки не действует на публичных торгах, за исключением случаев, установленных законом. При этом исключений таких нет в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)»² (далее по тексту – Закон о банкротстве).

Однако, несмотря на прямой запрет, судебная практика сформировалась неоднозначно в отношении ст. 250 ГК РФ. Так, суды стали применять преимущественное право при проведении публичных торгов при банкротстве. Например, в деле об оспаривании сделки по результатам торгов суд указал, что правообладатели выбрали ненадлежащий способ защиты и необходимо предъявлять иск о переводе прав и обязанностей, который указан в п. 3 ст. 250 ГК РФ как специальный способ защиты преимущественного права³. Следовательно, возможность применения такого специального способа защиты предполагает действие преимущественного права на торгах при банкротстве. Но главную роль в формировании данной практики сыграл Высший Арбитражный Суд Российской Федерации (далее по тексту – ВАС РФ), который в отношении преимущественного права приобретения участников (акционеров) корпораций изложил позицию не только о применении преимущественного права на торгах в рамках конкурсного производства⁴, но и о порядке его применения: лицо может реализовать преимущественное право путем заявления о согласии приобрести акции по цене, сформированной в ходе торгов. Это было обосновано необходимостью соблюдения интересов правообладателей и кредиторов, а также целью

торгов в виде определения максимальной цены продажи⁵. Этой позиции последовали суды и в отношении ст. 250 ГК РФ⁶. Дополнительно суды ссылались на принудительный характер торгов в рамках банкротства, который не исключает преимущественного права⁷ (что является сомнительным доводом, т.к. природа торгов и указанного права не меняется от характера торгов), а также и на абсурдный вывод, что нормы о преимущественном праве ГК РФ носят специальный характер по отношению к Закону о банкротстве⁸.

Примечательно, что сам ВАС РФ придерживался иной точки зрения применительно к долевой собственности и указывал, что п. 1 ст. 250 ГК РФ исключает преимущественное право покупки продаваемой доли участника долевой собственности в случае продажи с публичных торгов⁹. Суды, в поддержку такой практики также ссылались на специальный характер Закона о банкротстве, не содержащего каких-либо правил о преимущественном праве покупки собственников¹⁰, а в некоторых случаях на единую природу торгов¹¹ и Определение Конституционного Суда Российской Федерации (далее по тексту – КС РФ) от 21.04.2011 № 569-О-О, в котором в отношении исполнительного производства было указано, что правовой природе публичных торгов свойственно равенство возможностей в приобретении имущества или прав, поэтому ст. 250 ГК РФ на публичных торгах не применяется¹².

Таким образом, одновременно существовало 2 линии судебной практики: в одном случае суды расширяли сферу действия преимущественного права на публичные торги в банкротстве вопреки запрету ст. 250 ГК РФ, обосновывая это необходимостью защиты интересов собственника, а в другом случае следовали норме и пониманию сущности торгов и преимущественного права как взаимоисключающих явлений. В целом, последняя практика соответствует закону и логично было бы следовать ей. Однако, в 2020 г. Верховный Суд Российской Федерации (далее по тексту – ВС РФ) дал разъяснения по вопросу не только о том, что преимущественное право собственников вообще действует на торгах при банкротстве, но и том как оно применяется, последовав позиции ВАС РФ: собственники могут приобрести долю по сформированной цене по результатам торгов. В 2023 г.

КС РФ поддержал ВС РФ в части действия преимущественного права на торгах, но установил другой порядок реализации права: собственникам предлагается выкупить долю до проведения торгов, а лот может быть реализован, если своим правом собственники не воспользовались (на повторных торгах и в публичном предложении преимущественное право уже не действует), объяснив это тем, что: 1) ст. 250 ГК РФ не позволяет установить ее применимость на торгах, но не в самом банкротстве, а Закон о банкротстве не содержит механизма, установленного ВС РФ; 2) позиция ВС РФ может привести к нарушению интересов собственников и добросовестного победителя торгов, а также режима законности проведения торгов (данное разъяснение вынесено в отношении банкротства граждан, жилого дома и земельного участка)¹³.

Результатом таких разъяснений стало внесение в конце 2023 г. двух законопроектов о внесении изменений в ст. 250 ГК РФ¹⁴ и Закон о банкротстве¹⁵, предлагающих урегулировать порядок применения преимущественного права покупки собственников на публичных торгах на основе позиции ВС РФ (в целом, в проектах схожие положения). В частности, в рамках конкурсного производства предполагается обязательное указание в сообщении о проведении торгов о наличии преимущественного права и извещение собственников о намерении продать долю на торгах, а также поэтапная реализация преимущественного права покупки: первоначально по цене, сформированной на торгах, а в случае признания первоначальных или повторных торгов несостоявшимися или незаключения договора по их результатам – приобретение доли по начальной цене торгов, при публичном предложении – по минимальной цене, если доля не была реализована по такой стоимости¹⁶.

Данные изменения, основанные на позиции ВАС РФ и ВС РФ, имеют свои проблемы. Так, полностью нарушаются интересы добросовестного победителя в виду отсутствия у него гарантий, ведь либо на торгах обладатель преимущественного права может приобрести лот вместо него либо после торгов (когда доля приобретена победителем) – при заявлении иска о переводе прав и обязанностей покупателя, т.к. сохраняется риск, что не все собственники будут надлежащим образом извещены о прода-

же доли; это, в целом, увеличивает и риск признания торгов не состоявшимися, ибо у потенциальных участников нет никакого интереса идти на торги и предлагать максимальную цену.

Для правообладателей есть гарантия купить долю по сформированной цене, как наиболее высокой, что невыгодно для собственника. Однако, это компенсируется сначала возможностью приобретения доли в первоочередном порядке, в дальнейшем – если долю не приобретет другой. Но надо иметь в виду, что согласно статистике¹⁷ риск признания торгов не состоявшимися и продажи доли по минимальной цене достаточно высок, поэтому существует возможность со стороны правообладателей по манипулированию ценой, когда они не будут заинтересованы ни в приобретении по сформированной, ни по первоначальной цене, ведь в результате смогут приобрести долю по минимальной стоимости.

В отношении кредиторов данные изменения выглядят, с одной стороны, неблагоприятными, т.к. существует большой риск, что торги будут признаны не состоявшимися, а доля по наиболее высокой стоимости не реализуется. С другой стороны, есть возможность, что в рамках торгов доля не важно кому, но будет продана, и конкурсная масса пополнена, а в случае признания торгов (в т.ч. повторных) не состоявшимися и незаключения договора победителем есть шанс выручить начальную цену, которая, как правило, является рыночной и более высокой, нежели минимальная стоимость доли при публичном предложении, если бы торги шли в обычном порядке. Да и в рамках публичного предложения шансы отчуждения доли повышаются. Другими словами, есть больше возможностей за счет преимущественного права продать долю по более высокой стоимости или вообще продать, нежели в обычном порядке, и пополнить конкурсную массу.

Как видно, включение преимущественного права прямо в процедуру торгов породило проблему с коллизией интересов кредиторов, участников торгов и правообладателей. Что закономерно, ведь торги со своим равенством и состязательностью никаким образом не могут безболезненно соблюсти преимущественное право и не пожертвовать одними интересами в угоду другим. Поэтому следование прямому запрету ст. 250 ГК РФ со-

ответствовало бы закону и позволило бы избежать всех вышеуказанных рисков, вызванных совмещением двух по сути своей взаимоисключающих друг друга механизмов. Однако практика и законодатель диктуют другой подход и встает вопрос не о возможности применения преимущественного права покупки на торгах, а о способе его применения. С точки зрения рисков предложение КС РФ менее проблемно, т.к. предоставление возможности реализовать преимущественное право до торгов позволило бы выручить как минимум рыночную стоимость доли, что, с учетом указанной статистики более выгодно, т.к. это была единственная возможность для собственника купить долю, а в случае отказа собственника – провести торги в общем порядке, не затронув их режим и сохранив саму концепцию проведения торгов, обеспечив интересы и участников торгов, и кредиторов. Хотя и сохраняется риск перевода прав и обязанностей покупателя, если собственники уведомлены не были, позиция КС РФ выглядит более предпочтительной среди указанных. Но, с учетом действующей практики и законопроектов, есть высокая вероятность, что в законодательстве будет закреплена именно позиция ВАС РФ и ВС РФ.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 окт. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г.: [в ред. от 24 июля 2023 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

² О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон 26 окт. 2002 № 127-ФЗ: принят Гос. Думой 27 сент. 2002 г.: [в ред. от 25 дек. 2023 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

³ Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.02.2010 по делу № А13-7007/2009 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт информ.-правовой компании]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.02.2023).

⁴ Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 05.02.2007 № 15620/06 по делу № А12-26436/05-С35 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «Судебная система Российской Федерации». URL: https://sudbiblioteka.ru/as/text1/vasud_big_8512.htm (дата обращения: 28.02.2023).

⁵ Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров о преимущественном праве приобретения акций закрытых акционерных обществ: Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации от 25.06.2009 № 131 // Экономика и жизнь. 2009. № 33.

⁶ Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.07.2018 № 11АП-8843/2018 по делу № А55-20108/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт информ.-правовой компании]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.01.2024); Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.11.2018 № 17АП-16427/2017-АК по делу № А71-3478/2015 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт информ.-правовой компании]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.01.2024).

⁷ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.10.2019 по делу № А12-13432/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт информ.-правовой компании]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.01.2024).

⁸ Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 12.03.2018 № 01АП-3399/2014 по делу № А11-13078/2011 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт информ.-правовой компании]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.01.2024).

⁹ Определении Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 09.04.2013 № ВАС-3320/13 по делу № А54-6790/2011 [Электронный ресурс] // Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/bc03a4d0-b38d-4c5b-90e6-9e6bf4458c6bb> (дата обращения: 31.01.2024).

¹⁰ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 13.06.2017 по делу № А70-14929/2014 // Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3d25f203-b3f1-4c07-84b0-d4af11841561> (дата обращения: 28.01.2024).

¹¹ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.10.2014 № 15АП-14771/2014 по делу № А32-937/2013 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт информ.-правовой компании]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.01.2024).

¹² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Зверевой Елены Никандровны на нарушение ее конституционных прав положениями частей 1 и 6 статьи 69, части третьей статьи 87 Федерального закона «Об исполнительном производстве», пункта 1 статьи 250 и статьи 255 Гражданского кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 21.04.2011 № 569-О-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [сайт информ.-правовой компании]. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.01.2024).

¹³ По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 250 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Шеставина: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 16 мая 2023 г. № 23-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 21. Ст. 3793.

¹⁴ О внесении изменений в статью 250 части первой Гражданского кодекса : Проект Федер. закона № 489386-8 [Электронный ресурс] // Федер. гос. информационная система: Система обеспечения законодательной де-

тельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/489386-8> (дата обращения: 29.01.2024 г.).

¹⁵ О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»: Проект Федер. закона № 489384-8 [Электронный ресурс] // Федер. гос. информационная система: Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/489384-8> (дата обращения: 29.01.2024 г.).

¹⁶ Там же. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/489384-8> (дата обращения: 29.01.2024 г.).

¹⁷ Рэнкинги ЭТП, осуществляющих торги в банкротстве за 4 кв. 2023 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федресурс. URL: <https://fedresurs.ru/news/3055c906-8f4b-4dd4-87e0-69872fc2594e> (дата обращения: 28.01.2024).

*Воронежский государственный
университет*

Кубарева Людмила

Владимировна

E-mail: l-w-kubareva@mail.ru

Voronezh State University

Kubareva Ludmila

Vladimirovna

E-mail: l-w-kubareva@mail.ru

Купцов Никита Сергеевич

Российский государственный университет правосудия, Москва

**ГОЛОС ИСПОЛНИТЕЛЯ ВОКАЛЬНОГО
ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ОХРАНЯЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ
ПРАВА НА ИСПОЛНЕНИЕ**

Kuptsov Nikita Sergeevich

Russian State University of Justice, Moscow

**THE VOICE OF THE PERFORMER OF A VOCAL
ART AS A PROTECTED ELEMENT OF THE RIGHT
TO PERFORMANCE**

Аннотация: в работе автором исследуется актуальная в свете стремительного развития современных технологий проблема правовой охраны голоса исполнителя творческого произведения в контексте тенденции развития института гражданско-правовой защиты голоса гражданина. В частности, устанавливается взаимосвязь между институтами охраны голоса исполнителя и голоса гражданина в целом, делается вывод о допустимости установления режима правовой охраны голоса исполнителя в качестве неотъемлемого элемента права на исполнение произведения.

Abstract: the author examines the problem of legal protection of the voice of the performer of a creative work, which is relevant in the light of the rapid development of modern technologies, in the context of the development trend of the institution of civil legal protection of a citizen's voice. In particular, the relationship is established between the institutions of protection of the performer's voice and the citizen's voice as a whole, and a conclusion is made about the admissibility of establishing a regime of legal protection of the performer's voice as an integral element of the right to perform a work.

Ключевые слова: право на исполнение, вокальный голос исполнителя.

Key words: *performance right, performer's vocal voice.*

Стремительное развитие современных технологий неизбежно ставит перед ученым сообществом в сфере юриспруденции многочисленные вопросы о необходимости комплексного изменения подходов к осмыслению таких «системообразующих» правовых институтов, которые до недавнего времени представлялись полностью устоявшимися и не нуждающимися в реформировании. Сказанное верно не в последнюю очередь для подотрасли отечественного авторского и смежного права, которая в силу длительного исторического пути развития, казалось бы, восприняла все возможные инструменты для регулирования правоотношений в разнообразных условиях жизни общества.

Между тем, время показывает несостоятельность такого смелого утверждения. Так, непрерывный процесс общественно- и технологического развития на сегодняшний день явно выразился в появлении и широком распространении принципиально нового типа технологий, обладающих отдельными устойчивыми признаками, прежде характерными только для интеллектуальной деятельности человеческого мозга – нейронных сетей (нейросетей), возможности которых постепенно распространяются в самых разных областях и сферах человеческой деятельности. Автором ранее уже рассматривалась проблема неясности правового положения графических изображений или музыкального ряда, формируемых многочисленными нейросетями отечественного и зарубежного производства, в контексте их отнесения к объектам авторского права¹; существенные трудности обнаруживаются также в вопросе надлежащей охраны смежного права на исполнение произведения с учетом возможностей технологий нейросети. Например, широкое распространение на просторах сети Интернет получили видео- и аудиоматериалы, создаваемые при помощи нейросетей, суть которых заключается в искусственной замене голоса оригинального артиста, исполняющего то или иное произведение, на голос иного артиста, никогда не имевшего отношения к созданию или исполнению этого произведения, посредством своеобразного «копирования» основных

голосовых признаков исполнителя на основе предоставленного пользователем примера, взятого из открытых источников. Такой алгоритм работает в двустороннем порядке: в этой связи одинаково возможны как несанкционированное добавление или полная замена в оригинальном музыкальном произведении голосовой (вокальной) партии, так и несогласованное с исполнителем использование его голоса для создания на этой основе по существу самостоятельного музыкального исполнения, в котором при наличии явно выраженного вокала артиста, он, тем не менее, личного участия не принимал. И если в первом случае ущерб по смыслу ст. 1322-1323 ГК РФ² будет нанесен прежде всего интересам изготовителя фонограммы (так как налицо ее искажение), то во втором – риск нанесения имущественного или неимущественного (в том числе имиджевого, репутационного) ущерба грозит прежде всего самому исполнителю, чей голос был неправомерно использован при «синтезировании» формируемого нейросетью вокального исполнения.

Любопытно, что вопрос о правовой защите голоса исполнителя перестал быть исключительно теоретической проблемой в начале 2023 года, когда Верховным Судом Лос-Анджелеса в США был принят к рассмотрению иск певца Рика Этли к исполнителю Yung Gravy, в котором Этли обвинял коллегу по сцене в незаконном использовании его вокального голоса при исполнении собственного музыкального произведения; при этом, по мнению Этли, нарушение выразилось в практически идентичном воспроизведении Yung Gravy узнаваемых особенностей его голоса и вокальной манеры, что привело к массовому распространению слухов о личном участии Рика Этли в исполнении созданного музыкального произведения, что не соответствовало действительности³. Принимая во внимание обстоятельства, изложенные выше, автор полагает необходимым ответить на вопрос о допустимости охраны вокального голоса конкретного музыкального исполнителя в рамках права на исполнение.

Необходимо заметить, что вопрос о защите голоса гражданина в качестве одного из его идентифицирующих признаков поднимается в науке гражданского права далеко не первое десятилетие. Еще в начале века отдельные исследователи указывали на необходимость причисления права на голос к личным не-

имущественным правам гражданина⁴. Вместе с тем, указанное предложение не находило должной поддержки в среде ученого и практического сообщества в силу отсутствия сколько-нибудь существенных поводов для более пристального его изучения. Все изменилось в январе 2023 года, когда по инициативе Союза дикторов России в Государственную Думу было направлено письмо с просьбой рассмотреть вопрос о повышении мер защиты голоса гражданина от незаконного синтезирования и последующего использования третьими лицами без согласия его обладателя⁵. Указанное обращение продемонстрировало острую актуальность решения проблемы. Следует согласиться с мнением А. Г. Матвеева и Е. Ю. Мартыановой, указавшими на то, что именно феноменальное развитие технологий искусственного интеллекта стало катализатором широкого обсуждения проблемы гражданско-правовой охраны голоса гражданина⁶. При этом исследователи в большинстве единодушны в том, что подобный институт при его внедрении в отечественное гражданское законодательство должен относиться к общей части ГК РФ; более того, отнесение института охраны голоса гражданина при определенных обстоятельствах к подотрасли права интеллектуальной собственности признается «ошибочным»⁷, а Е. А. Моргунова, признавая допустимость охраны голоса исполнителя в качестве элемента охраны исполнения, все же указывает на необходимость охраны голоса и в этом случае в рамках института личных прав⁸.

Иными словами, учеными при изучении вопроса гражданско-правовой охраны голоса гражданина отрицается возможность отнесения данного института к праву интеллектуальной собственности, а существенных различий между охраной голоса гражданина и голоса музыкального исполнителя в качестве особого случая не проводится. Такая позиция автору представляется ошибочной по следующим основаниям.

Согласно ст. 1313 ГК РФ под «исполнителем» понимается гражданин, творческим трудом которого создано исполнение какого-либо произведения литературы или искусства. Несмотря на то, что законодательство не содержит дефиниции понятия «творческого труда», общепринято считать творческой любую деятельность человека, в результате которой создается нечто но-

вое, оригинальное, не имеющее до момента создания того или иного материального или духовного объекта аналогов в объективной действительности. При этом О. В. Богданова, например, полагает, что на практике критерий творчества может быть сведен к установлению факта создания результата интеллектуальной деятельности самостоятельным умственным трудом⁹. Как бы то ни было, автору представляется теоретически верным рассматривать исполнение творческим процессом тогда, когда тот или иной исполнитель посредством использования присущих ему индивидуализирующих его черт и качеств создает результат особого творчества, выражающегося в создании формы доведения (сообщения) произведения до публики¹⁰. Абсолютно верна позиция К. Кирсановой, указывавшей в этой связи, что исполнением будет признаваться лишь такое представление произведения, которое либо интерпретирует его, либо выражается в ином творческого вкладе артиста¹¹.

Следует осознавать характер отличий между творческим трудом автора и творческим трудом исполнителя произведения. В отличие от деятельности автора, направленной на создание оригинального произведения посредством уникального взаимного расположения графических, буквенных или звуковых элементов, образующих в своей совокупности обладающий смыслом и способностью к восприятию результат творческого труда, творческая деятельность исполнителя выражается прежде всего в формировании уникального по своему характеру публичного воспроизведения этого результата; при этом речь идет не только о собственно процессе «механического» воспроизведения, но и о формировании оригинальной «обстановки» этого воспроизведения путем совместного использования разнообразных средств исполнения. Безусловно, для артиста-исполнителя вокального произведения (народного, эстрадного или академического направления – существенной разницы не усматривается) основным средством исполнения выступает его вокальный голос, то есть такой, который используется специально для исполнения произведения в узнаваемой слушателем манере.

В этом, по мнению автора, и проявляется разница между правовым статусом голоса гражданина как объекта его личных прав и голоса исполнителя, выступающего, в сущности, неотъ-

емлемым элементом права на исполнение как института права интеллектуальной собственности. В отличие от «повседневного» голоса, используемого каждым гражданином на постоянной основе и фактически развивающегося естественно, в силу природных задатков конкретного индивида, вокальный голос исполнителя часто является результатом многолетних усилий артиста по его развитию с целью придания ему отличительных черт, способствующих росту популярности и узнаваемости исполнителя; существенными признаками для вокального голоса исполнителя, помимо универсальных тембра, высоты или силы, являются также диапазон звучания, мелодичность, модификационные и артикуляционные возможности, способности к благозвучному резонированию и т. д, которые в полной мере используются артистом только в момент исполнения произведения. В этой связи, несогласованное использование голоса исполнителя при создании исполнения того или иного произведения путем высокоточного копирования или искусственного его синтезирования способно нанести ущерб прежде всего законным интересам гражданина как творческого исполнителя, негативно повлиять на его образ, творческую репутацию и отношение слушателей, а значит должно защищаться в рамках института права на исполнение.

По мнению автора, такая точка зрения вполне соответствует взаимосвязанным положениям ст. ст. 1313, 1316 ГК РФ, в силу которых понятие «исполнителя» равнозначно понятию «автора исполнения», а само авторство исполнения (в том числе и вокальный голос исполнителя как основное средство творческого исполнения) подлежит бессрочной охране.

¹ Купцов Н. С. Некоторые актуальные проблемы авторского права современной России // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/edu/student/nauka/vuz/rgup/> (дата обращения: 18.01.2024). С. 23–29.

² Гражданский кодекс Российской Федерации: часть 4 (актуальная редакция от 01.01.2023)// Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52. Ст. 5496.

³ Рик Эстли подал в суд на рэпера Young Gravy из-за «кражи голоса» // Информационный портал «АфишаDaily» [Электронный ресурс]. URL: <https://daily.afisha.ru/news/72398-rik-estli-podal-v-sud-na-repera-yung-gravy-za-krazhu-golosa/> (дата обращения: 18.01.2024).

⁴ Малеина Л. В. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. 2-е изд., испр. и доп. М. : МЗ Пресс, 2001. 244 с. (С. 124–136).

⁵ Дикторы попросили Госдуму защитить их голоса от искусственного интеллекта // Информационный портал «РБК» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/63d383b99a794785e21a3bb9> (дата обращения: 20.01.2024)

⁶ Матвеев А. Г., Мартьянова Е. Ю. Гражданско-правовая охрана голоса человека при его синтезе и последующем использовании // Ex Jure. 2023. № 3. С. 118–131 (С. 121).

⁷ Там же. С. 123.

⁸ Моргунова Е. А. Исполнение как объект правовой охраны // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 310–323 (С. 315–316).

⁹ Богданова О. В. Защита интеллектуальных авторских прав гражданско-правовыми способами: монография. М. : Юстицинформ, 2017. 212 с. (С. 31–32).

¹⁰ Кирсанова К. Право на неприкосновенность произведения: в поисках истины // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2014. № 11. С. 4–12 (С. 10).

¹¹ Кирсанова К. Исполнение и постановка как объекты смежных прав: прошлое, настоящее и будущее // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2015. № 7. С. 17–25.

*Российский государственный
университет правосудия
Купцов Никита Сергеевич
E-mail: Kuptsov_nS02@mail.ru*

*Russian State University of Justice
Kuptsov Nikita Sergeevich
E-mail: Kuptsov_nS02@mail.ru*

Лубянская Алина Владимировна

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

**АРЕНДНАЯ ПЛАТА ЗА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ,
НАХОДЯЩИЕСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ:
ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Lubyanskaya Alina Vladimirovna

Voronezh State University, Voronezh

**RENT FOR LAND PLOTS IN STATE OR MUNICIPAL
OWNERSHIP: LEGAL ISSUES**

Аннотация: цель исследования заключается в поиске решения проблем, связанных с возможностью изменения размера арендной платы земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в одностороннем порядке органом публичной власти. Помимо вышесказанного, особое внимание уделяется вопросу о необходимости унификации ставок и порядка определения размера арендной платы в различных субъектах Российской Федерации.

Abstract: the purpose of the study is to find solutions to the problems associated with the possibility of unilaterally changing the amount of rent on land plots owned by the state or municipal authorities. In addition to the above, special attention is paid to the need to unify the rates and the procedure for determining the amount of rent in various regions of the Russian Federation.

Ключевые слова: арендная плата, земельный участок, государственная собственность, муниципальная собственность.

Key words: rent, land plot, state property, municipal property.

Институт аренды земельных отношений – комплексный институт гражданского, земельного и других отраслей права. Особенно интересным и противоречивым является вопрос опре-

деления размера арендной платы за земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности. Существует многообразие нормативных актов, регулирующих данный вопрос. Однако из-за их большого количества существует различная практика судов.

В соответствии со ст. 39.7 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) размер арендной платы за земельный участок, находящийся в собственности РФ, субъекта РФ или муниципального образования, устанавливается постановлением Правительства РФ от 16.07.2009 № 582, которое закрепляет один из важных принципов определения размера арендной платы – принцип экономической обоснованности, согласно которому расчёт регулируемой арендной платы должен учитывать доход, приносимый от использования земельного участка, а также осуществляться на основании тех видов деятельности, которые непосредственно ведутся на данном земельном участке.

Существует проблема, которая связана с возможностью органа местного самоуправления (далее – ОМСУ) в одностороннем порядке посредством издания соответствующего нормативного акта изменить размер арендной платы на более высокий, нежели чем тот, который установлен договором аренды, в случае, если такая возможность предусмотрена условием договора аренды рассматриваемого земельного участка. При этом закон не обязывает ОМСУ уведомлять о принятом решении арендатора. В данном случае возникает спорная ситуация: ОМСУ считает, что арендатор должен вносить плату за арендованный земельный участок в размере, установленном решением ОМСУ. В свою очередь, арендатор полагает, что если он не знает об измененном размере арендной платы, то должен вносить ту сумму, которая установлена договором аренды, а не принятым решением ОМСУ. В данной ситуации арендатор ссылается на то, что, не уведомив его, ОМСУ незаконно истребует иного размера арендной платы, нежели предусмотренного договором аренды. Настоящее дело дошло до Верховного Суда Российской Федерации. В одном из своих определений суд указал, что изменение ОМСУ размера арендной платы за земельный участок и незнание об этом арендатора не освобождает последнего от уплаты аренды в размере, установленном решением ОМСУ. На наш взгляд, данное условие

договора аренды ставит арендатора в неблагоприятное положение. «Последний» не осведомлён о новом размере арендной платы. В свою очередь, арендодатель может взыскать с арендатора недополученную сумму в виде неустойки, при этом оставляя последнего в неведении о новом размере арендной платы. Решение данной ситуации видится в следующем. В целях недопущения возникновения в будущем подобных ситуаций законодателю необходимо дополнить ст. 39.8 ЗК РФ пунктом, являющимся специальной нормой по отношению к п. 3 ст. 614 ГК РФ, и изложить его в следующей редакции:

«В случае, если договором аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, предусмотрено право органа публичной власти на изменение размера арендной платы такого земельного участка в одностороннем порядке, соответствующий орган власти обязан уведомить о данном изменении арендатора не позднее дня, следующего за днём принятия соответствующего решения».

Законодательное установление данной нормы позволит, во-первых, выявить недобросовестных арендодателей, которые злоупотребляют некомпетентностью арендатора и включают в гражданско-правовой договор невыгодное для арендатора условие. Во-вторых, данное нововведение поставит точку в подобных вопросах и исключит неоднозначную норму из законодательства.

Существует и иная проблема, связанная с тем, что «при определении размера арендной платы отсутствует унификация в вопросах ставок и порядка определения размера арендной платы в различных регионах, а также на федеральном и местном уровнях». Местные ставки, как правило, не учитывают ограничения и льготы, предусмотренные федеральным законодательством. За идентичные по качественным и количественным характеристикам земельные участки в разных субъектах РФ устанавливается различная арендная плата в зависимости от того, кто является его арендодателем: Росимущество или местная администрация. Это отражает несоблюдение принципа запрета необоснованных предпочтений. Такое несоответствие происходит из-за большого количества различных ставок и коэффициентов в различных субъектах, что демонстрирует непрозрачность системы и не от-

ражает общую картину о цене аренды в различных частях Российской Федерации, к тому же лишает возможности сопоставить данные ставки с федеральными.

Е. С. Крестьянцева приводит пример, когда «предприятие заключило договор аренды земельного участка с ОМСУ, а по прошествии времени узнало, что собственником данного земельного участка является Российская Федерация. В силу того, что Российская Федерация сдает земельные участки в аренду по иным ставкам, учитывая льготные ставки, нежели муниципальное образование, предприятие «переплатило» 70 млн рублей за три года аренды».

*Воронежский государственный
университет*

*Лубянская Алина
Владимировна*

Voronezh State University

Lubyanskaya Alina Vladimirovna

Мешалкина Ирина Викторовна

Воронежский государственный университет, Воронеж

КОНЦЕПЦИИ ЕДИНСТВА И МНОЖЕСТВЕННОСТИ СОЛИДАРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Meshalkina Irina Victorovna

Voronezh State University, Voronezh

CONCEPTS OF UNITY AND MULTIPLICITY OF SOLIDARITY OBLIGATIONS

Аннотация: в статье приведен анализ оснований солидарных обязательств, рассматривается проблема солидаритета из различных оснований. Приведены рассуждения автора о соотношении договорного и деликтного обязательств. Проанализированы проблемы, связанные с возникновением солидарных обязательств, на примере актуальной судебной практики.

Abstract: the article provides an analysis of the bases of solidarity obligations, examines the problem of solidarity from various bases. The author's arguments about the relationship between contractual and tort obligations are given. The problems associated with the emergence of joint and several obligations are analyzed using the example of current judicial practice.

Ключевые слова: обязательственное право, солидарные обязательства, регресс, суброгация.

Key words: law of obligations, joint obligations, recourse, subrogation.

Обязательство как категория гражданского права прошло в своем развитии значительный период. Первоначально акцент делался на личной ответственности должника перед кредитором. Обязательства воспринимались сквозь призму личных отношений и мести, что отражало идею «ответственности» (Haftung) без понятия «долга» (Schuld). Постепенно штрафы, введенные государством как мера ответственности, начали вытеснять обычаи

мести, что способствовало переходу от личной ответственности к более формализованным элементам обязательства. С развитием экономических и правовых систем возникли новые формы обязательств, основанные на договорах, что привело к смещению акцента с личной ответственности на имущественные обязательства¹.

Говоря о подходах к пониманию понятия обязательства, стоит отметить, что первоначально в понимании римских юристов оно рассматривалось как строго личная связь между кредитором и должником. Классическое определение обязательства в римском праве предполагает элементарную связь «кредитор-должник»: «сущность обязательства ... чтобы связать другого перед нами, дабы он дал что-нибудь или сделал или предоставил» (D.44.7.3)².

В российском законодательстве легальная дефиниция обязательства закреплена в п. 1 ст. 307 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), причем в данном определении законодатель также исходит из концепции обязательства как элементарного относительного правоотношения³. Но есть и широкий смысл, а именно обязательство как сложное «обязательственное правоотношение», которое характеризуется совокупностью прав и обязанностей.

Особый интерес представляют некоторые проблемы, связанные с возникновением солидарных обязательств. В каких условиях возникает солидаритет по общему правилу? Традиционное понимание солидаритета в соответствии со ст. 322 ГК РФ определяет в качестве оснований его возникновения закон и договор. Очевидно, что при классическом понимании солидарных обязательств, когда лица являются участниками одного обязательственного отношения (например, трое взяли займы, три покупателя должны оплатить товар и т.д.), совершенно логичным выглядит предъявление требований в порядке регресса в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства.

Возникает вопрос, можно ли рассматривать солидаритет в других аспектах, например, когда речь идет о совершенно разных по природе обязательствах, договорном и деликтном. Предположим, заключен договор хранения. В результате действий оператора водоснабжению происходит залив помещения, в ре-

зультате чего происходит порча товара, переданного на хранение. В данном случае, необходимо предъявлять иск к хранителю, который как профессиональный предприниматель несет ответственность независимо от вины.

Но если представить, что в качестве хранителя выступает не профессиональный участник оборота (предприниматель), то в договорном иске будет отказано, т.к. такой субъект будет нести ответственность лишь за виновные действия, вины в данном случае с высокой степенью вероятности усмотрено не будет.

Вопрос о том, какими должны быть отношения должников для того, чтобы перед кредитором они отвечали солидарно, представляется неоднозначным. О традиционном понимании в соответствии со ст. 322 ГК РФ было сказано выше. Каким же образом должен быть обоснован солидаритет, если обязательств несколько и они разные по своей природе, и каким целям служит установление солидарного характера обязательств? Можно выделить следующие функции солидарных обязательств:

Предоставление кредитору привилегии преодоления относительности обязательственного правоотношения в части момента исполнения. Риск банкротства должников переносится с кредитора на самих должников, ведь кредитор, пока сохраняется хотя бы одна имущественная масса, достаточная для удовлетворения его интереса, не будет бояться за перспективы взыскания.

Процессуальное удобство в части освобождения от доказывания того, кто из должников и за какую часть общего вреда ответственен, ведь подчас истцу с практической точки зрения это сделать невозможно, например, потому, что действий каждого из должников уже было достаточно, чтобы причинить убытки, или же отсутствует возможность определить, чей вклад в возникший вред имел решающее значение.

Статья 323 ГК РФ дает возможность кредитору выбрать, предъявлять иск к любому из солидарных должников отдельно или же пойти с совместным требованием. Данную ключевую особенность рассматриваемого института отмечал в своих работах Ф. К. Савиньи⁴.

Обеспечение компенсационного характера гражданско-правовой ответственности. Конкуренция исполнений, лежащая в

основе этого института, не позволяет кредитору обогатиться, дважды возместив один и тот же вред (с двух разных должников).

Еще одна проблема в контексте заявленной темы связана с основаниями возникновения солидаритета. Для ее иллюстрации обратимся к одному из примеров судебной практики⁵. По обстоятельствам дела между двумя гражданами был заключен договор купли-продажи нежилых помещений общей стоимостью 8,5 млн руб. Стороны также заключили договор аренды банковского сейфа, куда покупатель положил денежные средства. Продавец выдала две доверенности гражданам В и С, первой она уполномочила забрать деньги покупателя из сейфа, а второй – открыть счет на ее имя в банке и выполнять прочие действия, связанные с распоряжением деньгами на счете. В и С заключили договор аренды банковского сейфа, куда положили полученные денежные средства. Через месяц продавец скончалась, наследники подали иск к В и С, заявив требования о неосновательном обогащении. Суд отказал в удовлетворении требований, не усмотрев в данном случае отношений солидаритета. Данный вывод среди прочего был аргументирован следующим образом: доверенности В и С были выданы не совместно, а каждому в отдельности; согласно ст. 322 ГК РФ солидаритет возможен, если это прямо предусмотрено законом или договором.

Вспомним, что представительство характеризуется наличием внутренних и внешних отношений между представителем и представляемым. Доверенность подтверждает полномочия в отношениях с третьими лицами, она является маркером, показывающим, что наличествуют некие внутренние отношения. Преобладающей точкой зрения в литературе в контексте солидарных обязательств является то, что важны не внешние, а внутренние отношения. В связи с этим представляется несостоятельным вывод судебной инстанции о том, что «автономность полномочий по доверенности и отсутствие совместности в действиях исключает солидаритет». Гораздо правильнее было бы сфокусироваться на содержании правоотношения. Представляется, что наличие отдельных самостоятельных полномочий не показывает характер связи во внутренних отношениях и не исключает внутренний солидаритет.

В данном случае помимо прочего возникает вопрос о при-
роде ответственности, хотя все судебные инстанции оставляют
без внимания вопрос о квалификации соответствующих отно-
шений. Истец изначально сформулировал требования как кон-
диционные, и ни один из судов не подверг сомнению эту квали-
фикацию. Представляется однако, что кондикция – последний из
возможных вариантов в данной ситуации, поскольку ст. 1103 ГК
РФ определяет применение положений о неосновательном обо-
гащении постольку, поскольку нормами о соответствующем виде
договора или общими положениями о договоре не предусмо-
трено иное. Вопрос о разграничении договорной и деликтной
ответственности в данном случае чуть более сложен. В пользу
договорной можно отметить, что отношения представительства
предполагают, как было сказано ранее, и внутренние и внешние
отношения. В данном случае ответчики свои обязанности не ис-
полнили – сняли деньги, но не открыли счет и не положили в бан-
ковскую ячейку, что можно считать основанием для договорной
ответственности.

Эти рассуждения напрямую связаны с решением вопроса о
том, можно ли в данном случае говорить о солидаритете. Если
констатировать деликт, объяснить солидарный характер отно-
шений будет сильно легче. Есть ст. 1080 ГК РФ, которая говорит
об ответственности за совместно причиненный вред, и в данном
случае есть все основания для подобной квалификации отноше-
ний.

Однако если вести речь о договорной ответственности (в
пользу которой имеется более веская аргументация), то нормы,
аналогичной статье 1080 в ГК РФ мы не найдем. Хотя совмест-
ность действий уже предопределяет характеристику всех тре-
бований, связанных с незаконно изъятыми денежными сред-
ствами. В данном случае представляется считать совместные
действия достаточными для установления солидаритета.

В заключение отметим, что проблемы, связанные с соли-
дарными обязательствами имеют практическую ориентиро-
ванность и предопределяют в каждом конкретном случае ква-
лификацию отношений должника и кредитора. Положительные
прогнозы позволяют сделать в этой связи примеры судебной

практики, в которых суды обосновывают возможность солидарных обязательств из разных оснований.

¹ См.: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 2001. 353 с.

² См.: Дигесты Юстиниана: книга в 8 т. Т. 8: Статьи и указатели / М. В. Бибииков, А. Ваке, М. Х. Гарсиа Гарридо [и др.] ; под ред. Л. Л. Кофанова. М.: Статут, 2006. 677 с.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/68cd793a052a50d4de7831f2bfefd5fae1dd844f/ (дата обращения: 10.02.2025).

⁴ См.: Савиньи Ф. К. Обязательственное право / Предисловие докт. юрид. наук, проф. В. Ф. Попондопуло. Перевод с немецкого В. Фукса и Н. Мандро. СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. 576 с.

⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.08.2020 № 5-КГ20-63-К2. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-18082020-n-5-kg20-63-k2/> (дата обращения: 10.02.2025).

*Воронежский государственный
университет*

*Мешалкина Ирина Викторовна
E-mail: meshaloo4ka@gmail.com*

Voronezh State University

*Meshalkina Irina Victorovna
E-mail: meshaloo4ka@gmail.com*

Шабаян Виолетта Сергеевна

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СИСТЕМ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

Shabayan Violetta Sergeevna

Southern Federal University, Rostov-on-Don

**PROBLEMS OF APPLICATION OF CIVIL LIABILITY
IN THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS**

Аннотация: цель исследования заключается в освещении проблем в области права, связанных с форсированным развитием систем искусственного интеллекта, а также способов их устранения. Вопрос об определении субъекта ответственности в настоящее время актуален, так как в силу технической сложности систем искусственного интеллекта и большого круга лиц, обладающих доступом к системе и влияющим на нее, а также отсутствия закрепленного в законе правового режима искусственного интеллекта становится невозможным определить лицо, на которое может быть возложена обязанность возместить вред, а также условия его возмещения. В данной статье предложен способ уменьшения коллизий среди правоприменителей с помощью создания специального правового режима искусственного интеллекта.

Abstract: the purpose of the study is to highlight the problems in the field of law related to the accelerated development of artificial intelligence systems, as well as ways to eliminate them. The issue of determining the subject of responsibility is currently relevant, since the legislator has not defined the legal personality of artificial intelligence. This article suggests a way to reduce conflicts among law enforcement officers by creating a special legal regime for artificial intelligence.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, гражданско-правовая ответственность, правосубъектность.*

Key words: *artificial intelligence, civil liability, legal personality.*

Понятия искусственного интеллекта закреплено в «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», в ФЗ от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»¹.

Согласно п./п. а п. 5 раздела 1 «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года», п./п. 2 ст. 2 ФЗ № 123-ФЗ «искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Наряду с понятием искусственного интеллекта в законодательстве применяется термин технологии искусственного интеллекта, под которыми в п./п. б п. 5 раздела первого «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года» понимаются технологии, которые базируются на использовании искусственного интеллекта (сюда входит распознавание речи, компьютерное зрение и т.д.)

Профессор Л. Ю. Василевская высказывает мнение, что «искусственный интеллект» следует рассматривать как сложно структурное образование, как сложный объект интеллектуальных прав, состоящий из разнородных охраняемых результатов интеллектуальной деятельности – разных программ для ЭВМ, имеющих различное функциональное назначение в структуре «искусственного интеллекта»; изобретений, составных объектов, промышленных образцов, ноу-хау и др»².

Искусственный интеллект – это объект права, с одной стороны результат интеллектуальной деятельности, а с другой сто-

роны, вещь, в которую объект интегрирован. Возникают на данный объект интеллектуальные права и вещные права.

В таком случае возникает проблема ответственности: кто несет ответственность, разработчик программы, владелец системы искусственного интеллекта, оператор?

В доктрине разработаны следующие подходы. Во-первых, квалификация систем искусственного интеллекта, как источника повышенной опасности и применение норм ст. 1079 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)³ к данным отношениям. Во-вторых, квалификация систем искусственного интеллекта как товар и применение норм к отношениям, связанным с причинением вреда системами искусственного интеллекта вследствие недостатков товара, работы или услуги (ст. 1095 ГК РФ).

В первом случае ответственность, в соответствии со статьей 1079 ГК РФ наступает ввиду осуществления деятельности, связанной с повышенной опасностью для окружающих. Верховный Суд РФ подчеркнул, что человек не может полностью проконтролировать источник повышенной опасности, из-за чего возникает обязанность у владельца возместить вред, причиненный в данном случае искусственным интеллектом⁴. Конституционный Суд РФ, в свою очередь указал на то, что владельцы источника повышенной опасности несут повышенное бремя ответственности в случае наступления неблагоприятных последствий.

Во втором случае создатель искусственного интеллекта несет ответственность, если пользователь не имел возможности повлиять на действия искусственного интеллекта. Здесь ответственность несет производитель по аналогии со статьями 1095 и 1096 ГК РФ. Правоприменитель делает акцент на недостатки искусственного интеллекта, в деятельности которых виноват не пользователь товара/услуги, а сам производитель. Здесь ответственность возлагается на того, кто «получает прибыль от деятельности системы искусственного интеллекта»⁵.

Применительно к первому виду ответственности актуальной является проблема определение владельца системы искусственного интеллекта, ответственного за причинение вреда.

Во втором случае, вред может быть возмещен только если товар приобретен в потребительских целях.

Отсутствие точного понимания в вопросе субъектов ответственности порождает в правовой доктрине идею создания института страхования рисков причинения вреда искусственным интеллектом. В данном случае представляется возможным взять за основу обязательное страхование ответственности владельцев источников повышенной опасности, имеющее достаточное распространение в гражданско-правовых отношениях к настоящему моменту. Соответственно, обязательное страхование гражданской ответственности создателя/ пользователя системы искусственного интеллекта может способствовать уменьшению негативных последствий при отклонении его от заданных программ⁶.

Тем не менее, могут быть такие масштабы вреда в виде нарушения конфиденциальности данных или физический ущерб от автономных систем, например, что причинитель не сможет их покрыть, ввиду чего в подобных случаях необходима помощь со стороны государства. Она может осуществляться с помощью специально созданных компенсационных фондов.

Данный фонд может обеспечивать выплаты компенсаций гражданам, например, если был причинен вред при экспериментальном использовании искусственного интеллекта. Минэкономразвития, в свою очередь, внес поправки в закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций», где указан механизм, направленный на обеспечение вреда, причиненного ввиду использования систем искусственного интеллекта⁷.

Таким образом, крайне необходимо внести в ГК РФ норму, определяющую механизм возмещения вреда, который был причинен искусственным интеллектом.

Возможно, в будущем при развитии российского законодательства будет признана дееспособность и деликтоспособность искусственного интеллекта и тогда он вместо «квазисубъекта» станет полноценным субъектом гражданско-правовых отношений, способным самостоятельно нести ответственность, однако на данный момент это очень дальняя перспектива развития.

Применение в определенной степени устаревших норм, не способных урегулировать новые правовые явления, подталкивают на необходимость со стороны законодателя определить

способы реализации гражданско-правовой ответственности за особый и активно внедряющийся в современные реалии вид специального деликта, связанного с деятельностью систем искусственного интеллекта

¹ «Собрание законодательства РФ», 27.04.2020, № 17, ст. 2701.

² Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б. Цифровизация гражданского оборота: «искусственный интеллект» в механизме договорного регулирования (цивилистическое исследование): монография: в 5 т. Т. IY/ отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2023. С. 10.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 № 51 – ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации

⁴ П. 18 Постановления Пленума Верховного Суда России от 26. 01. 2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3.

⁵ Горохова С. С. Технологии на основе искусственного интеллекта: перспективы и ответственность в правовом поле // Юрист. 2021. № 6. С. 60–67.

⁶ Романова И. Н. Проблемы юридической ответственности за вред, причиненный при использовании технологий искусственного интеллекта // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30(1–4), № 1. С. 72–77.

⁷ Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020. № 258-ФЗ.

*Южный федеральный
университет*

*Шабаян Виолетта Сергеевна
E-mail: shabayan.viola@mail.ru*

Southern Federal University

*Shabayan Violetta Sergeevna
E-mail: shabayan.viola@mail.ru*

Зверев Денис Романович

Воронежский государственный университет, Воронеж

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ГРАНИЦЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Zverev Denis Romanovich

Voronezh State University. Voronezh

LEGAL GROUNDS AND BOUNDARIES OF THE USE OF ARTIFIKAL INTELLIGENCE IN LEGAL PROCEEDINGS

Аннотация: в статье рассматриваются правовые основания применения искусственного интеллекта в судопроизводстве. Определяются преимущества и риски, связанные с использованием современных цифровых технологий при отправлении правосудия. Автором приведены примеры возможного применения программных комплексов в судопроизводстве, включая автоматизацию процессов, анализ больших данных, поддержку принятия решений, обработку и анализ юридической информации, в том числе доказательств, автоматизации рутинных задач и создания прогнозов.

Abstract: the article discusses the legal grounds for the use of artificial intelligence in legal proceedings. The advantages and risks associated with the use of modern digital technologies in the administration of justice are determined. The author provides examples of possible application of software systems in legal proceedings, including process automation, big data analysis, decision support, processing and analysis of legal information, including evidence, automate routine tasks, and generate predictions.

Ключевые слова: *судопроизводство, искусственный интеллект, правосудие, цифровые технологии, программный комплекс, программный продукт, цифровизация.*

Key words: *legal proceedings, artificial intelligence, justice, digital technologies, software complex, software product, digitalization.*

Неизбежность применения современных автоматизированных технологий при помощи специальных компьютерных программ приближает общество к стадии осуществления попытки моделирования когнитивных и творческих способностей человека, другими словами, попытки создания, так называемого искусственного интеллекта. Ведь его основа заключается в обучении, воображении, восприятии и памяти. Это своего рода искусственный разум, искусственный мозг, машинный интеллект. Чего на сегодняшний день еще не создано в «чистом» виде.

Считается, что создателем искусственного интеллекта (далее – ИИ), автором термина «artificial intelligence», является американский информатик профессор Джон Маккарти, который впервые в 1958 году изобрел специальный язык «Лисп», а в 1971 году он стал лауреатом премии Алана Тьюринга (английского математика, оказавшего большое влияние на развитие информатики) за фундаментальные исследования в области ИИ.

Этот термин используется для описания программ, имитирующих «когнитивные» функции, которые люди связывают с другими человеческими умами – «обучение и «решение проблем» (С.Рассэл, П.Норвиг¹).

Возможность использования нейросетей в судопроизводстве в последние годы вызывает огромный интерес академической науки, как в нашей стране, так и за рубежом.

Как замечает Гертнер А.В. – с точки зрения Европарламента, ИИ представляет собой киберфизическую автономную систему, которая наделена способностями получения, обмена и анализа информации, а также – способностью к самообучению на базе приобретаемых навыков и взаимодействий с окружающей средой, и способностью адаптироваться к изменяющейся обстановке. Другими словами, ИИ обладает уникальными способностями самостоятельно эволюционировать и развиваться².

Представляется, что ИИ соответствует набору концепций и технологий, а не сфере жизни, в которой представлен и функционирует. Поэтому можно дать множество определений ИИ и каждое будет по-своему правильным, в зависимости от области применения.

В действующем законодательстве Российской Федерации понятие «искусственный интеллект» постепенно начинает приобретать правовые формы и юридическую субъектность. Этот термин начинает использоваться в правовом поле и официальном языке, в связи с чем, можно полагать, что ИИ уверенно внедряется в экономику страны, нашу повседневную жизнь и все более активно применяется в гражданском и уголовном процессе.

Так, на совещании по развитию цифровой экономики под председательством Президента России В. Путина 30 мая 2019 года была принята концепция подготовки национальной стратегии по ИИ. Своим указом «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» В.Путин утвердил национальную стратегию развития ИИ в России до 2030 года, которая считается основой для разработки государственных программ и региональных проектов в части, касающейся развития ИИ³.

Весной 2021 года Правительством Российской Федерации утверждены правила выделения финансовой поддержки компаниям, занятым в сфере разработки ИИ.

ИИ может стать важным инструментом научно-технической поддержки судебной реформы и развития права в России, вывести нас на новый качественный уровень судопроизводства.

Отправление правосудия должно быть четко отработанным механизмом, в котором процессуальные действия суда не должны занимать большее, по отношению к изучению предмета рассмотрения спора, время. А для этого необходимо внедрение таких технологий программных комплексов, которые смогли бы заменить часть трудоемкого процесса судопроизводства без вмешательства судьи, но с обязательным контролем с его стороны.

24 ноября 2023 года В.Путин, выступая на пленарном заседании Международной конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта», посвященной последним достижениям в области нейросети, заявил, что ИИ откроет новую главу истории человечества. Глава государства особо отметил, что нужно сде-

лать все, для того, чтобы Россия могла быть одним из лидеров в этой области, обеспечивая безопасность и разумность создания таких технологий, сведение к минимуму любых угроз для граждан, для сохранения персональных данных.

Современное судопроизводство уже нельзя представить без использования информационных компьютерных систем и электронного документооборота. IT-технологии прочно и уверенно внедрились в нашу повседневную действительность. Общеизвестно, что электронное правосудие значительно повышает эффективность оказания судебных услуг, что является немаловажным в стремительно развивающемся информационном пространстве. Интернет-порталы судов всех уровней, их официальные веб-сайты содержат объемную информацию по рассматриваемым делам в режиме онлайн. Это позволяет участникам судебного разбирательства оперативно владеть необходимой достоверной информацией непосредственно без обращения в судебные инстанции.

Использование современных средств цифровизации в судопроизводстве в настоящее время заменяет выполнение некоторых действий при осуществлении судебного делопроизводства, что является неотъемлемой частью судопроизводства как такового.

Так, например, в настоящее время в деятельности судов достаточно эффективно применяются современные технологические разработки по автоматизации процессов судебного делопроизводства, которые действуют по заданному алгоритму для выполнения конкретной задачи, т.е. происходит не что иное, как использование одной из возможностей ИИ в определенной области. И это дает свои положительные «плоды». Освободившиеся от рутинной обработки судебной документации человеческие ресурсы направляются на процессы, требующие применения рассуждения, осуществления общения, анализа и других интеллектуальных действий, характерных для человека. «Машинный мозг» пока не наделен способностями глобально «думать» как человек, т.е. делать определенные выводы, используя большой объем различной информации. Но будущее именно за этим.

Как известно, количество дел, рассматриваемых судьями арбитражных судов, судов общей юрисдикции, с каждым годом

становится на порядок больше. Перегруженность судей, в свою очередь, «мешает» им (лишает их возможности) досконально углубляться в изучение предмета рассмотрения, требований истца и всех обстоятельств, имеющих значение для дела. Это, в конечном итоге, негативно влияет на результат вынесенного судом решения. Что, конечно, недопустимо.

Не секрет, что бывают случаи, когда участники судебного разбирательства не могут «достучаться» до судьи в том плане, что судья не рассматривает некие доказательства, представленные стороной процесса. И это допустимо с точки зрения законодательства. Так, ст. 60 Гражданско-процессуального кодекса РФ установлено, что обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами.

В этом случае можно было бы применить возможности ИИ, передав ему функции анализа больших массивов представленных суду доказательств, определения подлинности текстов, фотографий, видео и звуковых записей. Это помогло бы в выявлении скрытых паттернов и тенденций, возможных противоречий в доказательствах, что значительно сократило бы общее время рассмотрения спора в суде и исключило, либо сократило число случаев недобросовестных действий участников судебного процесса.

Важно со всей ответственностью относиться к анализу доказательств и помнить, что доказательство, полученное с нарушением закона, не имеет юридической силы и не может быть применено в суде. В этом может помочь ИИ, но роль суда от этого не становится менее значимой, поскольку представленные доказательства должны оцениваться судом (согласно п. 1 ст. 17 Уголовно-процессуального кодекса РФ, п. 1 ст. 67 Гражданско-процессуального кодекса РФ, п. 1 ст. 71 Арбитражного процессуального кодекса РФ) по своему внутреннему убеждению, что не может сделать ИИ.

Вместе с тем, ч. 2 ст. 45 Конституции РФ гласит о том, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенные законом. Поэтому любая из сторон вправе использовать различные средства для защиты своих прав и за-

конных интересов. В связи с чем, использование ИИ в судопроизводстве может оказать существенную помощь в части коммуникативного взаимодействия по обмену информацией между всеми участниками судебного процесса, повышении его эффективности и результативности при соблюдении всех принципов и сущности отправления правосудия.

Цифровые технологии, по мнению некоторых исследователей в этой области, имеют явные преимущества. Так, по мнению Борисовой Л. В., основные преимущества использования системы ИИ «цифровой судья» заключаются в следующем: непредвзятость при принятии решения при условии корректности, внесенных в систему данных; скорость обработки данных и возможность анализа большого объема информации; одновременный учет большого числа фактов, подлежащих оценке; отсутствие арифметических ошибок при подсчетах; снижение нагрузки на судей, исключение случаев коррупции⁴.

Между тем, это очень ответственный этап работы, от которого зависит результат судебного разбирательства. Неправильно настроенный алгоритм программы не исключает возможность ошибок, что потребует от судьи особого внимания при оценке всех доказательств по делу.

Создание цифрового продукта, который смог бы проанализировать все доводы истца и ответчика, соотнести все особенности рассматриваемого вопроса с действующим законодательством, оставив за судьей право принятия окончательного решения, на мой взгляд, во многом помогло бы избежать судебных ошибок, и, соответственно, снизить количество обжалуемых решений, их отмену, либо возврат на новое рассмотрение. При этом эффективность работы суда, его динамика и качество правосудия, несомненно, повысились бы.

В тоже время, существует большое количество «подводных камней» использования ИИ в судопроизводстве.

Не решены досконально вопросы «утечки данных», связанные с использованием ИИ. Опасность неправильно настроенного алгоритма программы может создать угрозу справедливости правосудия. Невозможность толкования юридических норм и принципов приведет к сбою работы программного продукта.

Останется нерешенной проблема реализации конституционного принципа независимости судей, что является основной гарантией справедливого судебного разбирательства.

Необходимо, на мой взгляд, минимизировать все возможные риски и негативные последствия в случае интеграции ИИ в систему судопроизводства с учетом изучения опыта применения ИИ за рубежом.

Бахтеев Д. В., Тарасова Л. В. приводят примеры основных принципов реализации ИИ в судопроизводстве, содержащихся в Европейской этической хартии использования ИИ в судебной и правоохранительной системах, принятой Европейской комиссией в декабре 2019 г.:

- соблюдение фундаментальных прав: доступность судопроизводства, состязательность сторон, верховенство закона и независимость судей, получение мотивированного решения и обоснования, принятого с использованием ИИ;

- исключение случаев дискриминации при обработке судебной документации с использованием ИИ;

- обеспечение безопасности при обработке судебных актов с применением сертифицированных цифровых технологий ИИ;

- осуществление правосудия в установленном законодательством порядке;

- прозрачность и доступность правосудия, предоставление возможности внешнего изучения баз данных и результатов судебных решений путем применения простых алгоритмов, понятных рядовому пользователю;

- получение информации в целях определения обоснованности принятия судебных постановлений⁵.

Зарубежная практика тестирования возможностей ИИ показывает, что робот-судья способен принимать решения по спорам, вытекающим из договорных отношений. В Эстонии начинают апробироваться специальные программные комплексы для этой категории дел. В Китае и во Франции внедрение в судопроизводство элементов цифрового судьи осуществляется в виде вспомогательного инструментария для исследования материалов, содержащихся в деле.

Так, например, ст.8 Американской конвенции о правах человека содержит следующую норму: «Каждый человек имеет право

на слушание дела с надлежащими гарантиями и в течение разумного периода времени в компетентном, независимом и беспристрастном суде, заранее созванном по закону в обоснование любого обвинения уголовного характера, выдвинутого против него или для определения его прав или обязательств гражданского, трудового, финансового или любого иного характера»⁶.

Соколкина А.С. отмечает некоторую зависимость восприятия человеком информации от времени суток. Она приводит пример особенностей конкретного человека, которые не присущи другим людям. Так, израильскими учеными были проведены научные исследования принятых арбитражным судьей решений, которые были связаны со временем их принятия, то есть до обеда или непосредственно после него. Решения, принимаемые судьей до обеда, отличались от тех, которые судья принимал после обеденного перерыва. До обеда судья зачастую отказывал в ходатайствах, а после обеда чаще всего удовлетворял требования. То есть голод либо сытость судьи влияли на результат решения⁷.

Бирюков П. Н. обращает внимание, что в настоящее время появились программы, которые предвидят исход судебных процессов, включая потенциальную компенсацию. Legal Tech (так обычно обозначаются соответствующие программы в зарубежной литературе) предлагает много преимуществ: автоматизация повторяющихся задач для юристов, отвлечение внимания, снижение судебного риска и т.д. Появившееся новое понятие – «предсказанное правосудие», которое опирается на ИИ, предоставляет юристам инструменты, позволяющие им сосредоточиться на более сложных задачах. Автор обращает внимание на следующие моменты: в то время как традиционное правосудие пытается выполнить свою миссию – в разумные сроки вынести решение по делу, «предсказанное правосудие» идет дальше. Оно предоставляет алгоритмы для анализа в короткие сроки огромного количества ситуаций, которые позволяют предвидеть исход спора или, по крайней мере, оценить шансы на успех. «Предсказанное правосудие» позволяет: избрать наиболее правильный способ защиты, выбрать наиболее подходящие аргументы; оценить предполагаемую сумму компенсации и т.д.⁸

К примеру, граждане Евросоюза (ЕС) могут получать доступ к электронному досье своих дел в 10 государствах ЕС по всем ти-

пам гражданских споров, по гражданским делам цифровые доказательства допустимы в 10 странах-членах. То есть, говорится не о самом правосудии, а лишь об аналитических инструментах, которые позволили бы прогнозировать будущие решения в спорах, аналогичных тем, которые были проанализированы.

В различных инструментах ЕС закреплены нормы, которые могут быть непоследовательны, а иногда уже устарели. Может иметь место большая мозаичность регулирования как по предмету, так и по странам-участницам. Значительное разнообразие требований к документам, используемым в ходе судебного разбирательства, и большое количество дел делают необходимость синхронизации инструментов более очевидной.

Система e-CODEX (Электронное правосудие через обмен данными в режиме онлайн) играет важную роль в создании совместимой, безопасной и децентрализованной ИТ-связи в трансграничных процессах. Указанная платформа обеспечивает связь между судами, позволяя государственным органам, адвокатам, сторонам быстро и безопасно отправлять, и получать документы, доказательства и другую информацию. При этом активно используется система цифрового обмена электронными доказательствами (eEDES) ⁹.

Автоматизация процесса выполнения определенных действий в судопроизводстве, составление роботом (ИИ) отдельных судебных актов, изготовление которых возложено непосредственно на судью, все эти действия должны быть закреплены законодательно с учетом прав и законных интересов всех участников судопроизводства. Это главное условие, по моему мнению, для введения новшества в законодательную базу.

В Совете судей России в настоящее время обсуждают тему делегирования задач, которые можно поручить искусственному разуму. По их мнению, ИИ не будет способен применять аналогию закона или аналогию права. У ИИ свои законы и свой язык, и без их понимания решения нейросетей оказались бы непредсказуемыми, поэтому робот не сможет стать заменой судьи.

В настоящее время в отечественном праве предпринимаются попытки определить правовую субъектность ИИ, разработать нормы для регулирования его применения. Главным преимуществом использования ИИ в судопроизводстве (уголовном,

гражданском и арбитражном) исследователи права считают способность этой технологии разгрузить судебную систему и минимизировать судебные ошибки, выполняя рутинные задачи.

Использование ИИ в разумных пределах, несомненно, способствует повышению эффективности судопроизводства и сокращению сроков рассмотрения дел. С его помощью судья сможет решать различные задачи в автоматическом режиме. Но использовать ИИ в отрыве от человека (судьи), мне кажется, категорически недопустимо. Правовую квалификацию судьи, его внутреннее убеждение, жизненный опыт нельзя передать машине-роботу.

Некоторые служители Фемиды высказывают мнение, что будущее за «электронным мышлением», которое позволит разгрузить судебную систему и минимизировать судебные ошибки.

Вместе с тем, внедрение ИИ должно происходить в строгом правовом русле, с обеспечением гарантий защиты от внешних проникновений в системный продукт, сбоев «машинного мышления», информационной безопасности персональных данных.

Современная реальность требует создания новой высокотехнологичной цифровой среды в целях совершенствования компонентов электронного правосудия, которая позволит судье сосредоточиться на вопросах, непосредственно влияющих на исход дела.

Цифровизация правосудия может стать эффективным вспомогательным инструментом вынесения судами более осознанных и информированных решений на основе исследования обширного объема данных и аналитики. Вместе с тем, при внедрении подобных систем в судебную практику – важно понимать всю ответственность за неизбежно возникающие этические моменты, которые в итоге должны справедливо разрешаться судебным и жизненным опытом человека-судьи, его глубоким пониманием духа закона и творческим подходом к применению права.

¹ Russel S. J., Norvig P. Artificial Intelligence: A. Modern Approach. Upper Saddle River, new Jersey, 2009.

² Гертнер А. А. К вопросу об использовании искусственного интеллекта в системе электронного правосудия: pro et contra // Молодой ученый 2020. № 49 (339). С. 211–215.

³ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

⁴ Борисова Л. В. Электронное правосудие как форма судебной защиты в России // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6 (115).

⁵ Бахтеев Д. В., Тарасова Л. В. Применение искусственного интеллекта деятельности арбитражных судов РФ : перспективные направления и проблемы.

⁶ Американская конвенция о правах человека. Принята Межамериканской конференцией по правам человека 22 ноября 1969 г. в Сан-Хосе. Вступила в силу 18 июля 1978 г.

⁷ Соколкина А. С. Искусственный интеллект в арбитражном процессе // Молодой ученый. 2022. № 48 (443). С. 334–336.

⁸ Бирюков П. Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие» : зарубежный опыт // Lex Russica. 2019. № 11 (156). С. 79–87.

⁹ Бирюков П. Н. Цифровизация правосудия по гражданским делам: опыт ЕС // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 2.

*Воронежский государственный
университет*

Зверев Денис Романович

Voronezh State University

Zverev Denis Romanovich

Кирюшкина Софья Алексеевна

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
Институт магистратуры и заочного обучения, Саратов

УЧАСТИЕ АДВОКАТА В ДОСУДЕБНОМ УРЕГУЛИРОВАНИИ СПОРОВ

Kiryushkina Sofya Alekseevna

Saratov State Law Academy

PARTICIPATION OF A LAWYER IN PRE-TRIAL SETTLEMENT OF DISPUTES

Аннотация: *статья направлена оценку возможностей участия адвоката в досудебном урегулировании правовых споров. Отдельное внимание уделено вопросам реализации партисипативной процедуры урегулирования споров. Кроме того, в статье исследуется возможность участия адвоката в качестве посредника (медиатора) при урегулировании юридических конфликтов.*

Abstract: *the article aims to assess the possibilities of a lawyer's participation in the pre-trial settlement of legal disputes. Special attention is paid to the implementation of the participatory dispute settlement procedure. In addition, the article examines the possibility of a lawyer's participation as an intermediary (mediator) in the settlement of legal conflicts.*

Ключевые слова: *адвокат, досудебное урегулирование споров, медиация, партисипативная процедура.*

Key words: *lawyer, pre-trial dispute resolution, mediation, participatory procedure.*

Смещение внимание законодателя (проведение реформы примирительных процедур) и правоприменителя (издание специального разъяснения относительно досудебного урегулирования споров) с вопросов разрешения правовых споров на

их урегулирование породило новый виток обсуждения форм участия адвоката в досудебном урегулировании.

Досудебное урегулирование споров является одним из механизмов снижения нагрузки на судебную систему. Действенная реализация досудебного урегулирования позволяет не только предупредить обращение в суд, но и способствует разрешению противоречий между участниками конфликта, что делает более его эффективным в сравнении с разрешением споров судом (нередко стороны недовольны судебным актом). По этой причине активное использование механизмов урегулирования конфликтов, вовлечение в них квалифицированных специалистов позволит сформировать комфортную среду для развития общественных отношений.

В пункте 2 статьи 2 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) ¹участие адвоката в досудебном урегулировании споров не выделено в самостоятельное направление деятельности. Иные направления юридической помощи адвоката во многом поглощают такое участие (консультирование, представление интересов в различного рода органах, организациях или судопроизводствах, составление документов и т.д.), однако не охватывают его полностью (примером чему может служить представление интересов доверителя перед оппонентом по спору до обращения в суд).

Адвокат имеет равную заинтересованность как в разрешении спора, так и в его урегулировании. Зачастую адвокат становится первым юристом, к которому организация или гражданин обратились за юридической помощью (в том числе с намерением оценить перспективу рассмотрения дела судом или иным уполномоченным органом), в связи с чем спектр возможностей адвоката в урегулировании значительно шире, чем у какого-либо иного субъекта.

Кроме того, специальное указание на представление интересов доверителя в рамках досудебного урегулирования может способствовать повышению заинтересованности граждан в мирном разрешении конфликтов.

Переходя к вопросу о возможностях участия адвоката в досудебном урегулировании, следует отметить, что им могут быть

оказаны все виды юридических услуг. Так, например, адвокат может проводить консультации по юридическим вопросам, возникшим у доверителя (как индивидуально, так и совместно с иным участником спора).

Составление адвокатом документов, как правило, связано с претензионным производством, которое является обязательным по многим спорам, или же с обращением в государственные органы (например, в налоговые органы) и иные организации (в комиссию по трудовым спорам и т.д.).

Что касается представления интересов, то в указанном случае отдельно следует выделить партисипативную процедуру, то есть переговоры с обязательным участием юристов (адвокатов)². Необходимо отметить, что данная разновидность процедур альтернативного урегулирования правовых споров продолжает оставаться без должного внимания со стороны законодателя (она не отражена ни в процессуальных кодексах, ни в специальных законах, ни даже в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации). Обращает на себя внимание вопрос о том, какие подпункты пункта 2 статьи 2 Закона адвокатуре отражают возможность проведения партисипативной процедуры, особенно в том случае, если сторонами спора являются физические лица.

Адвокат может представлять интересы доверителя также перед посредником при реализации медиации.

В юридической среде ведется дискуссия относительно выполнения адвоката функции посредника в урегулировании юридического конфликта³. Закон об адвокатуре не позволяет однозначно ответить на данный вопрос. Вместе с тем согласно пункту 3 статьи 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА): «Адвокат не вправе вне рамок адвокатской деятельности оказывать юридические услуги (правовую помощь), за исключением деятельности по урегулированию споров, в том числе в качестве медиатора, третейского судьи, участия в благотворительных проектах других институтов гражданского общества, предусматривающих оказание юридической помощи на безвозмездной основе, а также иной деятельности в случаях, предусмотренных законодательством»⁴. Схожее положение отражено также в статье 11 КПЭА. Таким образом, адвокатское сообщество

допускает возможность участия адвоката в качестве посредника в урегулировании правового конфликта.

Кроме того, в соответствии со статьей 7 КПЭА адвокат должен способствовать мирному разрешению споров, устраняя для этого все возможные препятствия, так как предупреждение судебных споров является составляющей юридической помощи.

Следует учесть и сходство требований, предъявляемых к адвокату и медиатору (посреднику). В настоящее время основной посреднической процедурой урегулирования споров выступает медиация (однако возможно посредничество и за ее пределами). Статья 15 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» устанавливает перечень требований, предъявляемых к медиаторам. Фактически адвокат подпадает под все требования, которые предъявляются к медиатору, действующему на непрофессиональной основе (возраст, дееспособность, наличие высшего образования).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости внесения изменений в пункт 2 статьи 2 Закона об адвокатуре посредством включения в нее подпункта 11, связанного с представлением интересов доверителя в рамках досудебного урегулирования.

Помимо этого, сделан вывод о возможности участия адвоката в урегулировании споров в качестве посредника.

¹ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102; 2023. № 31 (Часть III). Ст. 5809.

² Таранова Т. С. Партиципативная процедура как способ урегулирования споров // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость : материалы XI Международной научно-практической конференции. Минск : Белорусский государственный экономический университет, 2018. С. 469–471.

³ Медиация для адвоката // Адвокатская газета. (дата обращения: 10.10.2023); Адвокат-медиатор: и можно, и нужно // Медиатор РФ. (дата обращения: 10.10.2023).

⁴ Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 15.04.2022). Доступ из Справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

*Саратовская государственная
юридическая академия
Кирюшкина Софья Алексеевна
E-mail: sofya.kiryushkina@bk.ru*

*Saratov State Law Academy
Kiryushkina Sofya Alekseevna
E-mail: sofya.kiryushkina@bk.ru*

Кокулеков Агат Аргымакович

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва*

**ОГРАНИЧЕНИЕ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ОТДЕЛЬНЫХ
ВИДОВ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР
В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Kokulekov Amat Argymakovich

Kutafin Moscow state law university, Moscow

**LIMITATION IN USING CERTAIN TYPES OF INTERIM
MEASURES IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS**

Аннотация: исследование посвящено выявлению ограничений в использовании отдельных видов обеспечительных мер в административном судопроизводстве. Произведен сравнительный анализ положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, касающихся вопроса обеспечения иска.

Abstract: the study is devoted to the identification of restrictions in the use of certain types of interim measures in administrative proceedings. The comparative analysis of provisions of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Court Procedure of the Russian Federation concerning the issue of securing a claim has been made.

Ключевые слова: обеспечительные меры, административное судопроизводство, ограничения, запрет.

Key words: interim measures, administrative proceedings, restrictions, prohibition.

В своем постановлении¹ от 01.06.2023 № 15 Пленум Верховного суда Российской Федерации избрал для мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты единое родовое понятие – обеспечительные меры.

© Кокулеков А. А., 2025

Перечень обеспечительных мер, принимаемых судом при рассмотрении дел по правилам Раздела III Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации² (далее – АПК РФ), строго ограничен: при рассмотрении экономических споров, вытекающих из административных и иных публичных правоотношений, арбитражный суд вправе применить меры в виде запрета совершения определенных действий заинтересованному лицу, а также в виде приостановления действия оспариваемого ненормативного правового акта.

Более разнообразна сфера применения мер предварительной защиты судами общей юрисдикции при рассмотрении административных исковых заявлений. Законодатель предоставил административным истцам по Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации³ (далее – КАС РФ) свободу в выборе этих мер, ведь в ч. 2 ст. 85 КАС РФ установлен неисчерпывающий перечень мер предварительной защиты, однако предусмотрен ряд ограничений применения института обеспечения в конкретных сферах.

Нельзя не согласиться с мнением авторов, отмечающих, что КАС РФ во многом ориентирован на граждан, ведь возможные сферы применения мер предварительной защиты обладают остросоциальными характеристиками, в отличие от сферы споров, разрешение которых отнесено к компетенции арбитражных судов⁴.

Наличие же в процессуальном праве института обеспечения иска, являющегося важнейшей гарантией права на справедливое и эффективное разбирательство в судах, неразрывно связано с требованием соблюдения баланса публичных и частных интересов, а также принципа соразмерности, что становится основанием для введения в процессуальное законодательство ряда ограничений по применению обеспечительных мер арбитражным судом, а также мер предварительной защиты по административному иску. Подобные ограничения предусмотрены не только законом, но и введены высшими судебными инстанциями.

Общим ограничением в применении обеспечительных мер в административном судопроизводстве является правило о запрете фактического удовлетворения требований принятием обеспе-

чительных мер, что нарушает баланс публичных и частных интересов.

Так, при рассмотрении дела № А46-13204/2018 Арбитражный суд Западно-Сибирского округа отменил определение суда первой инстанции, а также постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда, поддержавшего суд субъекта в части обеспечения иска, указав на грубейшую ошибку в соблюдении баланса интересов сторон. Суд указал, что при удовлетворении ходатайства заявителя о приостановлении действия оспариваемого решения налогового органа о приостановлении операций по счету, суд фактически удовлетворил исковые требования, суть которых заключается именно в отмене решения о приостановлении операций по счетам⁵.

Отдельные же запреты в принятии обеспечительных мер в административном судопроизводстве обусловлены особенностями материального права, регламентирующего соответствующие правоотношения, в силу чего выводы высших судебных инстанций об этом «разбросаны» в тематических обзорах судебной практики и отдельных разъяснениях по вопросам применения закона.

К примеру, в пункте 43 Обзора судебной практики применения законодательства РФ о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд⁶ Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что обеспечительная мера в виде приостановления действия оспариваемого акта не может быть применена, если соответствующее приостановление приводит к возобновлению процедуры проведения торгов. В ситуации, когда предметом оспаривания в порядке главы 24 АПК РФ становятся предписания Федеральной антимонопольной службы (ФАС РФ) или ее территориальных управлений, согласно которым в действиях заказчика при проведении аукциона выявлено нарушение требований законодательства о контрактной системе и предписано приостановить процедуру закупки, принятие обеспечительной меры в виде приостановления действия оспариваемых ненормативных правовых актов способно привести к возобновлению торгов, а принятие подобной меры не будет направлено на сохранение status quo, и, возможно, предопределяет итог рассмотрения

спора, что само по себе способно привести к невозможности исполнения судебного акта.

Статья 211 КАС РФ устанавливает одно из основных ограничений в принятии мер предварительной защиты, предусматривая недопущение принятия судом какой-либо иной меры предварительной защиты, кроме как запрета применения оспариваемого нормативного правового акта или его оспариваемых положений в отношении административного истца в делах об оспаривании нормативных правовых актов в силу специфики судебного нормоконтроля.

Специальным правилом КАС РФ является ограничение на принятие ряда мер предварительной защиты по административным делам о защите избирательных прав и права на участие в референдуме.

Так, к примеру, ограничено наложение ареста на избирательную документацию во время избирательного процесса непосредственно до дня опубликования результатов голосования.

Автор приходит к выводу о том, что политико-правовые мотивы, требования формальной логики, а также соблюдение принципов соразмерности, баланса частных и публичных интересов составляют основу ограничения использования института обеспечения иска в административном судопроизводстве.

Однако законодательное ограничение применения мер предварительной защиты в виде установления прямого запрета на применение конкретного вида таких мер при рассмотрении административных дел нельзя назвать желаемым и верным путем дальнейшего развития КАС РФ, ведь спорные правоотношения, рассматриваемые в порядке этого кодекса имеют остросоциальный характер и затрагивают вопросы нарушения государством незыблемых конституционных прав, а наиболее опасным явлением для граждан и организаций в настоящее время стала сложившаяся практика немотивированных и шаблонных отказов в принятии срочных мер, направленных на устранение угрозы нарушения прав заявителя, обратившегося в суд с административным иском.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечи-

тельных мер и мер предварительной защиты» // Российская газета, № 123, 07.06.2023.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Российская газета, № 137, 27.07.2002.

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // Российская газета, № 49, 11.03.2015.

⁴ Незнамов А. В. Концепция «последовательного правоприменения» как одно из возможных направлений развития гражданского и административного судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 18–23.

⁵ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.12.2018 г. по делу № А46-13204/2018 // СПС Консультант Плюс.

⁶ «Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 12, декабрь, 2017.

*Московский государственный
юридический университет*

имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Кокулеков Аамт Аргымакович

E-mail: amatkokulekov@yandex.ru

Kutafin Moscow State Law University

Kokulekov Amat Argymakovich

E-mail: amatkokulekov@yandex.ru

Васимова Александра Викторовна

*Вологодский институт права и экономики Федеральной службы
исполнения наказаний, Вологда*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗЫСКАНИЯ АЛИМЕНТОВ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Vasimova Alexandra Victorovna

*Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary
Service, Vologda*

SOME FEATURES OF COLLECTION OF ALIMONY WITH A FOREIGN ELEMENT

Аннотация: *взыскание алиментов является важной задачей в обеспечении материальной поддержки детей и супругов. Однако, когда дело имеет иностранный элемент, процесс взыскания может столкнуться с рядом сложностей. В данной статье проводится анализ этих сложностей и предлагаются рекомендации для эффективного взыскания алиментов в таких случаях.*

Abstract: *collection of alimony is an important task in providing material support for children and spouses. However, when a case has a foreign element, the collection process can face a number of difficulties. This article analyzes these complexities and offers recommendations for effectively collecting alimony in such cases.*

Ключевые слова: *взыскание алиментов, международные связи, иностранные граждане, международно-частное право, места жительства, неплатежеспособный гражданин.*

Key words: *collection of alimony, international relations, foreign citizens, private international law, place of residence, insolvent citizen.*

В современном мире намного больше семей обладают международными связями, что сможет привести к ситуации, когда один из родителей или супругов располагается за границей. В таких вариантах взыскание алиментов может стать непростой задачей благодаря разнообразным правовым систем, языковых и культурных барьеров.

На протяжении последних лет объектом повышенного внимания являются осложненные наличием иностранного элемента отношения семейного характера. Отдельные аспекты данных отношений (в т.ч. связанные с похищением собственных детей гражданами других стран), вызывают широкий резонанс в обществе. При этом существуют и иные вопросы, являющиеся не менее острыми, в числе которых алиментные отношения.

Данные вопросы относятся к международному и семейному праву, а также к регулированию признания, реализации в иностранных государствах, относящихся к алиментным обязательствам решений, вынесенных судами.

Связанные с взысканием алиментов с граждан зарубежных стран проблемы весьма значимы. Условие реализации соответствующих решений, вынесенных судами – наличие у Российской Федерации и являющегося местом пребывания ответчика государства предусматривающего правовую помощь договора.

Следует отметить основной проблемный вопрос. На международном уровне существует значительное число конвенциональных актов, на основе которых определяется применяемое к алиментным отношениям право, решаются связанные с юрисдикцией вопросы. При этом Российская Федерация не является участником данных конвенций. Положения данных конвенций не реализуются на национальном уровне. В этой связи присущие гражданам права подвергаются нарушению.

В пятидесятых годах двадцатого века были реализованы усилия по созданию на международном уровне единой системы. Так, принятие регламентирующей взыскание за рубежом алиментов Конвенции состоялось в 1956 г. Принятие данного конвенционального акта было ориентировано на то, чтобы защитить отношения имущественного характера.

Основу регулирования алиментных обязательств составляют следующие категории нормативных положений:

– нормы, относящиеся к национальному законодательству. Данные нормы обеспечивают на случай наличия иностранного лица в отношениях коллизионное регулирование;

– нормы международного характера, в т.ч. содержащихся в договорах, являющихся двусторонними и региональными, которые регламентируют основные аспекты отношений.

Представляется необходимым указать конвенциональные акты, регулирующие особенности, присущие взысканию элементов в МЧП. Данные акты представлены в виде Гаагской конвенции 1973 г. о праве, применимом к алиментным обязательствам, Минской конвенции 1993 г. о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Необходимо также упомянуть следующие конвенциональные акты: акт 2007 г. относящийся к международной системе взыскания алиментов, 1973 г. связанный с применимым к обязательствам алиментного характера правом, 1958 г., предусматривающий признание решений судов по делам об алиментах в пользу детей и исполнение данных решений.

Существуют также подписанные в 1992–1993 гг., до вступления Минской конвенции в силу, двусторонние договоры о правовых отношениях, правовой помощи, которые Российская Федерация заключила с Республикой Молдова, Республикой Кыргызстан, Азербайджанской Республикой.

Следует также отметить конвенцию 1996 г. «О юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношениях ответственности родителей и мер по защите детей». Российская Федерация стала участником данной Конвенции в 2013 г.

Конвенция предусматривает распространение на ребенка исключительной юрисдикции государства совместного проживания ребенка с родителями. Ребенок продолжает оставаться под защитой соответствующего государства и в случае, если место жительства меняется, до определения нового места жительства ребенка. Обязанность по осуществлению связанных с защитой интересов ребенка мер реализуется компетентными органами России. При этом существуют и определенные исключения. Так, может действовать право иного государства, с которым существует тесная связь. Основное положение Конвенции содержит

ся в ст. 20. Согласно соответствующему правилу, использование норм о праве, которое подлежит применению, осуществляется и в случае, если закон, к которому отсылает норма, являющаяся коллизионной, представляет собой закон государства, которое не обладает статусом участника конвенции¹.

Взыскание алиментов – это не простая процедура, особенно когда дело имеет иностранный элемент. Подобные ситуации могут сопровождаться множеством трудностей, которые вызывают особенное внимания и профессионального подхода.

Первой сложностью будет являть, что Российская Федерация абсолютно не участвует в конвенциях, по вопросам алиментных обязательствах. Второй сложностью, с которой зачастую встречаются взыскатели алиментов, является потребность разобраться в международных правовых нормах. У каждой страны может быть своя система и процедура взыскания алиментов, поэтому важно изучить специфику местного законодательства и использовать его правильно.

Еще одной сложностью представляется установление места жительства неплатежеспособного должника. Иностранные должники могут переезжать, скрываться или менять место жительства, что усложняет процесс взыскания алиментов. В таких вариантах надо обращаться к правовым органам государства, где находится должник, и сотрудничать с ними для выявления местонахождения должника.

Также следует учесть, что процесс взыскания алиментов с иностранным элементом может востребовать перевода документов. Это может занять время и требовать дополнительных ресурсов. Важно вовремя заботиться о переводах всех нужных документов и их легализации для эффективного взыскания алиментов.

Добиться соблюдения заключения суда также представляется одной из сложностей взыскания алиментов с иностранным элементом. Не всегда иностранные судебные решения признаются и выполняются в других странах. В таких случаях может понадобиться процесс обращения к международным правовым институтам и организациям, таким как Гагская конференция по международному частному праву, для обеспечения соблюдения решения суда.

Трудности взыскания алиментов с иностранным элементом требуют особенного внимания и профессионального подхода со стороны специалистов. Для успешного решения таких дел необходимо полное знание международного права и сотрудничество с правовыми органами различных стран. Только после общих усилий можно обеспечить соблюдение прав детей и право на получение алиментов.

Указанные обстоятельства значительно затрудняют реализацию гражданами Российской Федерации связанного с судебной защитой права, когда нет возможности исполнения в других странах принятого судом Российской Федерации решения, связанного с взысканием алиментов на содержание ребенка, не достигшего совершеннолетия.

Так, например, российской гражданкой было получено решение российского суда о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетней дочери с отца – гражданина Германии. Однако указанное решение российского суда не подлежит исполнению на территории Германии, так как германское законодательство не допускает признания иностранного судебного решения, если не обеспечивается взаимность.

В конечном итоге российская гражданка, несмотря на наличия заключения российского суда о взыскании алиментов, вынуждена была подать иск о взыскании алиментов от имени ребенка в семейный суд Германии по месту проживания отца (компетентный суд). При этом в силу требований параграфа 78 ГПК Германии интересы ее ребенка в суде представлял немецкий адвокат². Как нам представляется, следует заметить положительный момент в законодательстве Германии: право на помощь в оплате судебных издержек обладают также иностранцы. Поэтому ею в суд вместе с иском было подано заявление о предоставлении помощи в оплате судебных издержек, справка о ее доходах, а также заявление о предоставлении юридической помощи немецким адвокатом. Решение суда было неожиданным. Несмотря на весьма длительное судебное разбирательство, немецкий суд вынес решение о невозможности взыскания алиментов, так как в силу параграфа 1603 Гражданского кодекса Германии не обязано предоставлять содержание лицо, которое с учетом иных своих обязательств не в состоянии предоставить содержание без

ущерба своему собственному соответствующему содержанию. Как было установлено судом, среднемесячный доход должника составлял в чистом виде около 2 000 евро³.

Важно учесть, что в каждой конкретной ситуации могут воспроизводиться дополнительные сложности, связанные с особенностями международного права и законодательства разных стран. В целом, взыскание алиментов с иностранным элементом требует тщательного исследования и понимания применимого законодательства, международных договоров и возможности обращения в международные организации для защиты прав и интересов сторон. Также важна координация и пособничество с органами правоохранительных органов и специализированными юристами, чтобы обеспечить результативность взыскания алиментов и защиту прав детей и других нуждающихся лиц.

Таким образом, взыскание алиментов с иностранным элементом представляет значительные сложности, однако с применением правильных стратегий и сотрудничества между различными сторонами, эти сложности могут быть преодолены. Важно учитывать правовые, языковые и культурные особенности каждого определенного случая и применять соответствующие рекомендации для достижения справедливого и эффективного взыскания алиментов.

¹ Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей (принята в г. Гаага 19 октября 1996 г.) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 32. Ст. 4302.

² Гражданское процессуальное уложение Германии от 30.01.1877 (ред. от 05.12.2005) (с изм. и доп. По 30.06.2014)

³ См.: Гришин И. П. Право на алименты: Учебник. М. : Юрид. Литература, 2008. С. 33.

*Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний (ВИПЭ
ФСИН России)*

*Васимова Александра
Викторовна
E-mail: elena23477@mail.ru*

*Vologda Institute of Law and
Economics Federal Penitentiary
Service (VIPE FSIn of Russia)*

*Vasimova Alexandra Victorovna
E-mail: elena23477@mail.ru*

Григорьева Наталья Виталиевна

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», Донецк

**ОСОБЕННОСТИ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА
АЛИМЕНТНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ РОДИТЕЛЕЙ
И ДЕТЕЙ И ВНЕДРЕНИЕ ЕГО В РОССИЙСКОЕ
ПРАВОВОЕ ПОЛЕ**

Grigorieva Natalya Vitalievna

FSEI of HE "Donetsk State University", Donetsk

**FEATURES OF FOREIGN EXPERIENCE OF ALIMONY
LEGAL RELATIONS OF PARENTS AND CHILDREN
AND ITS IMPLEMENTATION INTO THE RUSSIAN
LEGAL FIELD**

Аннотация: цель исследования заключается в анализе мирового опыта касающегося вопросов оформления и получения алиментных выплат. В статье представлена сравнительно-правовая характеристика некоторых особенностей алиментных обязательств родителей и детей по законодательству различных стран. Также рассматриваются меры ответственности, наступающие при неуплате алиментов. Были предложены изменения в законодательство Российской Федерации с целью уменьшения количества случаев ненадлежащего содержания детей со стороны родителя-алиментщика.

Abstract: the purpose of the study is to analyze global experience regarding issues of registration and receipt of alimony payments. The article presents a comparative legal description of some features of alimony obligations of parents and children under the laws of various countries. Penalties that arise in case of non-payment of alimony are also considered. Changes to the legislation of the Russian Federation were proposed in order to reduce the number of cases of improper maintenance of children by the child support parent.

Ключевые слова: алименты, содержание детей, определение размера алиментов, выплата алиментов, получение алиментов, взыскание алиментов.

Key words: *alimony, child support, determining the amount of alimony, paying alimony, receiving alimony, collecting alimony.*

В современном российском правовом поле институт алиментных правоотношений занимает особое место. Однако на сегодняшний день алиментные обязательства родителей и детей, как составная часть алиментных правоотношений, имеют ряд трудностей при их реализации. В связи с чем возникает необходимость в исследовании зарубежного опыта в вопросах оформления и получения алиментных выплат данной категории субъектов.

Изначально следует отметить, что позиции зарубежных законодателей в области правового регулирования алиментных отношений не схожи и различаются в зависимости от сформировавшейся национальной ментальности, подходов к институту семьи, а также правам и обязанностям детей и родителей. Например, в таких государствах как Индия и Япония государство не часто вмешивается в вопрос регулирования материального обеспечения и содержания несовершеннолетних детей.

Определённые нюансы относительно алиментных обязательств родителей на содержание детей закреплены в законодательстве Латвии. Согласно ч. 1 ст. 179 Гражданского закона Латвийской Республики, оба родителя должны содержать своего ребёнка соразмерно своим способностям и имущественному положению. Эта обязанность ложится на родителей до тех пор, пока ребёнок сам сможет себя обеспечивать. При этом, законодатель не закрепил предельного возраста ребенка, до наступления которого ему обязаны выплачивать алименты, в связи с чем, на практике возникает ряд сложностей с моментом прекращения соответствующих выплат. Это полностью подтверждает анализ судебной практики Латвии, который показывает, что обязанность содержать ребенка нельзя связывать ни с достижением ребенком совершеннолетия, ни с окончанием им учебного заведения, поскольку обязанность содержания ребенка связывается законом только с имущественным положением

родителей и со временем, когда ребенок сам сможет себя обеспечивать.

Также необходимо отметить, что начисление алиментов в Латвии осуществляется на достаточно высоком правовом уровне. Минимальный размер алиментных платежей определяется «Правилами о минимальном размере содержания на ребенка», которые были приняты Кабинетом министров 15.01.2013 г. (далее – Правила). Согласно п. 2 Правил, каждый родитель обязан ежемесячно обеспечивать своим детям минимальное содержание в следующем размере: на каждого ребенка с рождения до достижения им возраста 7 лет – в размере 25% от минимальной месячной заработной платы; на каждого ребенка в возрасте от 7 лет до достижения 18 лет – в размере 30% от минимальной месячной заработной платы¹.

В Германии размер предоставляемого содержания определяется в каждом случае индивидуально. Так, согласно ст. 1612а Германского гражданского уложения, обязательство по выплате алиментов на несовершеннолетних детей налагается на лицо, с которым ребенок не проживает постоянно. В соответствии со ст. 1610 Германского гражданского уложения, размер алиментов, подлежащий выплате, определяется жизненным положением нуждающегося (адекватное содержание). Особенностью определения сумм для выплат на содержание ребенка является ориентация на данные «Дюссельдорфской таблицы». Таблица используется всеми вышестоящими региональными судами для определения размера алиментов. Она составлена при участии и координации всех вышестоящих региональных судов и комиссии по обслуживанию Немецкой ассоциации судов по семейным делам². Обязательной юридической силы указанная таблица не имеет, однако при этом она представляет собой ориентир и выступает «своеобразным» помощником при оценке «адекватного содержания», согласно нормам ст. 1610 Германского гражданского уложения. В указанной таблице при расчете суммы алиментных платежей учитываются такие факторы как возраст ребенка, занятость и заработная плата алиментщика.

Также стоит отметить, что во многих странах существует практика, согласно которой при расчете алиментов на содержание ребенка учитывается время, которое ребенок провел с дру-

гим родителем. Это связано с тем, что в таких странах как Норвегия и Бельгия судами могут приниматься решения о равном проживании ребенка с каждым из его родителей после расторжения брака³. В этой связи, правоприменительная практика исходит из того, что совершенно нелогично родителю, с которым определенное время проживал ребенок, платить другому родителю денежные средства на содержание ребенка, который с ним данное время не проживал.

Согласно законодательству Норвегии, общие расходы на содержание ребенка делятся между родителями пропорционально в соответствии с их заработной платой. При этом за часть времени, которую родитель-плательщик проводит с ребенком, из суммы алиментов делаются соответствующие вычеты. Сами алименты рассчитываются исходя из реальных расходов на содержание ребенка. Эти расходы изменяются в зависимости от возраста ребенка (0-5, 6-10, 11+ лет)⁴.

В соответствии с законодательством Бельгии, размер алиментов в настоящее время рассчитывается по так называемому «правилу Ролана Ренара», социолога, который вывел единую формулу: 12% от дохода родителя – на ребенка в возрасте от 1 до 5 лет, 15% – на ребенка в возрасте от 6 до 17 лет и 25% – на ребенка в возрасте от 17 лет⁵. Судьи при вынесении решений, стараются также ориентироваться на каждый конкретный случай, особенно если речь идет о дополнительных средствах, необходимых для обеспечения детей (к примеру, расходы на детей-инвалидов существенно выше, чем на здоровых детей). Размер алиментов также может варьироваться в зависимости от индекса стоимости жизни на момент вынесения решения. Выплата алиментов осуществляется ежемесячно и производится вне зависимости от места проживания ребенка (родитель, у которого проживает ребенок на момент выплаты, также обязан вносить свою часть суммы).

В Великобритании 5 апреля 1993 г. был создан и успешно функционирует такой специальный орган как Агентство по взысканию средств на содержание детей, которое обладает полномочиями по взысканию средств на содержание детей с родителей, не проживающих совместно с детьми⁶. Данный орган наделён определённой компетенцией для принудительного исполнения

решений в отношении обязанности родителей содержать и обеспечивать своего ребёнка. Так, на основании Закона о содержании детей и других платежах (2008 г.) Соединённого Королевства, Агентство вправе просить суд издать приказ о лишении лица, не выполняющего обязательства по содержанию ребенка, права иметь или получать проездные документы (паспорт или удостоверение личности) сроком до двух лет.

В Канаде родителю, который не выполняет обязательства по содержанию ребенка, могут запретить охотиться, рыбачить или же отобрать у него лицензию на профессиональную деятельность. Такие ограничения будут действовать до тех пор, пока вся задолженность перед ребенком не будет погашена⁷.

Для России, к сожалению, проблемы с предоставлением содержания детям также хорошо знакомы. В этой связи представляется целесообразным в процессе работы с должниками внедрять новые стимулирующие методы. Так по примеру Литвы, где имена злостных неплательщиков алиментов обнародуются в печатных СМИ и на интернет-сайтах, в Российской Федерации также можно было бы ввести аналогичный способ борьбы с должниками.

Также представляются эффективными способами уменьшения количества «злостных неплательщиков» такие меры реагирования со стороны государства как: запрет на выдачу должнику паспорта, загранпаспорта или иных документов, запрет на выдачу или приостановление действия лицензии для занятия определенными видами деятельности, лишение права получать водительское удостоверение и др.

Данные и подобные меры будут оказывать должное воздействие на сознание и последующее поведение должника и, в конечном счете, поспособствуют уменьшению количества случаев ненадлежащего содержания детей со стороны родителя-алиментщика, а также поспособствуют устранению проблемы большого количества долгов по алиментным обязательствам в целом.

⁷ Ивановская Н. В. Реализация принципов и положений Конвенции о правах ребенка в законодательстве об алиментном содержании детей в РФ и странах ЕС // Семейное право: современные проблемы теории и практики : материалы междунар. круглого стола, Минск, 16–17 окт. 2020 г. / Бе-

лорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Н. Годунов (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2020. С. 136–142.

² Артемьева Ю. А., Ивановская Н. В. Договорное и законное регулирование алиментных обязательств по содержанию несовершеннолетних детей в Российской Федерации, США и странах ЕС / Российский университет дружбы народов. М. : Юр-ВАК, 2020. 122 с.

³ Авдеев Д. А., Борисов Н. А. Зарубежный опыт определения размера алиментов на несовершеннолетних детей: возможности имплементации в российское законодательство // Молодой ученый. 2018. № 51 (237). С. 109–110.

⁴ Алименты [Электронный ресурс] // Сайт о Норвегии. URL: visitnorway.com (дата обращения: 23.01.2024).

⁵ О расторжении брака в Бельгии [Электронный ресурс] // Официальный сайт посольства Российской Федерации в королевстве Бельгия (дата обращения: 23.01.2024).

⁶ Леонтьев В. Д., Кутько В. В. Уголовно-правовая политика современных государств в сфере алиментных обязательств // Научно-практический журнал «Оригинальные исследования». 2022. № 11. С. 338–343.

⁷ Красовская Е. Н. Институт алиментных обязательств по законодательству России и зарубежных странах // Развитие современной науки: тенденции, проблемы, перспективы : сб. науч. трудов / Под ред. А. И. Вострещова. Нефтекамск : Научно-издательский центр «Мир науки», 2020. С. 143–150.

ФГБОУ ВО «Донецкий
государственный университет»,
г. Донецк
Григорьева Наталья
Виталиевна
E-mail: grigorevan889@gmail.com

FSEI of HE "Donetsk State
University", Donetsk
Grigorieva Natalya Vitalievna
E-mail: grigorevan889@gmail.com

Дикаева Залина Салмановна

*Северо-Западный филиал Российского государственного
университета правосудия, Санкт-Петербург*

СЕМЕЙНАЯ МЕДИАЦИЯ В СИНГАПУРЕ И ПУТИ ЕЕ РАЗВИТИЯ В РОССИИ

Dikaeva Zalina Salmanovna

*Northwestern branch of Russian state university of justice,
Saint-Petersburg*

FAMILY MEDIATION IN SINGAPORE AND WAYS OF ITS DEVELOPMENT IN RUSSIA

Аннотация: *в статье рассматривается становление института медиации в России и особенности семейной медиации в Сингапуре. Также речь идет о положениях, которые могут повлиять на популяризацию семейной медиации в России. Рассмотрены предложения, которые могут быть внесены в нормативные акты России для эффективного развития данной процедуры.*

Abstract: *consideration in this article is taken by the formation and specificity of mediation in Singapore. Furthermore the author analyzed some of the features that can successfully popularize family mediation in Russia. For the effective development of the mentioned procedure in Russia the author gave suggestions that can be considered in Russian statutory acts.*

Ключевые слова: *семейная медиация, зарубежный опыт применения семейной медиации, медиация в Сингапуре, семейная медиация в России, альтернативные способы разрешения споров.*

Key words: *family mediation, foreign practice in terms of development of the family mediation, mediation in Singapore, suggestions for the development of the family mediation in Russia, alternative dispute resolution.*

В условиях стремительной гуманизации общества все больше внимания уделяется альтернативным решениям споров. Одним из таких способов решения конфликтов является медиация, которая широко распространена во многих развитых странах, что обуславливает необходимость анализа этой процедуры в России и за рубежом.

В 2019 году в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации была введена глава 14.1. «Примирительные процедуры. Мирное соглашение»¹, что подтверждает необходимость развития и популяризации данного института в России. Особенно перспективным направлением развития является семейная медиация. Как отмечает Е.С. Ельшаева, «использование (семейной) медиации может помочь снять определенную нагрузку с судей, предоставить сторонам правового спора более гибкий, быстрый и конфиденциальный инструмент урегулирования конфликта»².

Проблемы развития семейной медиации в России рассматривались многими авторами, например, в работе Д. И. Басовой «Роль медиации в семейно-брачных отношениях», Е.С. Ельшаевой «Применение процедуры медиации при разрешении споров, вытекающих из брачно-семейных отношений». Сравнительно-правовой анализ был проведен в работе Д.А. Ширева «К вопросу о правовом регулировании института медиации в Российской Федерации и Сингапуре. Сравнительно-правовой анализ». В таких работах, как «Изучение модели обязательного применения семейной медиации в Сингапуре» Юниса Чуа и «К вопросу об ограничении применения медиации в ситуации домашнего насилия» И.М. Конобеевской рассматривается вопрос возможности применения семейной медиации в случаях домашнего насилия. Общие положения о процедуре медиации в Сингапуре были рассмотрены в работе «Медиация в Сингапуре 2021» Джонатона Юэн и Анг Цзы Ферн.

Теоретическая значимость работы состоит в анализе и выработке предложений по совершенствованию института семейной медиации в России на примере опыта его развития в Сингапуре. Практическая значимость работы заключается в возможности дальнейшего использования выводов при усовершенствовании рассматриваемой процедуры.

Медиация как процесс примирения сторон появилась на Востоке и на сегодняшний день широко используется во многих азиатских странах. В Сингапуре медиация не является новеллой. Следуя азиатским традициям, правовая культура страны была сформирована не на основе принуждения, а на основе разрешения конфликтов силой убеждения и социальной гармонии.³ В Сингапуре Правительство взяло на себя активную роль в продвижении медиации, предлагая обращаться к посредничеству прежде, чем прибегать к судебному разбирательству. В 1996 году было проведено специальное исследование для выяснения основных направлений расширения сферы медиации в Сингапуре, по итогам которого было рекомендовано создать сеть легкодоступных центров посредничества для содействия социальной сплоченности. Помимо этого, Генеральная прокуратура настаивала на том, чтобы суды использовали медиацию в качестве первого варианта разрешения споров. Постепенно судебная медиация распространилась на разные виды споров, включая жалобы должностных лиц, связанные с мелкими правонарушениями, и иски потребителей, поданные в региональные суды. В период с 2014 по 2015 год судебное посредничество было распространено на общественные споры и заявления о домогательствах.⁴ На сегодняшний день особенно отмечают успех в развитии семейной медиации, которой посвящены отдельные главы нормативных актов.

Основным актом, регулирующим медиацию в Сингапуре, является Закон о медиации, принятый в 2017 году. Медиация в разделе 3(1) этого документа определяется как процесс, состоящий из одной или нескольких сессий, на которых один или несколько медиаторов помогают сторонам в споре. Для содействия разрешению всего спора или его части медиатор может совершить следующие действия:

- 1) выявление проблем;
- 2) изучение и выработка вариантов решения;
- 3) переговоры друг с другом;
- 4) добровольное достижение соглашения.⁵

Рассматривая особенности медиации в Сингапуре, необходимо отметить, что в 2012 году в стране была введена презумпция альтернативного разрешения споров по гражданским искам.

Такое обусловленное и правомерное частичное отступление от принципа добровольности (в части выбора способа решения конфликта) позволяет просвещать граждан в вопросах внесудебного разрешения конфликтов.

Что касается семейной медиации в Сингапуре, в акте «Правила проведения процедуры медиации 2021» (Family mediation procedure rules 2021), принятом сингапурским центром медиации (SMC), есть оговорка по поводу нескольких категорий дел, к которым не рекомендуется применять процедуру медиации. Это ситуации, когда: в семье жестоко обращались с ребенком; в семье прослеживаются случаи применения насилия одной из сторон разбирательства или существует риск насилия в семье.⁶

Таким образом, некоторые дела с участием детей и дела о домашнем насилии не должны быть урегулированы внесудебным способом. Данное положение носит рекомендательный характер, однако, в работе «Изучение модели обязательного применения семейной медиации в Сингапуре» аргументировано мнение, что такие ограничения по применению семейной медиации необходимо законодательно закрепить. И. М. Конобеевская в работе «К вопросу об ограничении применения медиации в ситуации домашнего насилия» также указывает, что «применение процедуры медиации возможно лишь на основе равноправия спорящих сторон. В случае же бытового насилия потерпевшая сторона не может являться полноправным партнером в процессе медиации и будет находиться в более «слабой» позиции во время переговоров. Кроме того, в случае неудачно проведенной процедуры медиации существует потенциальная опасность повторного применения насилия в семье»⁷. Поэтому разумно ограничить применение медиации и определить перечень ситуаций, при которых исключается ее использование. Целесообразно также закрепить виды дел, по которым спор должен решаться в первую очередь через медиацию: расторжение брака; вопросы уплаты алиментов на детей; определение места жительства ребенка; раздел имущества, находящегося в совместной собственности супругов; вопросы получения содержания от другого супруга. Необходимо в Федеральном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»⁸ закрепить перечень приведенных ситуаций. При этом исключить

эти положения из ст. 24 Семейного кодекса Российской Федерации⁹, которая предполагает судебное разрешение данных дел.

Частичное отступление от принципа добровольности в сфере применения семейной медиации является обоснованным решением, которое не подрывает возможность граждан на справедливое разрешение спора. Отдельно стоит отметить Постановление Пленума ВАС РФ от 20.12.2006 № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству»¹⁰. В документе подчеркивается важность обращения сторон к отличным от суда технологиям на этапе подготовки дела к судебному разбирательству, в том числе и работа с медиатором. Такое положение указывает на приоритетность разрешения споров посредством внесудебных процедур. Таким образом, семейная медиация получит должное признание, если соответствующие положения будут закреплены в законодательных актах.

Одной из причин неразвитости рассматриваемого института в России является отсутствие квалифицированных семейных медиаторов. В Сингапуре указанными лицами могут быть судьи или профессиональные медиаторы. При проведении процедуры применяется терапевтический подход, предлагаются консультации и психологические услуги для комплексного решения семейных споров. Медиаторы государственных судов руководствуются Кодексом этики и основными принципами для медиаторов¹¹. Этот документ формулирует общие ценности, определяющие проведение посреднических процедур, и касается справедливости, доступности, независимости, беспристрастности и добросовестности. Суды регионов также имеют внутреннее руководство по передовой судебной практике по медиации, в котором излагаются рекомендуемые методы для каждого этапа медиации. Данная особенность является важным аспектом в решении споров по семейным делам.

В России к медиаторам предъявляются стандартные требования, которые включают в себя возраст не моложе 25 лет, наличие дополнительного профессионального образования по вопросам применения процедуры медиации, отсутствие судимости. Однако для решения споров в такой уязвимой сфере как семейные отношения необходимо предъявлять некоторые особые требования к медиаторам.

К таким можно отнести: прохождение программы повышения квалификации в области семейной медиации; наличие опыта практической работы в сфере, связанной с семейными отношениями.

Таким образом, помимо законодательно определенных требований к медиаторам общего профиля, необходимо в Федеральном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» закрепить дополнительные требования к семейным медиаторам.

Важным аспектом в развитии института семейной медиации в России является возможность пользоваться услугами семейного медиатора бесплатно. Статьи Федерального закона от 21.11.2011г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»¹² не предполагают возможности использования данных услуг за счет государства. Однако, учитывая значимость данного института, разумно предложить внести услуги семейного медиатора в перечень субъектов, предоставляющих бесплатную юридическую помощь. Таким образом, изменения в ст. 7 Федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» снимут с примиряемых сторон обязанность платить за услугу, что в значительной мере облегчит развитие данного института в России. Такое нововведение можно предложить вводить первоначально в субъектах РФ, чтобы затем выработанная практика стала основанием закрепления такого положения на федеральном уровне.

Для эффективного развития рассматриваемого института необходимо также предусмотреть последствия несоблюдения досудебного порядка разрешения семейного спора. Отказ в удовлетворении искового заявления в данном случае не может быть применен. К вопросам в сфере семейных отношений необходимо подходить с осторожностью. Запрет на обращение в суд после недостижения согласия лишает стороны возможности разрешить конфликт в целом, поэтому последствием разумно будет обозначить п. 1 ч. 1 ст. 135 Гражданского процессуального кодекса – возвращение искового заявления.

Таким образом, семейная медиация является перспективным направлением в области развития альтернативных способов решения конфликта.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. От 07.10.2022) // СЗ РФ от 18.11.2002 г. № 46. Ст. 4532.

² Ельшаева Е. С. Применение процедуры медиации при разрешении споров, вытекающих из брачно-семейных отношений / Е. С. Ельшаева // Развитие института медиации как инструмента повышения правовой культуры граждан : Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Саратов, 30 октября 2020 года. Саратов: Издательский центр «Наука», 2020. С. 154–157. EDn WAXQOW.

³ Ширев Д. А. К вопросу о правовом регулировании института медиации в Российской Федерации и Сингапуре. Сравнительно-правовой анализ / Д. А. Ширев, К. А. Тасенкова // Закон и право. 2018. № 7. С. 157–161. DOI 10.24411/2073-3313-2018-10078. EDn LWOAMP.

⁴ Jonathan Y., Ang Tze P. Mediation in Singapore 2021, Law business research. 2021. URL: https://arbitrationasia.rajahtannasia.com/wp-content/uploads/2021/07/Rajah-Tann-Singapore_LexGTDT-Mediation-2021.pdf.

⁵ Mediation Act 2017 (no. 1 of 2017). URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/MA2017>

⁶ Family mediation procedure rules 2021 URL: <https://www.mediation.com.sg/wp-content/uploads/2022/01/Family-Mediation-Procedure-Rules-2021-1-Oct-2021-Complete-with-Annexes.pdf>.

⁷ Конобеевская И. М. К вопросу об ограничении применения медиации в ситуации домашнего насилия / И. М. Конобеевская // Развитие института медиации как инструмента повышения правовой культуры граждан : Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Саратов, 30 октября 2020 года. Саратов : Издательский центр «Наука», 2020. С. 172–174. EDn QFVOPF.

⁸ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // РГ – Федеральный выпуск. 30 июля 2010. № 5247.

⁹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.08.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // СЗ РФ от 01.01.1996. № 1. Ст. 24.

¹⁰ Постановление Пленума ВАС РФ от 20.12.2006 № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65498/#dst100030.

¹¹ State Court's Code of Ethics and Basic Principles on Court Mediation. URL:https://www.judiciary.gov.sg/docs/default-source/civil-docs/mediation_code_of_ethics_state_courtsb9bf2d828b944d7f92095930fca4b116.pdf?sfvrsn=6b2b60eb_2

¹² О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный Закон РФ от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ (в редакции от 01.07.2021 г.).

*Северо-Западный филиал
Российского государственного
университета правосудия
Дикаева Залина Салмановна
E-mail: zi.di.ka@mail.ru*

*Northwestern branch of Russian state
university of justice, Saint-Petersburg*

*Dikaeva Zalina Salmanovna
E-mail: zi.di.ka@mail.ru*

Ищенко Никита Евгеньевич

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», Белгород*

**УЧАСТИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ**

Ishchenko Nikita Evgenievich

Belgorod State National Research University, Belgorod

**PECULIARITIES OF THE PARTICIPATION OF MINORS
IN HEREDITARY LEGAL RELATIONS**

Аннотация: *данная статья рассматривает особенности участия и права несовершеннолетних в наследовании. Автор исследует трудности и проблемы, связанные с владением имущества и наследование долгов несовершеннолетних. Проанализированы обязанности законных представителей несовершеннолетних наследников. Предложено решение проблемы, связанной с наследованием детей, рожденных с использованием вспомогательных репродуктивных технологий.*

Abstract: *this article examines the specifics of the participation and rights of minors in inheritance. The author explores the difficulties and problems associated with the ownership of property and inheritance of debts of minors. The duties of legal representatives of minor heirs are analyzed. A solution to the problem of inheritance of children born using assisted reproductive technologies is proposed.*

Ключевые слова: *наследство, наследники, несовершеннолетние, законные представители, органы опеки и попечительства, вспомогательные репродуктивные технологии.*

Key words: *inheritance, heirs, minors, legal representatives, guardianship and guardianship authorities, assisted reproductive technologies.*

Защита прав несовершеннолетних является одной из главных задач любого государства, в силу того, что они – самая

незащищенная категория граждан. Защита прав несовершеннолетних реализуется конституционно, в том числе в рамках наследственных правоотношений. Согласно Декларации прав ребёнка «ребёнок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения»¹.

Вопрос изучения специфики участия детей в наследственных правоотношениях невозможен без рассмотрения понятия «несовершеннолетние». Несовершеннолетним является ребенок в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. До достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста он считается малолетним. С учётом разграничения установленных законодательно прав и обязанностей, интересы ребенка до 14 лет защищают его законные представители, а уже после указанного возраста он становится частично дееспособным и вправе самостоятельно осуществлять ряд действий, но всё же с согласия представителей: родителей, попечителей². Дети могут участвовать в наследственных делах только после достижения 14-летнего возраста. До этого возраста они считаются малолетними и их интересы защищаются законными представителями. После 14 лет подростки становятся частично дееспособными и могут самостоятельно принимать некоторые решения, но имея на то согласия родителей или опекунов.

Статья 1149 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), несмотря на ограниченную дееспособность несовершеннолетних, предусматривает, что «дети относятся к категории «обязательных наследников». Доля наследства, которая по закону должна принадлежать ребенку, будет унаследована им в любом случае, независимо от наличия или содержания завещания»³. Интересным является факт, что ребёнок, который был зачат, но не рожден к моменту начала наследственного производства, является субъектом наследования. В этой ситуации, если он родился живым после открытия наследства, процесс распределения имущества разрешен непосредственно после его рождения и с учётом интересов этого ребёнка. При этом реализовать свои права в рамках наследственных правоотношений самостоятельно они смогут лишь по достижению восемнадцати лет.

Однако несовершеннолетние не могут наследовать по завещанию в силу своей неполной дееспособности. По этой причине некоторые авторы предлагают внести изменения в нормы наследственного права с учетом выгодных возможностей несовершеннолетних. В целях защиты интересов несовершеннолетних законодатель также предоставил им право на обязательную долю в наследстве, т.е. «право наследовать не менее 50% наследства, причитающегося каждому из них по закону, независимо от того, указано ли это в завещании»⁴.

Безусловно, лицо может стать полностью дееспособным до достижения восемнадцатилетнего возраста путем эмансипации. Однако П. С. Никитюк справедливо считает, что «факт нахождения несовершеннолетнего в браке не меняет уровня его интеллектуальной зрелости»⁵. Следовательно, лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, нуждаются в защите их прав со стороны семьи и государства. Важно подчеркнуть, что несовершеннолетние до восемнадцатилетнего возраста остаются уязвимыми и нуждаются в эффективном соблюдении своих прав со стороны семьи и государства. Обеспечение соответствующих механизмов правовой защиты для несовершеннолетних в контексте брака остается важным аспектом обеспечения их благосостояния, учебы, нормального физического и эмоционального развития.

Интересы ребенка, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, в наследственных правоотношениях как уже упоминалось, представляют его родители, опекуны, усыновители. После достижения рассматриваемого возраста у лица появляется возможность самостоятельно участвовать в наследовании при условии наличия письменного разрешения его законных представителей. Разрешение может быть предоставлено родителями, опекунами или усыновителями, которые представляют интересы ребенка.

Само принятие наследства опосредовано подачей заявления нотариусу. За ребёнком, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, факт заявления о вступлении и процесс наследования исполняют его родители или законные представители. В возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет несовершеннолетний может самостоятельно подавать такое заявление, но с письменного

согласия взрослых, передав нотариусу документы, подтверждающие факт родственных отношений с умершим. Важно отметить, что несовершеннолетнее лицо не обладает полной правоспособностью, и его действия, в том числе и в сфере наследования, подлежат защите со стороны взрослых, ответственных за него. Поэтому наличие письменного разрешения является ключевым аспектом при рассмотрении участия ребенка в наследственных процедурах.

Помимо этого, в случае отсутствия родителей или законных представителей, усыновителей или опекунов несовершеннолетнего, ответственность за подачу заявления и вступление в наследство возлагается на доверенное лицо, которое может быть назначено судом. Такие меры направлены на предотвращение возможных злоупотреблений и обеспечения защиты при установлении наследственных прав и обязанностей несовершеннолетних лиц.

Наследственные правоотношения с участием несовершеннолетних характеризуются особенностями. Во-первых, они не вправе самостоятельно и единолично вступить в наследство. Исключение возможно для эмансипированных граждан.

Во-вторых, если ребёнок был усыновлен или удочерен, он утратит право наследования в отношении имущества кровных родственников. Поскольку усыновленный ребёнок на законодательном уровне приравнивается к кровным детям, значит, и наследовать должен имущество усыновителей наравне с их кровными родными наследниками. Исключением является ситуация, когда усыновленный сохраняет отношения с кем-то из кровных родственников по решению суда. О. И. Родионова отмечает: «дети, которые находились на иждивении покойного не менее года (для родственников до пятой степени родства) и проживающие с ним по одному адресу, призываются к получению наследства вместе и наравне с текущей очередь»⁶.

В-третьих, по правилам ст. 1117 ГК РФ суд может по требованию заинтересованного лица отстранить наследника по закону в связи со злостным уклонением от выполнения обязанностей по содержанию наследодателя.

В-четвертых, законный представитель наследника лишен возможности единолично распоряжаться имуществом без разре-

шения уполномоченных органов⁷. В полномочия органов опеки входит обязанность контролировать сделки, заключенные в интересах несовершеннолетнего. Кроме того, действия при разделе наследуемого имущества согласуют с органами опеки и попечительства.

В-пятых, несовершеннолетний несет долговые обязательства наследодателя наравне с остальными преемниками. Основанно, что в некоторых случаях отказ от наследования является достаточно логичным решением. К сожалению, отказаться от проблемного наследства несовершеннолетний сможет только при условии положительного согласия на такой шаг со стороны органов опеки. Которые тоже не всегда положительно оценивают ситуацию и не могут предвидеть возможные риски для ребенка.

Анализируя указанные особенности, отметим: значительное влияние в процедуре наследования несовершеннолетними отводится его представителям. Однако не всегда они добросовестно исполняют свои обязанности. Например, из-за бездействия представителя может быть пропущен срок для обращения нотариусу или в суд с требованиями о принятии наследства несовершеннолетним. В случае, если законные представители не выполняют свои обязанности должным образом, возникает риск истечения важных сроков и пропуск событий в процедуре наследования. Бездействие законного представителя для малолетних лиц считается в судебной практике уважительной причиной для восстановления процессуального срока.

Проблемным аспектом в области принятия наследства является ситуация принятия наследства детьми, рожденными суррогатными матерями. Безусловно, современные медицинские возможности позволяют реализовать этапы зачатия и развития эмбрионов вне материнского организма с помощью вспомогательных репродуктивных технологий. Концепция Федерального Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» к числу таких способов относит процедуру суррогатного материнства. Семейный кодекс РФ регламентирует наиболее важные положения в спорных вопросах – кто будет записан в качестве родителей данного ребёнка в книге актов записей рождения и в его свидетельстве о рождении. Согласно ст. 51 Се-

мейного Кодекса Российской Федерации лица, давшие согласие на суррогатное материнство, могут быть вписаны в качестве родителей только с согласия суррогатной матери⁸. Но как будет решаться ситуация, если суррогатная мама умерла в родах или непосредственно до момента, как она дала согласие на запись лиц, с которыми заключен договор о суррогатном материнстве, в качестве родителей? Будет ли новорожденный наследовать наследственную массу и долговые обязательства суррогатной мамы?

В действующем законодательстве данные вопросы не урегулированы. В таких случаях логична была бы регистрация новорожденного на суррогатную мать и включение младенца в число её наследников по закону.

Во избежание подобных негативных последствий предлагаем внести в ст. 51 Семейного Кодекса РФ пункт 7 в следующей редакции: «Обязать суррогатную мать дать предварительное согласие на запись лиц, заключивших с ней договор о суррогатном материнстве, в качестве родителей ребёнка в случае её смерти во время родов, а также по истечению двух месяцев после рождения младенца, если она не могла ранее дать такое согласие по объективным и уважительным причинам (например, из-за осложнений после родов)». Такая аргументация будет действовать в интересах новорожденного ребёнка, в том числе защищать права лиц, заключивших договор с суррогатной мамой и членов семьи самой суррогатной матери. В дальнейшем ребёнок, рожденный таким методом, сможет стать полноправным наследником своих генетических родителей, а не суррогатной матери⁹.

Подведем итоги. В нашем государстве защита прав несовершеннолетних детей, выступающих в роли наследников, является актуальным аспектом законодательства. Механизм защиты осуществляется как со стороны их законных представителей, так и со стороны контрольно-государственных органов. Все действия и сделки, совершаемые с унаследованным имуществом, должны происходить лишь в интересах ребенка-наследника. Подобный подход обеспечивает максимальную защиту прав и благополучие несовершеннолетнего наследника в контексте наследственных отношений.

Безусловно, на практике возникают сложности в вопросе определения: чье имущество и долговые обязательства будет

наследовать ребенок, рожденный суррогатной матерью, в случае ее смерти в момент родов. Для решения данной проблемы нами предлагается введение дополнительной нормы, правила которой обязывают суррогатную мать давать предварительное письменное согласие на запись лиц, заключивших с ней договор о суррогатном материнстве, в качестве родителей младенца. Введение подобного требования на законодательном уровне поможет избежать сложностей при возникновении спорных ситуаций и способствовать наступлению желаемого результата для генетических родителей и суррогатной матери

¹ Алдаева В. В. Участие несовершеннолетних в наследственных отношениях / В. В. Алдаева // Молодой ученый. 2022. № 43 (438). С. 40–42.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 (ред. от 24.07.2023) № 14-ФЗ // Собрание Законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 (ред. от 24.07.2023) № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. 49. Ст. 4552.

⁴ Декларация прав ребенка 1959 г. Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml

⁵ Никитюк П. С. Наследственное право и наследственный процесс (Проблемы теории и практики). Кишинев : Штиинца, 1993. 258 с.

⁶ Роговая А. Д. Актуальные проблемы наследственных прав несовершеннолетних / А. Д. Роговая // Аллея науки. 2021. № 10. С. 348–351.

⁷ Родионова О. И. Участие законных представителей в реализации несовершеннолетними детьми права на принятие наследства / О. И. Родионова // Современные научные исследования и разработки. 2018. Т. 2. № 5(22). С. 482–485

⁸ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 (ред. от 26.10.2023) № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

⁹ Сырых К. А. Особенности наследования имущества несовершеннолетними / К. А. Сырых // Научные исследования молодых ученых: сб. науч. статей. Пенза, 2022. С. 191–193.

*Белгородский государственный
национальный
исследовательский университет*

*Ищенко Никита Евгеньевич
E-mail: nik.pro09@mail.ru*

*Belgorod national Research
University*

*Ishchenko Nikita Evgenievich
E-mail: nik.pro09@mail.ru*

Панченко Кристина Анатольевна

Белорусский государственный университет, Минск

**ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ, РАСТОРЖЕНИЯ
И ПРЕКРАЩЕНИЯ ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО
МАТЕРИНСТВА**

Panchenko Kristina Anatolievna

Belarusian State University, Minsk

**FEATURES OF AMENDMENT, CANCELLATION
AND TERMINATION OF A SURROGACY CONTRACT**

Аннотация: *статья посвящена регламентации условий изменения, расторжения и прекращения договора суррогатного материнства. Автором отмечены пробелы действующего законодательства Республики Беларусь и сформулированы предложения по их устранению. В частности, предложены основания изменения, расторжения и прекращения договора суррогатного материнства.*

Abstract: *the article is devoted to the regulation of the conditions for amendment, cancellation and termination of a surrogacy contract. The author notes the gaps in the current legislation of the Republic of Belarus and formulates proposals for their elimination. In particular, the author proposes the grounds for amendment, cancellation and termination of a surrogacy contract.*

Ключевые слова: *договор суррогатного материнства, изменение, расторжение, прекращение договора суррогатного материнства.*

Key words: *surrogacy contract, amendment, cancellation, termination of a surrogacy contract.*

Несмотря на то, что вопросам договорного регулирования суррогатного материнства уделяется достаточное внимание со стороны ученых и юристов-практиков, до настоящего времени в законодательстве Республики Беларусь не нашли закрепления

нормы, регулирующие условия изменения, расторжения и прекращения договора суррогатного материнства.

Определенно, стороны договора имеют право инициировать его изменение и расторжение. Однако ввиду специфики правоотношений, возникающих между суррогатной матерью и генетическими родителями, право на изменение и расторжение договора суррогатного материнства должно иметь определенные ограничения. Основным ограничительным фактором должен выступать момент переноса эмбриона в матку суррогатной матери, после которого изменение или расторжение договора суррогатного материнства будет затрагивать не только права сторон договора, но и интересы будущего ребенка. В связи с этим полагаем, что до переноса эмбриона в матку суррогатной матери изменение или расторжение договора суррогатного материнства допустимо по соглашению сторон договора, а также по требованию одной из сторон в случаях, предусмотренных договором. При этом при расторжении договора по требованию одной из сторон другая сторона должна иметь право на возмещение понесенных ею расходов стороной, изъявившей желание расторгнуть договор.

Рассматривая вопрос о возможности одностороннего отказа от исполнения договора, следует отметить, что согласно доминирующему подходу, договор суррогатного материнства, как и иные соглашения в семейном праве, не могут изменяться или прекращаться в одностороннем порядке. Полагаем, что категоричность данного подхода может быть подвержена дискуссии. По мнению М.П. Короткевич «право на односторонний отказ может быть предусмотрено в договоре и для суррогатной матери, и для женщины, заключившей с ней договор»¹. С данной точкой зрения можно согласиться, поскольку в силу различных обстоятельств у любой из сторон может возникнуть необходимость отказаться от выполнения своих обязательств по договору. Однако важно отметить, что рассматриваемое право также должно быть ограничено моментом переноса эмбриона в матку суррогатной матери. В таком случае (аналогично расторжению договора по требованию одной из сторон) другая сторона вправе требовать компенсации расходов, понесенных ею в результате одностороннего отказа, от стороны осуществившей такой отказ. Кроме

этого, на наш взгляд, возможно существование специального основания одностороннего отказа генетической матерью (женщиной, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой) от исполнения договора суррогатного материнства в связи с наступлением естественной беременности суррогатной матери после заключения договора и до переноса эмбриона. В данном случае право требовать возмещения понесенных расходов имеет осуществившая односторонний отказ генетическая мать (женщина, воспользовавшаяся донорской яйцеклеткой).

После переноса эмбриона в матку суррогатной матери изменение договора суррогатного материнства может быть возможно лишь в определенных случаях, которые не могут навредить интересам будущего ребенка, и только по соглашению сторон. Так, на наш взгляд, после переноса эмбриона в матку суррогатной матери могут быть изменены лишь следующие условия договора суррогатного материнства:

- количество эмбрионов, которые будут перенесены в матку суррогатной матери;

- указание организации здравоохранения, в которой будет происходить наблюдение за течением беременности суррогатной матери и роды;

- место проживания суррогатной матери в период вынашивания ребенка (детей);

- стоимость услуги, оказываемой суррогатной матерью по договору суррогатного материнства (за исключением случаев, когда договор суррогатного материнства заключен на безвозмездной основе);

- порядок возмещения расходов на медицинское обслуживание, питание, проживание суррогатной матери в период вынашивания, родов и в послеродовой период.

При этом расторжение договора суррогатного материнства после переноса эмбриона в матку суррогатной матери считаем невозможным.

Говоря о прекращении договора суррогатного материнства, следует отметить, что ординарным основанием прекращения является надлежащее исполнение сторонами обязательств по договору. Однако, как до, так и после переноса эмбриона в матку суррогатной матери возможно наступление объективных

обстоятельств, при которых дальнейшее исполнение договора суррогатного материнства не представляется возможным. Так, в случае невозможности исполнения обязательств по договору при наличии обстоятельств, которые не зависят от воли сторон и возникают не по их вине (например, ненаступление беременности после определенного количества попыток переноса эмбриона в матку суррогатной матери, самопроизвольный аборт (выкидыш) или рождение мертвого ребенка), договор следует считать прекращенным. Следует также отметить, что с точки зрения теории договорного права смерть одной из сторон договора должна выступать основанием его прекращения. К тому же, принимая во внимание личный характер договора суррогатного материнства, можно было бы допустить его прекращение смертью одной из сторон (особенно в случае смерти суррогатной матери). Однако на практике данная ситуация может вызвать ряд проблем ввиду специфики самого договора, поскольку в случае смерти генетической матери (женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой) вопрос оплаты услуг суррогатной матери и особенно вопрос дальнейшей судьбы ребенка остаются нерешенными.

Таким образом, считаем необходимым совершенствование правового регулирования по вопросам изменения, расторжения и прекращения договора суррогатного материнства. Полагаем, что до переноса эмбриона в матку суррогатной матери возможны:

- изменение или расторжение договора суррогатного материнства по соглашению сторон;
- изменение или расторжение договора суррогатного материнства по требованию одной из сторон в случаях, предусмотренных договором;
- односторонний отказ от исполнения договора суррогатного материнства одной из сторон в случаях, предусмотренных договором.

После переноса эмбриона в матку суррогатной матери изменение, расторжение или односторонний отказ от исполнения договора суррогатного материнства, на наш взгляд, являются невозможными, за исключением случаев изменения следующих условий договора:

– количество эмбрионов, которые будут перенесены в матку суррогатной матери;

– указание организации здравоохранения, в которой будет происходить наблюдение за течением беременности суррогатной матери и роды;

– место проживания суррогатной матери в период вынашивания ребенка (детей);

– стоимость услуги, оказываемой суррогатной матерью по договору суррогатного материнства (за исключением случаев, когда договор суррогатного материнства заключен на безвозмездной основе);

– порядок возмещения расходов на медицинское обслуживание, питание, проживание суррогатной матери в период вынашивания, родов и в послеродовой период.

Кроме этого, полагаем, что договор суррогатного материнства подлежит прекращению в случаях:

– надлежащего исполнения сторонами обязательств по договору;

– невозможности исполнения обязательств по договору при наличии обстоятельств, которые не зависят от воли сторон и возникают не по их вине (например, ненаступление беременности после определенного в договоре количества попыток переноса эмбриона в матку суррогатной матери, самопроизвольный аборт (выкидыш) или рождение мертвого ребенка). Вопрос о возможности прекращения договора суррогатного материнства смертью сторон, на наш взгляд, требует дальнейшего исследования.

¹ Короткевич М. П. Понятие договора суррогатного материнства, особенности его изменения, расторжения и прекращения / М. П. Короткевич, А. В. Енушкевич // Юстиция Беларуси. 2020. № 11. С. 43–48.

*Белорусский государственный
университет*

*Панченко Кристина
Анатольевна*

E-mail: kris00tens@mail.ru

Belarusian State University

*Panchenko Kristina Anatolievna
E-mail: kris00tens@mail.ru*

Ризова Алина Алексеевна

*ФГАОУ «Южно-Уральский государственный университет»
(Национальный исследовательский университет), Челябинск*

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Rizova Alina Alekseevna

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk

**PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF SURROGACY
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация: *проблема суррогатного материнства привлекла большое внимание из-за сложной правовой базы, окружающей ее. Целью данной статьи является изучение проблем, образующих в связи с правовым регулированием суррогатного материнства, и их влияния на общество. В статье предлагаются решения для устранения недостатка ясности, механизмов правоприменения и положений, обеспечивающих благополучие всех вовлеченных сторон.*

Abstract: *the problem of surrogacy has attracted considerable attention in the Russian Federation due to the complex legal framework surrounding it. The purpose of this article is to study the problems arising in connection with the legal regulation of surrogacy and their impact on society. The article proposes solutions to eliminate the lack of clarity, enforcement mechanisms and provisions ensuring the well-being of all parties involved.*

Ключевые слова: *суррогатное материнство, ребенок, потенциальные родители, ответственность.*

Key words: *surrogacy, child, potential parents, responsibility.*

Суррогатное материнство стало одним из решений демографических проблем нашего времени. В современном обществе, где концепция семьи постоянно развивается, многие пары

и отдельные лица обращаются к суррогатному материнству как к жизнеспособному варианту осуществления своей мечты о рождении детей.

Согласно ст. 38 Конституции РФ (далее-РФ): «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства».

Вышеуказанное положение говорит, что государство несет ответственность за защиту и поддержку прав и благополучия матерей, детей и семей, тем самым политика государства подчеркивает важность материнства и детства.

Термин «суррогатное материнство» законное закрепление в п. 9 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», где оно определяется как вынашивание и рождение ребенка (в том числе преждевременные роды) по договору, заключаемому между суррогатной матерью (женщиной, вынашивающей плод после переноса донорского эмбриона) и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям.

Юридическое обоснование договора на данный момент, не может предоставить биологическим родителям железную гарантию того, что рожденный ребенок будет передан им суррогатной матерью. Законодатель подчеркивает, что факт вынашивания и рождения ребенка даже суррогатной матерью более важен, чем генетическое происхождение, потому что является физиологически сложным и эмоционально насыщенным явлением, поэтому рожденный ребенок может быть оставлен с суррогатной матерью.

Ещё одной нерешенной задачей представляется вопрос о влиянии вынашиваемого, но ещё не рожденного ребенка на права наследования суррогатной матери, ее родственников и третьих лиц, а также генетических родителей. Возникают две основополагающих проблемы:

Во-первых, до тех пор, пока суррогатная мать не родила, невозможно приступить к разделу имущества (ст. 1166 ГК РФ)¹. Это создает значительную задержку и неопределенность с точки зрения распределения активов, особенно в случаях, когда наследство является значительным или сложным. Данная проблема также отмечена Г.Б. Романским².

Во-вторых, остается нерешенным вопрос о том, может ли нерождённый ребенок наследовать от своих потенциальных родителей, которые могут скончаться до его рождения. Этот вопрос затрагивает права и интересы как ребенка, так и потенциальных родителей. В ситуациях, когда предполагаемые родители умирают до рождения ребенка, при отсутствии четкого законодательства, регулирующего этот вопрос, возникает двусмысленность в отношении юридических прав ребенка и возможности обеспечить его наследование.

Решение этих проблем в рамках действующего законодательства имеет итоговое значение для обеспечения справедливого и эффективного ответа на вопросы наследования, связанных с суррогатной беременностью. Выяснение статуса ребенка во время внутриутробного периода и определение прав потенциальных родителей в случае непредвиденных обстоятельств являются важными шагами на пути к обеспечению правовой защиты и определенности для всех вовлеченных сторон.

Как отмечает Е.С. Митрякова, понятие «потенциальные родители» относятся к статусу лиц, которые не станут родителями, если суррогатная мать не даст своего согласия на регистрацию ребенка в органах записи актов гражданского состояния. Если этого не произойдет, у суррогатной матери есть возможность оставить ребенка себе³.

Концепция потенциальных родителей часто ассоциируется с соглашениями о суррогатном материнстве, когда отдельные лица или супружеские пары просят суррогатную мать выносить и родить ребенка от их имени. В таких случаях предполагаемые родители имеют сильное желание завести ребенка, но не могут этого сделать по разным причинам, таким как бесплодие, медицинские осложнения. Во многих юрисдикциях, в том числе в тех, где суррогатное материнство признано юридически, суррогатная мать имеет право решать, давать или не давать свое согласие на то, чтобы предполагаемые родители были юридически признаны родителями ребенка.

Идея, стоящая за этим требованием, заключается в том, чтобы гарантировать, что суррогатная мать имеет право принимать обоснованное решение о будущем ребенка, которого она вынашивала и родила. Это признает её физический, эмоци-

ональный и психологический вклад в процесс беременности и родов.

В случаях, когда суррогатная мать не дает своего согласия на то, чтобы предполагаемые родители были юридически признаны родителями ребенка, она может оставить ребенка себе. Эта ситуация может быть эмоционально сложной для всех вовлеченных сторон, поскольку предполагаемые родители, возможно, вложили значительное время, усилия и ресурсы в организацию суррогатного материнства.

Некоторые ученые, такие как Т. Е. Борисова⁴, О. В. Фетисова⁵, предлагают обратить внимание на сходство договора суррогатного материнства с договором возмездного оказания услуг. Другие авторы, например, Е. В. Стеблева⁶ придерживаются точки зрения о семейно-правовой природе договора суррогатного материнства.

Тем не менее, в настоящий момент договор суррогатного материнства на практике рассматривается как гражданский договор, к нему применяются нормы действующего Гражданского кодекса РФ гл. 39, применяемой к договорам возмездного оказания услуг.

На сегодняшний день даже юридически обоснованный договор не может предоставить биологическим родителям гарантию того, что ребенок будет передан им суррогатной матерью. Процесс суррогатного материнства, в ходе которого женщина вынашивает и рождает ребенка для другой пары или отдельного человека, является сложным и эмоционально насыщенным. Законодатель утверждает, что факт вынашивание и рождения более важен, чем генетическое происхождение⁷.

Например, как упоминалось выше, у суррогатной матери может развиваться сильная эмоциональная связь с ребенком, что заставит ее пересмотреть свое решение отказаться от родительских прав. В таких случаях даже самый надежный договор может оказаться не в состоянии гарантировать передачу ребенка биологическим родителям.

Поднимем ещё один важный элемент, правовой статус заказчика по договору суррогатного материнства. Семейный кодекс РФ в ст. 51 разрешает прибегать к услугам суррогатной матери только супругам⁸.

Однако п. 3 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливает, что мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, а также одинокая женщина имеют право на применение вспомогательных репродуктивных технологий, к числу которых относится и суррогатное материнство.

Как видно, здесь вскрывается еще одна правовая коллизия в виде конкуренции норм, регулирующих требования к субъектам, имеющим право на обращение к методам суррогатного материнства.

Приведём следующий пример, Смольнинский районный суд Санкт-Петербурга⁹, удовлетворил заявление мужчины, не состоявшего в браке, о регистрации ребенка, рожденного по соглашению о суррогатном материнстве, в качестве его сына без какого-либо указания данных матери. Это решение подтверждает признание судом родительских прав лиц, не состоящих в браке.

Значительная неопределенность в отношении того, кто может считаться заказчиком суррогатного материнства в России, вызывает озабоченность у специалистов и общественности, и подчеркивает необходимость законодательного разъяснения относительно права одиноких мужчин на участие в соглашениях о суррогатном материнстве. Несмотря на юридическое равенство мужчин и женщин, в биологическом и эмоциональном смысле разделение полов имеет огромное психологическое и социальное значение.

Одинокие мужчины в нашей стране тоже прибегают к услугам суррогатного материнства. В таких случаях яйцеклетку берут у стороннего донора и в свидетельстве о рождении ребенка в графе «Мать» могут указать суррогатную мать, при этом у нее будут такие же родительские права, как и у генетического отца. Чтобы этого не произошло, в этой графе, по просьбе генетического отца должен стоять прочерк. Если сотрудники ЗАГСа отказываются это сделать, мужчина может обратиться за судебной защитой. Суд, исходя из принципа равенства между мужчиной и женщиной, не может отказать в этом, так как права одинокого мужчины такие же, как и права одинокой женщины.

Но есть и этическая сторона вопроса, на сколько будет безопасно ребенку с одиноким мужчиной, и насколько он готов вы-

полнить роль ответственного, заботливого и адекватного родителя. Ведь не секрет что способность к выхаживанию и заботе о ребенке у женщины заложены природой, а у мужчины – другие биологические функции, не всегда совпадающие с интересами ребенка. Скорее всего, в таких случаях потребуются специальная психологическая экспертиза претендентов на отцовство, и дальнейший контроль органов опеки и попечительства за процессом воспитания.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 1 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

² Романовский Г. Б. Биомедицинское право в России и за рубежом : монография / Г. Б. Романовский, Н. Н. Тарусина, А. А. Мохов [и др.]. М. : Проспект, 2015. С. 166.

³ Митрякова Е. С. Требования к потенциальным родителям при использовании метода суррогатного материнства / Е. С. Митрякова // Семейное и жилищное право. 2018. № 6. С. 7

⁴ Борисова Т. Е. Договор суррогатного материнства: актуальные вопросы теории, законодательства и практики / Т. Е. Борисова // Российская юстиция. 2009. № 4. С. 7–10.

⁵ Фетисова О. В. Бездетные семьи в России: пути решения проблемы / О. В. Фетисова // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2008. № 2. С. 44–59.

⁶ Стеблева Е. В. Проблемы реализации прав участников отношений суррогатного материнства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. В. Стеблева. М., 2012. 18 с.

⁷ Толстикова О. М. Проблемы правового регулирования суррогатного материнства в России / О. М. Толстикова // Сибирский юридический вестник. 2017. № 1 (76). С. 83–87.

⁸ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Российская газета. 21.10.2007. № 123.

⁹ Решение Смольнинского районного суда от 4 марта 2018 г. по делу №2-1601/18 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации (СудАкт.Ру). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/saOKjHsn7T5K/> (дата обращения: 02.01.2024).

*Южно-Уральский
государственный университет*

*Ризова Алина Алексеевна
E-mail: alina.kardinal@yandex.ru*

South Ural State University

*Rizova Alina Alekseevna
E-mail: alina.kardinal@yandex.ru*

Научное издание

**Трибуна
Молодых ученых**

Сборник научных трудов

Выпуск 21

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
И ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

(Материалы VI Международной студенческой конференции)

Под редакцией *О. С. Рогачевой*

Издано в авторской редакции
Компьютерная верстка *Н. А. Сегиды*

Подписано в печать 13.10.2025. Формат 60×84/16.
Уч.-изд. л. 8,7. Усл. п. л. 9,2. Тираж 35 экз. Заказ 419

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3